

шарлотта мендельсон

ПОЧТИ АНГЛИЧАНЕ

*Роман вошел в лонг-лист
Букеровской премии 2013 года*

Romance

Annotation

Марине шестнадцать лет – самый интересный и трудный возраст, когда душа живет ожиданием любви. Марина многое отдала бы за свободную жизнь, вот только мама и бабушки, искренне желая ей добра, делают все, чтобы она и шагу ступить не могла, опекают и душат заботой. Марина решает бежать, но не куда-нибудь, а в специальную школу-пансион. Оказавшись там, она понимает, что совершила ужасную ошибку, но исправить что-либо уже сложно. Разве что знакомство с Гаем Вайни может помочь Марине. Пока молодых людей связывает дружба, но, как знать, возможно, она перерастет в более серьезное чувство. В любом случае Марине надо учиться строить отношения, а главное – ей предстоит понять, что для счастья не обязательно подстраиваться под других – достаточно быть собой.

- [Шарлотта Мендельсон](#)

-

-

- [Пролог](#)

- [Часть первая](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [Часть вторая](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
- [Эпилог](#)
- [От автора](#)
- [Словарь и произношение](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)

- [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
-

Шарлотта Мендельсон

Почти англичане

© Балясов Ю., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2016

* * *

Моим дедушкам и бабушкам и для моих детей.

Мы в Трансильвании, а Трансильвания – это не Англия. Наш уклад жизни отличается от вашего, многое здесь покажется вам странным.

Брэм Стокер, «Дракула»

Невероятно трудно стыдиться родного дома.

Чарльз Диккенс, «Большие надежды»^[1]

Значения венгерских слов и выражений, употребляемых в тексте, приведены в конце книги.

Пролог

Четверг, 29 декабря 1988 года

Они об этом еще не знают, но волк уже у ворот.

Семь часов, лунный вечер, исход декабря: ужасное время для вечеринки, а гости вот-вот придут. После всех приготовлений и хлопот жильцы квартиры номер два в Вестминстер-корте совершенно выбились из сил, а ведь столько еще нужно успеть! С пяти часов все на ногах: натирают до блеска каждую безделушку, пылесосят полы под многочисленными коврами, раскатывают тесто, нарезают огурцы; дел невпроворот, если хочешь, чтобы вечер прошел безупречно, то есть именно так, как он и должен пройти. Сейчас, пока Маринины бабушки прилегли отдохнуть, она вместе с мамой стоит в своей комнатке перед шкафом, смотрит в зеркало и старается не паниковать.

– А школьный джемпер нельзя надеть? – спрашивает Марина. – Он из овечьей шерсти, это стильно.

– Наверное, недостаточно стильно, – говорит ее мама Лора. – Ты же знаешь, они терпеть не могут... неважно. А как тебе зеленое платье?

– Нелепое.

– Может, длинную юбку? Где она? Ох, а бабушка что говорит?

– Не знаю, – отвечает Марина, и влажный блеск в ее глазах не предвещает ничего хорошего. – Я в любой одежде уродина, я...

– Дорогуша, – раздается голос с порога. Розы, Маринина бабушка, и не думает отдыхать: сегодня ей исполняется восемьдесят, и она не из тех, кого стоит разочаровывать. – Как жалко, что ты не хочешь быть красивой. Смотри, что у меня есть.

Марина оборачивается, и Розы протягивает ей блузку: оливковый атлас, расшитый резвящимися газелями.

– Я... – говорит Марина. – По-моему...

– Лора, дорогуша, – добавляет Розы. – Ты тоже сегодня старайся.

С Лориной свекровью нельзя не считаться. Человек без железной воли не стал бы крупной фигурой в мире дамского белья. Лора сглатывает комок.

– Конечно. Я буду стараться.

Нахмурившись, она изучает свое отражение: взмокшие волосы, стыдливо-бледная кожа англичанки, родившейся вдалеке от моря. «Спаси

меня», – думает Лора, когда в зеркале мелькает рябая рука.

– Мариночка, может быть, килт?

Та неуверенно кивает и спрашивает вполголоса:

– Мам, я... мы можем поговорить?

В любой другой день у Лоры от этих слов встрепенулось бы сердце, но сегодня бдительность притупилась – все мысли заняты резкой укропа.

– О чем? – рассеянно спрашивает она.

– Это сложно. Я...

– Дорогуша, – снова доносится от двери, – быстрее. Надо ложить *сальфетки*.

– Иду, – откликается Лора и, повернувшись к дочери, шепчет: – Милая, позже поговорим, обещаю. Хорошо?

Часть первая

До чего же людям нравятся вечеринки, особенно по случаю больших юбилеев! Некоторые гости, почти такие же старые и нетерпеливые, как виновница торжества, явились всех раньше с огромными коробками конфет и вызывающе глядят по сторонам. Всякий раз, когда в прихожей раздается звонок, Марина или ее мама бросается к двери. Проще оставить ее открытой, но обитатели Вестминстер-корта озабочены безопасностью, и на то есть причины. Бейсуотер – район с подмоченной репутацией; раз или два за вечер какой-нибудь незнакомец неизменно пытается просочиться в дом. Лучше не испытывать судьбу, поэтому двери закрыты.

Как бы там ни было, внизу, во второй квартире, шум стоит невероятный. Все едят, курят, сплетничают и знать не знают о незваных гостях.

Глядя на тех, кто спешит укрыться в доме от дождя, зарядившего на убогой улочке, трудно заподозрить этих людей в способности производить столько шума. В Гайд-парке, на дневном моционе, их легко принять за обычных пожилых лондонцев в предвкушении тихого вечера – с чашечкой чая, котлеткой и журналом «Рейдио таймс».

Во всяком случае, сами они видят себя именно так.

А вы подойдите ближе. Их обычное обращение – «дорогуша». Присмотритесь: разве такую жестикуляцию встретишь в Суррее? Как драматичен изгиб их бровей! А волосы, зачесанные назад, разве не наводят на мысли о «Носферату»? Эти люди подчеркнута официальные, и вместе с тем энергия бьет через край: вы будто попали в театральную костюмерную пятидесятых годов, а не в тесную лондонскую квартирку в полуподвале. В сумках у них – маковые пироги с локоть длиной и пралине в бархатистой обертке, привезенные контрабандой из Берна. Их духи пахнут как воздух в сотне универмагов. Что они говорят? Ни слова, ни звука не разберешь. Их язык совершенно непроницаем – *мегмашитататлан*, *эрёк кевалошаг*, – а если и услышишь родную речь, то искаженную дактилем: «*Пи-кадилли*», «*сти-ральная ма-шина*», «*Вест-минстер-корт*»; знакомые слова, укрытые снегом, лапником и темнотой.

А, венгерский... Теперь все понятно.

А где же Мариночка, внучка этого дома? Скромно сидит в ногах у

бодрой юбилярши, разменявшей девятый десяток? Любезничает с юным бухгалтером, благосклонно выслушивая комплименты в адрес вышитого передника? Только что была здесь и так нарядно одета: конечно, не по последней моде, но, учитывая все обстоятельства... И всегда вежливая – семье есть чем гордиться! Очень странно: куда она подевалась?

– *Бульдог сюлетешна!* С днем рожденья, Роза! – восклицают гости. – *Кезет чоколом!* Целуем вашу ручку! – Некоторые и целуют: кто ручку, кто щечку; самых юных подводят к виновнице торжества – выказать почтение.

– Дорогуша, помню тебя *вот-такой вы-шины!*

Поглядишь на них, и французы покажутся сдержанными, англичане – неповоротливыми. Поцелуи, дружеские щипки – будто вихрь кружит по квартире, а в центре него два поколения ее обитателей, три старушки и брошенная жена.

Марина, этим вечером известная как «*Ма-ринака*» и «*Ма-ца*», заведует верхней одеждой. Шкафы в прихожей забиты мехами, дубленками и плащами; в комнате двоюродных бабушек море головных уборов поглотило обе кровати. И хотя до Бескрайней Степи им еще далеко, одежды все больше: растут горы беретов и фетровых шляп, прибывают теплые кожистые клешни перчаток.

Воздух в квартире отдает туберозой, тмином и чесноком – неизменным душком центральноевропейского гостеприимства. Марине, впрочем, не до радушия. Последний час все только и делают, что тискают ее щеки, восхищаются красотой ногтей и густотой ресниц, поучают, советуют, сватают. Это выше человеческих сил, а впереди еще целый вечер. Скоро, после краткой передышки, чужие взгляды снова начнут раздевать ее и оценивать, словно какой-нибудь фрукт. Марине не привыкать. Ее с детства учили относиться к расспросам и поцелуям так, будто нет ничего приятнее, – как бы ни kloкотало в груди. Вот только Марина уже не та, что раньше. Чужое внимание невыносимо, потому что жизнь превратилась в сплошное несчастье, и винить в этом некого, кроме себя. Марина предала семью, сбежала от них, а теперь отчаянно хочет вернуться.

«Берегись своих желаний».

Это один из мудрых и вдохновляющих принципов, которые она собирает с недавних пор; их уже сорок три – шесть на латыни, – но пользы от них никакой. Они не спасли от худшего в ее жизни выбора: Кум-Эбби, школы-пансиона. Марина захотела стать другим человеком, сбежать всего на два года, а теперь пожинает то, что посеяла.

Осталось пять триместров.

Марина сидит на краю широкой кровати Жужи, младшей из двоюродных бабушек и самой красивой – она спит на шелковых подушках, чтобы не было морщин. «Жужи скривилась бы, если б меня увидела», – думает Марина, вытирая нос и избегая смотреть на свое отражение в зеркале над туалетным столиком. Слезы уродуют, и, чтобы остановиться, она кусает пупырышки на внутренней стороне губы, чувствуя вкус отваги: кровь и железо. Пусть у нее нескладное тело и вездесущие веснушки, нужно быть смелой, несмотря ни на какие изъяны. В их семье женщины всегда были смелыми.

В гостиной (и столовой по совместительству) вечеринка в самом разгаре. Чего тут только нет: холодный суп из кислой вишни, куриный *паприкаш*, лапша в масле, голубцы, краснокочанная капуста, кисло-сладкий огуречный салат, холодный *крумлишала* с корнишонами, шнитт-луком и горячим *паприкаш крумли* с сосисками. Кто-то поймал последнего в Лондоне карпа (или окуня? или леща?), сделал из него (кажется, все-таки из «него») заливное с морковью, и надо же, несмотря на сомнительное происхождение – не озеро Балатон, а какой-то пруд неподалеку от Вейбриджа, – угощение, по общему мнению, вышло на славу. Розины сестры – непорочная Ильди и красавица Жужи – сияют, как ангелы сквозь туман. Тут и шницель, и паштет из гусяной печени, и польская салями, и любимые Ильдины *полочинта* с начинками на любой вкус: грецкие орехи и ром, творожный сыр, изюм и лимон, и даже (если среди гостей вдруг найдется вегетарианец) шпинат с едва различимой ноткой бекона. Кто-то принес огромный, кольцом закрученный бычий язык, на вид ровно такой, как вы и боялись. А в темной кухне, в дымке розовато-желтого света из окна на общую лестницу, один-единешенек на блюде чешского хрустала ждет своего часа гвоздь вечера, кулинарный шедевр – «птичье молоко», *iles flottantes*^[2] или *мадармей* – пышногрудый остров из сваренных в сахаре яичных белков, наполовину утопленный в море ванильного крема.

– Прекрасно! – восклицают гости: одно из редких понятных слов в непроницаемой стене разговора. Им приятно, что Ильди в свои восемьдесят два года готовит еду, которую они помнят: пропускает *нокедли* через машинку, рубит оленьи кости, растапливает масло. Ну не дивная ли семейка! Конечно, уже не те, что раньше, но, дорогуша, кто из нас тот? Марина, что ни говори, ужасно хорошо воспитана: такая уважительная, такая вежливая; недавно поступила в школу для английских аристократов – и кто знает, чем все обернется.

Среди гостей уйма кузенов с уменьшительными именами одно сумасбродней другого: Пуби, Гоби, Лоци. Один из них явился с супругой, которая зажала у окна Лору и учинила допрос.

– Дорогуша, – говорит она, – ты расскажи что-нибудь.

Лора, хотя и прожила тринадцать лет бок о бок с пожилыми венгерками, наблюдая за их повадками, как незадачливая Джейн Гудолл^[3]; хотя и была когда-то замужем за сыном Розы; хотя и подарила ей единственную внучку, – но уменьшительного имени так и не получила. Венгерский дух не подхватишь, как насморк: сестры ввели их с Мариной в свой дом, окружили заботой, осыпали поцелуями, но Лора так и осталась для них непонятной домашней зверушкой.

– Нет, правда, – говорит она. – Я ведь даже...

– Что ты делаешь?

– Простите?

– Про-фессионально го-воря. Ты знаешь, однажды я была директор музея? Очень большой музей в Чехо, – самодовольно сообщает кузенова жена, позвякивая браслетами на дряблом запястье. – А ты? Ты больше не сек-ретер у прекрасный доктор?

– Что? Ах, секретарь... Да, я там работаю.

Кузенова жена качает головой. Эта женщина в годах одета в блузку, безрукавку и брюки капри (Розы называет такие бирючками). У нее безукоризненная, хотя и слишком яркая губная помада, модные очки вполлица и бронзовая копна волос; по сравнению с остальными внешность почти заурядная.

– И... – Она протягивает Лоре пачку розовых сигарет «Собрание». – Ты одинокая, да?

– Нет! – отвечает Лора, отступая на шаг.

– Жить с другими – удача, но одиночество. Я знаю это. – Обе женщины переводят взгляд на Лорино обручальное кольцо, давно потерявшее смысл.

– Я вовсе не...

– Конечно, сейчас Мариная ходит в школа...

– Да, но...

– Вечер, выходной. Что ты делаешь столько время? Учишь язык? Играешь инструмент?

– Я...

– Не говори, – театрально шепчет кузенова жена. – Ты имеешь бойфренд?

– Что? Нет, ничего подобного!

– Потому что, конечно, без Петер... да.

Лора ждала этого весь вечер. Когда вокруг столько венгров, непосредственных и безудержно любопытных, иначе и быть не могло. Бедняжке Розе они докучать не станут: исчезновение ее младшего сына Петера, который бросил жену и дочь, – не тема для всеобщего обсуждения. Зато учинить допрос Лоре – это по-честному.

– Ты слышала о нем опять?

– О Петере? Нет, конечно, нет. С тех пор как... ну, вы знаете, – с тех пор, как он прислал открытку...

– Да-да, я видела это. Ты не знаешь, где он живет столько годов, это ужасно. Ты много плакаешь, дорогуша, я тебя понимаю. – Кузенова жена ударяет себя по хрупкой груди. Лора не сомневается: уж кто-кто, а ее собеседница не один десяток лет счастлива в браке.

Вопросы сыплются один за другим. По крайней мере, не устает напоминать себе Лора, намерения у этих людей самые добрые. Когда она гостит в Кестонбридже – тихой камбрийской деревушке, куда тихий Лорин отец перебрался после кончины тихой Лориной матери, – соседи, которые знают их двадцать лет, даже здороваются с ней через силу. Здесь же ее принимают как дочь: непутевую, но родную. Не стоит пренебрегать людской добротой. С тех пор как Петер сбежал, а они с Мариной поселились в Вестминстер-корте, Розе и слышать не хотела о переезде, даже после того, как в квартиру перебрались ее сестры – Ильди, ограбленная в пригородном автобусе, и овдовевшая Жужи. Они делят с Лорой стол и кров. Все равно что расти в волчьей стае.

Беда в том, что они думают, будто знают ее. Им невдомек, что, как бы сладко Лора ни улыбалась, как бы кротко ни отвечала, всегда найдется место или занятие, которое больше ей по душе. А также мужчина, о котором никто не должен знать.

Никто и не узнает. Мысль о том, что у брошенной мужем Лоры после десяти с лишним лет целомудрия могут иметься некоторые, хм, нужды, не приходит им в голову. Впрочем, утаишь ли что-нибудь в этом доме? Марина так наблюдательна – вдруг она уже догадалась?

Пожалуйста, не сейчас, думает Лора, и все-таки беспокоится. Когда вокруг столько любопытных глаз, тайное в любую минуту может стать явным.

– Неважно, – радостно объявляет кузенова жена, костлявой рукой беря Лору за локоть и подталкивая к толпе. – Однажды, когда ты будешь старая женщина, как я, ты будешь понимать. Мужчины уходят. Дети уходят. Смерть остается.

Под восторженные крики гостей из-за стола поднимается Роза.

На взгляд англичанина, случись ему оказаться в этой компании, Роза – самая обычная бабушка: очки на цепочке, истертое обручальное кольцо. Однако внешность обманчива. Роза необычайно умна и бесстрашна, даже по меркам своих соотечественников. Ее младший сын Петер, бывший муж Лоры, не без причин называл свою мать Аттилой. Лоре, чьи познания более прозаичны, свекровь представляется Боадичеей^[4] в обличье мисс Марпл. У нее совершенно седые волосы, собранные в пучок, и черные брови; щеки дряблые и рябые от старости; но взгляните на эти скулы – вы думаете, она легко забывает? Подумайте еще раз.

На столе перед ней вместо именинного пирога – не по ошибке, а по традиции – стоит *диош торта* с ромом и грецкими орехами, испеченный ее любящей старшей сестрой Ильди. Роза, не забудь задуть свечи – на удачу.

С днем рожденья тебя...

Юбилярша, по общему мнению, выглядит превосходно. В выходном темно-красном платье она не столько красива – у Розы для этого слишком суровый вид, – сколько притягательна какой-то особенной статью, точно русская шпионка. Да и зачем ей, самой умной из сестер, отдавшей многие годы карьере, заботиться о красоте? Разве не достойна она восхищения? Наперекор всем несчастьям – ужасной истории с бедным покойным мужем, исчезновению Петера – она трудится не покладая рук. Поразительно! Только взгляните: Маринака так любит бабушку! Роза не грозит одиночество, а за это разве не стоит благодарить судьбу?

С днем рожденья тебя...

Фотовспышки освещают ее лицо и (говоря по правде, немного чаще) лицо Жужи, ее младшей сестры – красавицы с дивной кожей, здоровыми зубами и прокуренным смехом. Те, кто полвека назад, еще в Паласлани, знал прославленных сестер Каройи – Китти-Ильди-Розы-Франци-Жужи, – уверяют, что, когда последняя выходила на улицу, движение замирало. Ее поклонники сводили счеты с жизнью, и ни замужество, ни раннее вдовство не ослабило чары. Даже на сегодняшний праздник явился кое-кто из ее женихов, представительных седовласых «мальчиков» в красивых костюмах; и богач Эдди Биро, и Тибор Андре с дуэльным шрамом, исколесивший весь мир, – все они терпеливо ждут, что спустя столько лет Жужи сделает выбор.

С днем рожденья, наша Роза,

С днем рожденья тебя.

У Розы, овдовевшей почти так же рано, как Жужи, и еще более

незаслуженно, женихов, разумеется, нет. Она заносит нож. Она улыбается.

– Когда будет приходить доктор, как ты думаешь?

Лора медленно оборачивается. Ильди, старшей сестре ее свекрови, восемьдесят два года. Она никогда не была замужем, до сих пор посещает вечерние курсы, способна без видимой паники приготовить ужин на пятьдесят человек, но сейчас отчего-то встревожена. Разумеется, доктор Алистер Саджен с супругой приглашены: у него лечатся все пожилые венгры и чехи в округе. Так легко и волнительно представить выдающегося врача на их истертом диване зеленой кожи за светской беседой. Розы будет гордиться.

– Э-э, – говорит Лора чуть громче, чем нужно. – Ну...

«Осторожно», – шепчет ей в ухо голос здравого смысла. Лора, впрочем, никогда не умела быть осторожной: ни в свои бестолковые двадцать шесть, когда ее, неудавшуюся учительницу, обрюхатил под сенью каштана в Кенсингтонских садах красивый и донельзя испорченный Петер Фаркаш; ни в следующие три года, когда она растила Марину в холодной съемной квартирке, пока Петер изображал из себя художника, просаживал последние деньги родителей, а потом и вовсе бросил семью в беде. Вот и теперь, больше десяти лет спустя, деля трех-с-половиной-комнатную квартиру свекрови с тремя старухами и шестнадцатилетним подростком, Лора перешла всякие границы осторожности. А иначе как объяснить, что она пустила к себе в постель наименее подходящего для этого человека: Алистера Саджена, ее очень даже женатого работодателя?

Марина на кухне, отмывает ножи от крема. Здесь жарко, а на ней полно одежды: черная шерстяная рубашка с огромным Жужиным медальоном, килт, плотные матовые колготки и эдвардианские полусапожки. Марина знает – по крайней мере, не сомневается, – что выглядит отвратительно: к чему тогда эти надежды, что в нее влюбится чей-нибудь симпатичный внук?

«К тому, – отвечает она себе, истязая заусенцы посудной щеткой, – что ты вечно думаешь, будто новая жизнь ждет тебя за каждым углом – а ведь она может вовсе не наступить».

Эта мысль созрела недавно, и Марине сложно ее принять. Мода всегда казалась ей делом мудреным, но подружки из Илингской школы разбирались в этих вопросах ничуть не лучше, и Марина была спокойна.

Их коллективное невежество ее и сгубило – она только сейчас начала это понимать. Пока ровесницы развивали вкус, экспериментировали с укладками и тенями для век, выясняли, что им к лицу, а что нет, у Марины, Кэтти, Кейт и Урсулы находились дела поважней: к примеру, выучить названия всех шекспировских пьес.

Потом Марина перешла из Илинга в Кум-Эбби и поняла, что безнадежно отстала.

Как? Во-первых, она не знает, что должно ей нравиться, а что нет. Например, красный цвет – цвет ее пухового одеяла и любимого джемпера – слишком обыкновенный, а она об этом не догадывалась.

Во-вторых, даже пробуя что-то новое, она может, сама не заметив, выставить себя на посмешище. Эта мысль ее ужасает. Это и застрявшая в зубах еда.

В-третьих, Марина от природы непривлекательна.

Ее семья не желает признать простую истину: кто-то умеет хорошо выглядеть, а другим это не дано. Легко вертеться перед зеркалом и красить ресницы, если ты симпатичная. А если нет? Все решат, что ты слишком много о себе возомнила: думаешь, будто достаточно челку поправить – и ты красавица; но очки, прыщеватые плечи, жуткие колени и мальчиковые брови не спрячешь. Некоторым не суждено стать красивей. Упорствуя, они только выставят себя дураками. Марина этого не допустит.

Список напастей легко продолжить. Она робкая, неуклюжая, низкорослая; у нее нет отца; она боится кошек, темноты и будущего. Она хочет стать врачом, но знает, что это ей не по силам. Без Кембриджа ее жизнь будет кончена. А еще у Марины есть тайна, о которой в Кум-Эбби не ведают ни одна душа: она живет с пожилой родней в маленьком темном уголке Венгрии – будто принцесса из сказки. Или тролль.

Говорить об этих секретах стыдно, и она хранит их в прогнившем сердце. Быть может, думает Марина в эту минуту, ее сердце и есть корень всех зол. Ибо, формально невинная, она уже познала взрослую любовь. За тысячу миль отсюда, в Дорсете, живет Саймон Флауэрс, предмет ее тайного обожания. Музыкант, приходящий ученик старших классов, будущей осенью он поступит в Кембридж, а сейчас проводит время с семьей, собирает перед триместром тетрадки по физике и пишет сочинения, в которые вкладывает всю чистоту своей непорочной души. Никто не знает о Марининой страсти – не в последнюю очередь потому, что это запрещено школьными правилами. Есть и другие резоны: Марину станут дразнить, а это невыносимо; семья и слышать не хочет о мальчиках – «как ми-инимум» до поступления в Кембридж; а еще Саймон Флауэрс – деятельный

участник Христианского союза.

Они учатся в разных классах, но Марина хорошо его знает – благодаря своей наблюдательности. Возможно, Саймон даже имеет к ней интерес. Однажды он улыбнулся ей в капелле: неслыханное дело для старшеклассника, особенно такого обаятельного и одаренного. Да, формально они ни разу не разговаривали, но Марина так сверлит его глазами, что Саймон не может не знать о ее чувствах – они оглушительны. Она думает о нем каждые пять минут и строит планы на будущее, их пылкое интеллектуальное будущее. От мысли о разлуке ей физически больно, поэтому она все сильнее верит, что встреча, которая перевернет ее жизнь, – дело ближайшего времени. Ей помогут мысленные лучи. Когда ты очень хочешь кого-то увидеть, он обязательно явится.

А что, если нет? Ни одна из бесчисленных подростковых трагедий не причиняла ей столько страданий, как простой вид этих чувствительных рук, кожаного портфеля, очков в тонкой оправе. Без Саймона Флауэrsa ее жизнь пойдет прахом. Марина больше не сможет никого полюбить – ведь первая любовь не повторяется. Она читала Тургенева. Она знает.

– Скорее, – шепчет Ильди, бабушкина сестра. – Где красивая пепельница для миссис Добош?

Миссис Добош поднимает голову – точь-в-точь балетная прима – и пристально смотрит на Марину. Ей, как начальнице Розы, полагается самое удобное кресло. Это к ее приходу из-за батарей вычистили всю пыль – вдруг заглянет!

– Вот, – любезно улыбается Марина. – Я специально помыла.

– Маринака, дорогуша, – говорит миссис Добош. – Ты не рассказываешь про Кум-Эбби. Тебе там нравится, как я и думала. Ты рада. Я вижу, что ты хорошо кушаешь. Бюст растет.

– Я...

– Конечно, ты рада. Это прекрасная школа. Прекрасная возможность.

– Да, – отвечает Марина, – я очень рада. Спасибо, что посоветовали ее, миссис Добош.

Когда-то Лора вела в меру интеллектуальную жизнь. Ее заботили судьбы Европы, голодающие дети, сокращение лесных площадей. Теперь то ясно, что все это было притворством, а сама она – только сумма потребностей, на которые реальность, увы, и не думает отвечать. Освободиться от доктора Саджена, стареющего любовника. Найти способ всюду носить с собой если не Марину в заплечной сумке, то хотя бы

чистый запах ее детства в нюхательной капсуле. Разрубить узел вины, долга и финансовых трудностей, который с каждым днем затягивается все туже. Найти новое жилье для независимой взрослой женщины с дочерью.

Четыре месяца назад, до наступления учебного года, все это было терпимо. По сравнению с домишком ее отца в Кестонбридже или дорогущей квартирой-студией за пределами кольцевой автострады Вестминстер-корт казался большой удачей. Жить в доме бабушек, в окружении их культуры, любви и еды, было Марине на пользу, а то, что Лора им не кровная родня, никого не смущало. Потом Марина поступила в пансион, и все развлечения, которые Лора наобещала себе – дневные походы в кино, визиты к друзьям в Бате и Бристоле, – так и остались в мечтах. Она хотела лишь одного: чтобы дочь вернулась домой.

Связь с Алистером Садженом только все усложняет. Он вот-вот объявится на пороге с Мици, своей женой, которой Лора с недавних пор буквально одержима. Мици Саджен – живая легенда, воплощение энергичности и плодовитости. В то время как Лоре на пятом десятке похвастать особенно нечем – ни машины, ни дома, ни мужа, лишь одна дочь, – Мици превосходит ее во всем. Кроме четырех детей она произвела на свет сотни, если не тысячи, пастельных рисунков: танцующие цыганки, счастливые бродяги, грудные младенцы. Ее варенье настолько близко к совершенству, насколько это возможно без легендарных тарпских слив «немтудом» с берегов Тисы. Мици шьет занавески и брачные постельные покрывала. Она устраивает занятия аэробикой для пожилых пациентов Алистера.

Более того, она венгерка. В 1956 году, когда Лора – восьмилетняя дочка двух безнадежно английских почтовых служащих, называвших друг друга «мамочка» и «папочка» и мечтавших только о том, чтобы прожить незаметную жизнь, – когда Лора училась прыгать через резинку, смелая Мици, всего на три года старше, тайком пробралась на кожаную баржу и отправилась навстречу будущему.

Гости и не думают уходить. Торт, эта симфония шоколада и сливок, еще не съеден, да и остального – «Собрания», кофе, марципановых фруктов и нерассказанных сплетен – осталось вдоволь. Сестры – те еще хохотуньи: Ильди в уголке шепчется с Жужи, а у той от смеха слезы бегут по румяным щекам. Еды на столе все больше. Фанни Пельцер, старейшая Розина подруга, принесла огромную, с годовалого ребенка, коробку конфет «Моцарткюгельн», украшенную его, Моцарта, глупым девичьим личиком.

– Прекрасно! – восклицают стайки мельтешащих кузенов. Лора

улыбаются и кивают, пока от притворства не сводит скулы. Ее пугают все эти люди – не в меру заботливые, обидчивые, любопытные; она им не ровня, а сегодня вечером – меньше всего.

Что, если с появлением Алистера, чья страсть (или, во всяком случае, мысль о ней) так ее возбуждает, Лора засияет сквозь одежду? Кто-нибудь непременно заметит; конечно, не Ильди – она для такого слишком нежна и невинна, но Жужи с ее поразительным нюхом на секс или Розы, чьи мысли непроницаемы, как у белого медведя... Тут и конец всему.

Ей нужно поразмыслить. Придется искать убежище в ванной. С гостями так себя не ведут, но пусть думают что хотят. Она робко пробирается на кухню под градом банальностей, прокладывая поцелуями дорогу, и, что бы ни говорили губы, в голове звучит только одно: пожалуйста, пожалуйста. Пожалуйста. Но о чем она просит? О любви, уединении, покое? Или, напротив, о чем-то, что изменит текущий порядок: к лучшему или к худшему – все равно?

Меньше недели осталось до отъезда Марины. Еще один вечер потрачен впустую. Лора едва видела дочь и тем более не говорила с ней, ни разу не обняла, не вдохнула запах ее волос, не простонала как сумасшедшая, прижимая ее к себе. Лечь бы сейчас лицом на холодный кафель и зарыдать, но нельзя; и Лора берет себя в руки, прочищает нос, умывает лицо, будто немного разочарованная домохозяйка, готовящая повидло на встрече Женского института^[5]; кто-то, кем она так легко могла стать.

На носу висит водяная капля. Рядом с дочерью Лора – особь другого вида, лабрадор, родивший лосося. Если Алистер заговорит с Мариной, она ему хотя бы ответит? С ней всегда так: люди считают ее обычным нервным подростком, чью холодность легко растопить. Лора морщится, видя, как от дружелюбных насмешек дочь каменеет, словно маленький строгий ученый. Разве такая застенчивость и колючесть в одном человеке – это нормально? С тех пор как Марина поступила в Кум-Эбби, стало лишь хуже, а почему – она ни за что не признается. Покажи им себя такой, какая ты есть, желает ей Лора, наблюдая, как дочь односложно отвечает на все вопросы. Густые хмурые брови и толстая темная коса делают ее похожей на маленькую русскую поэтессу, решившую покончить с собой из-за любви.

«Солнышко, – думает ее мама, – однажды тебя заметят. Но не сейчас. Пожалуйста, не сейчас».

Раздается звонок, и Марина тут же все понимает. Когда твой любимый рядом, ты всегда это знаешь: так уж оно устроено. Ее, как магнит к

металлу, как пришельца к летающему блюдцу, тянет вперед, сквозь толпу пожилых венгров: только бы увернуться от щипков! Стоит ли удивляться ее интуиции? Она нашла бы Саймона Флауэrsa где угодно – в песчаной буре, в лавине; ее тело гудело бы, как антенна, или что там антенны делают? О, как она гудит! Зная силу ее любви, разве можно представить, что это кто-то другой? Он сжалился и пришел за ней.

– Кто там? – спрашивает один из гостей, подойдя к домофону. Нет ответа, что само по себе знак. У Марины в груди тяжело колотится сердце, а органы никогда не врут. Она пожелала, и он явился: горячий металлический луч ее страсти вытянул Саймона Флауэrsa из дома (номер двадцать девять по Милл-роуд, Стаурпэйн, Блэндфорд-Сент-Мэри, графство Дорсет, почтовый индекс DT11 2JP), где он живет с родителями и двумя младшими сестрами, – прямо в ее объятия.

– Я выйду, – говорит она, хотя все на нее смотрят. Под кожей бьется электрический пульс. Неужели ее желание вызвало Саймона к жизни? Раньше, отправляясь в город за бесплатной газетой для Жужи, или заполняя пробелы в своих познаниях о Тюдорах в Национальной портретной галерее, или наблюдая за людьми на эскалаторе и подставляя их взглядам свой более выгодный профиль, Марина не сомневалась: в следующий миг – или в следующий, или нет, в следующий – ее судьба переменится. Все, что было для этого нужно, – встреча с большим семейством аристократов или с добрым преподавателем. Они разглядели бы в Марине красоту и чувствительность, о которых другие не подозревают, и приняли бы ее в свой круг.

В эти каникулы, в эпоху Саймона Флауэrsa, все стало иначе. В конце концов, должен ведь он бывать в Лондоне – навещать престарелых родственников или покупать мадригалы. Всякий раз, выходя из квартиры, Марина готовится поймать на себе его взгляд.

И сегодня это случится. Сегодня ее жизнь изменится. Марина налетает локтем на дверную ручку, но не чувствует боли. Воздух в полуподвальном коридоре – чистый кислород. Она, как на крыльях, проносится по блестящему синему линолеуму, обегает лифт, этот ледериново-ореховый гроб, в котором когда-то мечтала о поцелуях обветренных губ, и теперь, после блужданий в пустыне, может мечтать снова. Она заглянет в милое ученое лицо Саймона, и он спасет ее, избавит от девственности, преобразит Кум-Эбби и откроет дорогу в блистательный взрослый мир. Что с того, если пансион не оправдал ее ожиданий? Что с того, если тамошние мальчики, такие пугающие, и девочки, такие чужие, называют жителей Кума и Мелкума крестьянами?

Марина взбегает по лестнице и вырывается в вестибюль, где лампа дневного света благословляет своим сиянием молодую любовь.

Вечеринка определенно сменила тон: стала тише и напряженней, словно среди гостей затаился прелюбодей и все почуяли приближение бури: оскорбления, слезы. Когда Лора была подростком, публичное проявление эмоций влекло за собой пожизненный вежливый остракизм. Родня ее мужа принимает драму как должное.

Или, может быть, все ждут Садженов, думает Лора и в ту же секунду слышит телефонный звонок. В гостиной так шумно, что она спешит в спальню мужниных теток, к аппарату на столике между кроватями.

– Алло?

Тишина в ответ.

– Алло? – пересохшим голосом повторяет Лора, а потом тихо-тихо, почти одними губами, добавляет:

– Это ты?

Молчание.

– Кто там? – спрашивает свекровь из дверей. – *Висонтлаташра*, дорогуша – скорее, миссис Вольф уходит.

– Наверное, ошиблись номером, – отзывается Лора, и линия отключается.

Ни Саймона Флауэрс, никого. Марина прижимается спиной к входной двери, прячась от взглядов людей на автобусной остановке. Ее обдает холодная волна отвращения к себе.

Душевная боль в груди говорит, что Марина больше никогда не полюбит. Ни один человек в Кум-Эбби, кроме Саймона Флауэрс, не вызывает у нее ни малейшей симпатии. У него есть качества, которых недостает остальным: ум, изящество, даже красота, если вы достаточно чувствительны, чтобы ее увидеть. Марина все бы ему отдала – возможно, даже рискнула бы впустить его в дом.

Саймон бы удивился, узнав, что в ее глазах это важное, едва ли не ритуальное событие. Для Марины почти вся жизнь – сплошной ритуал. У нее есть способности, хотя ей не очень ясно, как они действуют. Она всегда подозревала, что спасти родню от голода, нищеты, болезней и нерадивых врачей, потешающихся над иностранным акцентом, смогут только ее медицинский диплом и неусыпное бдение до конца жизни. Однако двух или трех недель в новой школе хватило, чтобы понять: все ее страхи, словно осмотический процесс, которому сама Марина служит

проводником, берут начало в Кум-Эбби. Школа будет для семьи не спасением, а проклятием. Маринины одноклассники пышат здоровьем, а родные – слабы и хрупки и без нее становятся еще уязвимей.

Возможно, не тоскуй она так по дому – и ответственность давила бы меньше; да только дни тянулись, а тоска и не думала уходить. Марина скучала по бабушкам, их морщинистым локтям, нежным прожилкам их шей; спешила на помощь всякий раз, завидев старушку с тяжелыми сумками. Что, если, разлучившись с семьей, она медленно убивает их на расстоянии?

Однажды морозным ноябрьским вечером, идя в буфетную мимо развалин аббатства, Марина заметила многозначительно сверкающий камень и принесла над ним обет. В сиянии новых псевдогазовых фонарей она пообещала оберегать семью от боли, скорби и смерти. Я справлюсь, поклялась она, чего бы это ни стоило. Дезинфицировать квартиру. Объявить карантин. И, само собой, позаботиться, чтобы ни один человек из Кум-Эбби не переступил порог их дома.

Кроме Саймона Флауэrsa – мальчика, которого одобрит даже ее семья. Столь велика была Маринина любовь, что она решила: стоит рискнуть. Вот только Саймона Флауэrsa здесь нет. Как сокрушительна мысль, как...

– Привет, – доносится голос с автобусной остановки.

– Кто это? – Марина пытается разглядеть в темноте вождеденный силуэт, но вместо него видит бледного, глуповатого на вид мальчика с мышинными волосами, смутно знакомого. Ее лицо накаляется, как спираль чайника, подсвечивая воздух вокруг.

– Брось, – говорит мальчик, – ты меня знаешь. По школе.

– Нет, не знаю, – отвечает Марина, хотя уже вспомнила: это пятиклассник из Кум-Эбби, даже не с ее факультета, Гай как-то там. Капли дождя блестят в его шевелюре: Марина, несмотря на крушение надежд, не утратила наблюдательности. – Что ты здесь делаешь?

Дождь усиливается, будто кто-то вывернул вентиль. Мальчик наблюдает за работниками химчистки, которые выбрали этот момент, чтобы загрузить вешалки с одеждой в фургон.

– Странно, правда? Вышел купить компакт-диск на Куинсуэй.

– Неужели?

– А потом должен был встретиться с матерью в Холланд-парке, но посеял деньги на такси. Мне сказали, тут на углу останавливается автобус. Только не говори, что здесь живешь.

Марина не умеет переносить оскорбления. Она цепенеет; насмешки могут на несколько дней вогнать ее в ступор.

– Хотя неважно, – добавляет Гай, ничего не заметив.

Марина хочет уйти, но боится, что он станет говорить о ней гадости в школе. Впрочем, не похоже, что он ее дразнит.

– Ну, в общем, удачи, – говорит она.

– Спасибо.

Пора возвращаться, но она как обычно медлит, а входная дверь тем временем открывается. Мальчик из Кум-Эбби вытягивает шею. Марина оборачивается. В проеме, словно дух мщения, темнеет старушечий силуэт, очерченный светом лампы: изумрудный халат до земли, сигарета, узорная заколка и большие золоченые клипсы – бабушка Жужи.

– Я пришла искать тебя, – говорит Жужи. – Все спрашивают. Ты пропустишь... Кто это?

Мальчик из Кум-Эбби округляет глаза. Что его удивило: тени для век, золотые волосы или акцент, который Марина едва различает, но знает – он есть. Люди часто спрашивают Розы, словно какую-нибудь туристку, давно ли она в Лондоне, и бывают заметно потрясены ответом: «Сорок лет».

Одной Розы хватило бы с лихвой, а Жужи – и вовсе катастрофа. Теперь, когда Марина поступила в Кум-Эбби, нужно, чтобы родня вела себя тише воды. В школе и так ходят слухи, что она из семейки фрицев.

– Вообще-то, – говорит Марина, – я как раз собиралась...

Однако мальчики из Кум-Эбби вежливы со взрослыми. Гай подходит и протягивает руку:

– Гай Вайни. Простите, я не знал, что вы здесь живете. Мы с вашей... м-м-м... дочерью...

– Дочерью? – просияв, восклицает Жужи. – Прекрасно! Какой милый мальчик! Школьный друг Марины?

Бабушки одержимы школой и настаивают, чтобы Марина приводила домой друзей. Им не понять.

– Вообще-то, – говорит она, – мы почти незнакомы. Он просто...

– Ждет автобус? – Судя по лицу, Жужи готова угостить его сигаретой. – Нет!

– Ничего страшного, – убеждает ее Марина. Гай утирает лицо рукавом.

– Всего нет, – говорит Жужи. – Не будь глупой. Мы не позволяем школьному мальчику уйти. Ужасно. Он голодный. Он...

– Нет, правда, я, мы...

Жужи берет Гая Вайни под руку.

– Друг Марины, – выдыхает она, словно произносит название редкого драгоценного элемента.

– Он мне не...

– Ш-ш! Молодой человек, я веду вас в дом.

Марина втискивается следом в крошечный лифт. Гай вдыхает натопленный воздух, и она живо представляет себе обмен газов в его альвеолах: кислород Фаркашей входит внутрь, микробы выходят наружу. Он поставит их жизнь под угрозу, а виновата в этом Марина, она – точка, на которой замкнуты все концы, как в петле ДНК. Гай даже не высокий и совсем не похож на киногероя. Он отвечает на вопросы, перекрикивая скрип шестеренок, а Марина глядит на его красное ухо и думает обо всем, что он увидит в квартире: часы-тарелка из Триеста, венгерская вышивка, глазурованные сковородники, стопка журналов «Роялти», куча словарей и шкаф-холодильник на ножках. Тут не до вежливости – обстоятельства чрезвычайные.

– Я... – встревает она. Лифт останавливается. Что, если упасть в обморок? – Вообще-то...

Гай открывает решетку. Марина медлит, прижав руку к ореховой облицовке. Жужи напирает сзади.

– Скорее, молодой человек, – говорит она. – Мы едим торт.

Момент упущен. Они входят в квартиру, и все, повернувшись, улыбаются сначала Гаю, потом Марине, как будто...

О боже, они ведь не думают, что...

Жужи усаживает его на диван и приносит огромный кусок торта, зачем-то называя его «пирогом для бойфренда», и кофе, от которого Гай нервно отказывается, и все так взволнованно ловят каждое его слово, так жадно ищут признаки любви на Маринином лице, что это невыносимо. Гая отпустят не раньше, чем сотня ее родственников задаст ему все вопросы. Марина ерзает, краснеет, начинает потеть, а он ловит ее взгляд – этот младенец, пятиклашка, губитель – и улыбается.

На следующий день, в канун Нового года, они прибираются после завтрака. Места на кухне мало, всего для двух человек: нужна осторожная хореография. Марина, бедняжка, не может пройти мимо двери, не посадив синяк. И что, думает Лора, приключилось на этот раз? Не поэтому ли с ней стало так сложно?

Беда в том, что Марина может истекать кровью, но никогда в этом не признается. Хотя на ее лице отражаются все эмоции, гордость запрещает ими делиться. Она с детства такая – не признает ни боль, ни обиду, ни даже невежество, будто считает, что это ее бесчестит. Все равно что воспитывать маленького Габсбурга, рассеянно думает Лора.

– Милая, – говорит она, когда Марина второй раз за утро задевает бедром плиту, – у тебя правда все хорошо? В чем дело?

– Ни в чем, – с оскорбленным видом отвечает Марина.

Для подростка ненормально быть такой замкнутой. Неужели жизнь среди самых чопорных в мире пенсионерок заставила ее повзрослеть раньше времени? Или здесь замешан тот вульгарный мальчик, с которым Марина вчера была до того сдержанной и сердитой, что любая мысль (боже правый!) о романтических чувствах должна была запнуться и умереть? Или во всем виновата эта проклятая школа, где царят мелочность, самодовольство и скупердяйство? Лора постоянно ловит себя на ненависти к Кум-Эбби, а потом вспоминает, что это был выбор Марины, ее пламенная мечта. Если девочка ошиблась, то ни за что не признается.

– Но...

Они смотрят друг на друга поверх ящика с ножами. Матерям положено знать, что творится на душе у детей, но Лора не такова. Больше всего на свете она боится, что не сумеет понять, когда дочери понадобится ее помощь. «Если бы она поговорила со мной... – скажет Лора позднее. – Если бы я только знала».

Марина совсем не думает о Гае Вайни – ей это часто приходит в голову. Близится зимний триместр; она поступила в Кум-Эбби всего четыре месяца назад и уже чувствует себя измотанной, больной и побежденной. Она идет в Чешский центр на «Доктора Живаго», потом на детский предновогодний утренник у миссис Добош – с лимонадом, кофе и настоящим цыганом-скрипачом, на которого неловко смотреть, – а сама даже притвориться не может, что осталась довольна. Ее почти семнадцатилетний лоб избороздили морщины. Она который день не может решить, какая одежда защитит ее от небывалого холода и сколько взять с собой фотографий. Все равно что на войну собираться. Вещи, прежде такие простые, обретают особенное значение. Безопасность семьи зависит от того, найдет ли Марина счастливый шарф; ее собственное будущее – от перьевой ручки, которая поможет поступить в Кембридж.

Кембридж. От одной мысли о нем у Марины перехватывает дыхание. Она хочет, должна попасть в Кембридж. Она в него влюблена, она без него никто. Теперь нельзя отвлекаться.

Поэтому никакие пятиклашки ее не волнуют. В Кум-Эбби Гай и смотреть на нее не станет. К тому же ее сердце принадлежит другому.

Школа, впрочем, заинтересована в том, чтобы ученики общались между собой. «Реестр» – украшенный гербом буклет – содержит все их адреса и телефоны. Марина не находит там Гая, но время от времени, перечитывая адрес Саймона Флауэрс, видит себя как бы чужими глазами: Фаркаш, Марина; Лондон, Пембридж-роуд, Запад, 2, Вестминстер-корт, квартира № 2, и телефон – 01 229 8753. Открытое приглашение.

На что похоже безумие? Можно ли незаметно спятить в автобусе, возвращаясь из магазина на Оксфорд-стрит, где ты покупала нафталиновые шарики? И нормально ли, закрывшись в туалете универмага, разрыдаться из-за рекламных щитов или мыслей о голодающих в дальних странах? Кто-нибудь должен знать.

Лора и рада кому-то довериться, но половина ее подруг перешла на темную сторону – Бейсингсток, Бедфорд, Донкастер, Сент-Олбанс, – а уцелевшие в Лондоне слишком нормальны, слишком замужни. У них есть собственные спальни, собственные дома; они окружены обожанием своих неряшливых вундеркиндов или ведут бесплодную, но сексуально

насыщенную жизнь в мире моды и красоты. Разве их спросишь, не думают ли они, стоя на платформе метро, о том, чтобы прыгнуть на рельсы? Нет, это не депрессия: Лора не сидит в кататоническом ступоре дни напролет, у нее на такое нет времени. Да и кто дал ей право страдать? Ее жизнь в сравнении с жизнью не только голодающих детей Эфиопии, но даже мужчиной родни легка и беззаботна; просто, когда Марины нет рядом, защитный слой понемногу отпадает.

Когда это началось – в день отъезда или в его преддверии? Так или иначе, Лора одна виновата. Нужно было остановить дочь. Испытание на материнство она провалила.

А может, думает Лора после очередного строгого самовнушения, женщине в ее возрасте естественно так себя чувствовать? Как это выяснить – непонятно. О таких, как она – без мужа, в разлуке с детьми, – не пишут в журналах. Когда в метро или на работе Лора натывается на рекламу микроволновок, вяленых томатов, гранитных столешниц, шерохования мебели, гиацинтов, – ее душа возвышается. (Шепотом: на выставках немецкого экспрессионизма ничего подобного не происходит.) Она хочет объяснить всему миру, что можно быть в меру умной (да, постыдно невежественной и необразованной, но когда-то имевшей голову на плечах) и при этом мечтать о внесезонных пуховых одеялах, которых у нее никогда не будет.

А раз она неглупа, то почему у Мици Саджен есть всё: бытовая техника, карьера, Алистер Саджен, – а у нее ничего? Если бы Лора уделяла больше внимания гигиене и урокам живописи, Алистер был бы сейчас с ней? «Женщины твоего возраста, – день за днем напоминает она себе, – обычно не делят квартиру в полуподвале с двумя вдовами, двумя девственницами и морем цветочных горшков. За ужином никто не упрекает их в замкнутости. У них есть подруги. Даже любовники. Стоит ли удивляться, что за тринадцать лет такой жизни ты слегка приуныла?»

Марина по многу раз в день проверяет, ровно ли сидит телефонная трубка на рычагах – вдруг Саймон Флауэрс позвонит. Впрочем, лучше бы он не застал ее дома, иначе решит, что она или зубрила, или отчаянно ждет звонка, то есть практически шлюха. У мальчиков это любимая тема для обсуждения – кто шлюха, а кто фригидная. С тех пор как Марина узнала, что девочки делятся на эти две категории, она много часов провела в раздумьях, куда себя отнести. За этим занятием, вкупе с попытками одолеть химию и освоить азы джаза (будет полезно, когда они с Саймоном наконец познакомятся), каникулы пролетают быстро. Марина ощущает себя

старухой, наблюдающей за мельканием дней. Все ее планы – проткнуть уши, подтянуть пресс, прочитать «Улисса» и поднатаскаться в медицине на случай непредвиденных обстоятельств – провалились.

Отчасти потому, что времени стало меньше. Старые ритуалы – всегда выбирать определенные маршруты, прикасаться к счастливым дверям, колготкам, карандашам и шампуню – разрослись и теперь занимают часы. От добрых примет зависит будущее. Бридстоу-Плейс обещает удачу, Пембридж Виллас источает заразу, а выбирая дорогу домой, лучше отказаться от Кольвиль-Террас в пользу Тальбот-роуд. Ни вид домов, ни названия улиц, ни безопасность (в этой части Лондона нет безопасных мест) по отдельности ничего не значат. Только их сочетание окрашивает вещи в светлые или мрачные тона; сулит защиту для семьи и Кембридж для Марины или предрекает запустение. Страшно подумать, сколько бед она по незнанию натворила в прошлом триместре, сколько накопила отравы! Теперь, когда до учебы осталось меньше недели, Марина твердо решила быть бдительной. Если случится что-то плохое, виновата будет она.

Пять вечеров спустя – когда Роза выкрикивает ответы на телевикторину («Белград, идиот!»), Ильди в ванной слушает концерт Римского-Корсакова, Жужи размышляет над флаконом «Опиума» («высший сорт»), который Бела Эсельбад подарил ей за спиной у жены, а Лора пытается вспомнить мамин рецепт кекса «Виктория» – раздается телефонный звонок.

На часах ровно половина девятого. Кто это может быть, если не тот аноним с вечеринки, герой необычайных Лориных грез? Фантазий, строго говоря; хотя в душе она знает – это не кто иной, как Мици Саджен. Связь с Алистером, любовная или не очень, будет раскрыта. У мужчин есть жены.

– Давайте не будем отвечать! – кричит она с кухни. Ей бы сидеть сейчас с ними, как послушной невестке, но здесь спокойней. Взор ласкают знакомые английские этикетки – «Типтри», «Твайнингс», «Тейт энд Лайл». Тихо, украдкой, Лора повторяет названия, словно отважный исследователь, который напевает государственный гимн, пока его каноэ идет ко дну.

Ее предложение игнорируют. К телефону подходит Жужи: ей чаще всего звонят. На ногах у нее махровые банные шлепанцы с надписью «Отель “Бристоль”, Баден-Баден» – подарок от миссис Добош, которая, подозревает Лора, и не думала за него платить.

Она откладывает мутовку. Сейчас они всё узнают.

– Алло, – говорит Жужи. – Ждите один момент, пожалуйста. Лора!

– Нет, правда, я...

– Иди, дорогуша.

Лора вытирает передником лоб и приближается.

– Я... – начинает она, но Роза взглядом заставляет ее замолчать.

– Одноклассник, – с улыбкой шепчет Жужи, поправляя пояс сатинетовой *пондюлы*. От ткани пахнет гвоздикой, которой Жужи, или вся венгерская нация, щедро пересыпает одежду от моли.

– Просит Маринаку. Мальчик!

Лорин желудок возвращается на место. Она боком пробирается мимо серванта, кресел, книжной полки, обеденного стола и встает перед дверью в Маринину спальню. Руки испачканы в сахарной пудре – словно поражены редкой кожной болезнью.

– Милая?

Роза отводит взгляд. Жужи в солнцезащитных очках разворачивает глазированный каштан; она весь день ждала, что Лора займется ее педикюром. По Москоу-роуд с громыханием проносится автобус. Черный дрозд свистит на вишне возле подъезда. В квартире номер два все затихло.

– Марина, солнышко?

Тишина, потом еле слышный шорох: задвигается ящик комода, щелкает колпачок ручки. Марина – надо же! – слушает джаз: кажется, Чарли Мингуса, одну из отцовских кассет, хотя они давно хранятся в чулане рядом с квартирой сторожа. Бедняжка, что о ней думают в школе?

Когда выдастся свободная минутка, думает Лора, отведу ее в музыкальный магазин, куплю что-нибудь современное.

Старухи молчат по-венгерски – ждут, что Лора постучит в дверь. Вот незадача: кто бы ни проектировал их квартиру, в складах он понимал больше, чем в людях. Впрочем, и рассчитана она скорее на милую английскую пару с ребенком, чем на семейство Каройи с их бесконечным потоком гостей. Маринина спальня (по сути, коридор с выходом в ванную и туалет) напоминает удава, который переваривает овцу. Никакой частной жизни – и Марининых бабушек это, похоже, вполне устраивает. Роза, Ильди и Жужи обходят глухим молчанием вопросы секса и готовы на любые уловки, лишь бы никто не увидел их входящими в туалет, но в остальном на удивление свободно относятся к женскому телу, вместе плещутся в ванне и расхаживают по дому в нижнем белье и резиновых тапочках. Да, Марина еще подросток, но уж слишком беспощадно они отдергивают душевую занавеску, чтобы хлопнуть внучку по попке и оценить, насколько выросла грудь. Девочка и так ужасно застенчива. Каково-то ей в школе?

Лора уважает частную жизнь. Досчитает до десяти, нет, до двадцати,

решает она, но тут за спиной вырастает Роза и рывком, задев ковер, открывает дверь. На пороге, слегка зардевшись, стоит Марина.

– Почему так медленно? Тот приятный мальчик, Гай, ждет на телефоне, – объявляет Жужи с дивана, и Марина, пробежав мимо матери, прикрывает за собой дверь.

Лора топчется в гостиной, стараясь не смотреть на волнистый силуэт за стеклом. Телефонный кабель, защемленный дверью, похож на нежное щупальце морского создания. Еще недавно, пока в их жизнь не вмешалась новая школа, Лора знала о дочери почти все; это был единственный человек на свете с точно таким же, как у нее, чувством юмора. То время прошло – в жизни Марины начался долгий период абсолютной серьезности. Наверное, так и должно быть.

«Мне тебя не хватает», – думает Лора, хотя дочь стоит совсем рядом.

Чего хотел Гай Вайни? По его словам, всего лишь сказать «спасибо», но даже пятиклашка из школы для мальчиков должен знать, что такие, как он, не звонят таким, как Марина. Может, его заставила мама или подначил кто-то из друзей: Олли Сэндз, придумавший опросник про трусики, или тот мерзкий коротышка, который никогда не садится рядом с девочками под предлогом, что у них якобы водятся блохи? Даже если они сговорились, в этом нет смысла. Ведь для мальчиков Марина не существует.

В Кум-Эбби действует кастовая система, ключом к которой служат прозвища. В первую же неделю они размножились партеногенетически, как грибы, и прилипли навечно: ими пользуется вся школа. Прозвища есть у местных знаменитостей, будь ты хоть горячая штучка с диснеевскими глазами и ногами от ушей, как Мари-Клер Пантл («Панталоны») и Алекса Нэш («Пипа»), или незатейливая красотка, как Фернанда Додд («Королевна»). Прозвища есть у дурнушек, вроде «Фатимы» Брайан или бедняжки Сары Роды, известной под кличкой «Аральная Родинка».

У Марины прозвища нет.

Она пытается убедить себя, что так даже лучше. Не хватало только каждое утро, проходя по капелле, слышать от шести сотен мальчишек механический клекот, как бывает с сексапильной Джоанной «Рашпиль» Эйчисон; особенно теперь, когда Марина выяснила, что «рашпиль» означает инструмент, а следовательно, пенис. Однако, говоря откровенно, не заслужить прозвище – это катастрофа. Без него ты невидима.

Марина слышит, как старушки, готовясь ко сну, громко говорят по-венгерски, будто язык, которого она не понимает, не может ее разбудить. Теперь ее не балуют на ночь тертым яблочком и дольками апельсина.

Трудно поверить, что всего год назад Марина в будние вечера валялась дома в постели, ела фрукты и писала письма подругам, словно белогвардеец в ночь перед расстрелом.

– *Хоньсор фогс фелькельни ма эйель?* – доносится голос Ильди.

– *Охоньсор кел,* – отвечает Жужи.

Марина размышляет, нельзя ли самой как-нибудь сочинить себе кличку. Никто их не обсуждает, девочкам не позволено их придумывать, но без прозвища хоть сейчас бросай школу.

Втайне она уже мечтала об этом. Некоторые так делают: Имельда Какее-там уехала через неделю после начала первого триместра, а в прошлом году, говорят, было еще два случая. Но как не думать о том, до чего стыдно будет вернуться в Илинг: о лицах учителей, о подругах, которые писали в альбомы и клялись в вечной дружбе и от которых ты хотела сбежать. Марина пообещала себе, что обдумает эту возможность, если мама заговорит о ней, но зря прождала, а теперь уже слишком поздно.

До начала триместра осталось две ночи. Все ее подруги из Илинга, который она променяла на Кум-Эбби, уже в школе. Она была бы сейчас среди них, если бы не попыталась все изменить.

В этом-то и проблема. Марина сама виновата. Даже трус раз в жизни способен совершить отважный поступок – на свою голову. Женщины в роду Каройи всегда были смелыми; это почти все, что Марина знает о пяти красавицах-сестрах, живших в горах или в лесах (тут она как в тумане), – дочерях пасечника, который добывал лучший мед в стране.

– В Венгрии? – уточнила Марина однажды.

– Да, – ответила Жужи.

– Нет, – ответила Роза.

– Вы должны знать, он все-таки ваш отец, – сострила Марина, надеясь вызвать бабушек на откровенность, но тут они начали плакать, и она ничего не добилась.

Как бы там ни было, Роза, Ильди и Жужи – настоящие Каройи. Ни красавец Золтан, дедушка Марины, ни дантист Имре, безвременно почивший Жужин супруг, ни даже Петер, Маринин отец, не ослабили царства матриархата. Поэтому и она, Марина Фаркаш, с рождения старалась быть настоящей Каройи, достойной этого имени. Она выросла на преданиях о семейных подвигах: о том, как кузина Панни контрабандой провезла отцовскую коллекцию марок через таможду; о том, как Жужи однажды вылезла из министерского кабинета через окно; о том, как двоюродная бабушка Франци познакомилась в поломанном трамвае со своим будущим мужем Эрнё и приказала на ней жениться. Роза из них

самая храбрая: однажды она ударила полицейского. Ей бы ничего не стоило править миром.

Я не смелая, думает Марина, погружаясь в пучину сна и рисуя в уме сложные ситуации, в которых отвага непременно бы ее подвела. А потом, невинная, засыпает.

В соседней комнате на раскладном диване лежит без сна Маринина мама. Этим утром их с Алистером чуть не застучали. Она была в его кабинете, якобы подавала письма на подпись, а на самом деле слушала бесконечные жалобы на то, как ужасно он провел праздники, и вдруг дверь открылась и вошла Мици.

Алистер от страха изменился в лице. Лора выпалила: «Простите». Мици хладнокровно достала из сумки творожный кекс, состригла бахрому на манжетке для измерения кровяного давления, поправила сертификаты на стене, сказала: «Я оставляю вас» – и ушла. До конца дня Алистер не обмолвился с Лорой ни словом.

Впрочем, ее это мало волнует. Всего два вечера остается до Маринино отъезда – вот что невыносимо. Боль и не думает утихать. Лора хочет прокрасться в комнату дочери. Она и раньше наблюдала за ней, когда та спала: Маринин затылок, едва различимый в темноте, бледное пятно – быть может, рука. «Спи, моя милая, спи, любимая», – думает она, как и положено думать матери, а сама хочет, чтобы Марина проснулась и поговорила с ней. Безответственное желание: перед тем как вернуться в эту ужасную школу, девочке нужно набраться сил. «Милая, – умоляет Лора, молча уткнувшись в руку. – Остайся со мной».

Кум-Эбби, как многие катастрофы, начался с нескольких искорок. В какой-то момент Марина забеспокоилась, что шансы на веселую молодость и сексуальный опыт тают с каждым днем. И дома, и в Илинге все думали, будто знают ее. «Что, если я хочу быть кем-то другим?» – временами размышляла она, возвращаясь под морозящим дождем из школы.

– Мне обязательно доучиваться в Илинге? – спросила Марина однажды после того, как какой-то незнакомец пожаловался на Урсулу за то, что та ела в метро.

– Ну... нет, необязательно, – ответила мама.

Идея внезапно показалась разумной. Престижная и знаменитая школа могла изменить Маринину жизнь. В семье бесповоротно решили, что она будет изучать медицину в Кембридже, но разве туда поступишь из захудалого Илинга с его темными, тесными лабораториями и подслеповатым учителем химии? Они заказали уйму рекламных буклетов лондонских школ, но остались разочарованы: учебные классы на фотографиях до обидного напоминали Илинг, а ученицы выглядели куда гламурнее. Может быть, выбрать государственную школу со смешанным обучением? Марина и рада была сэкономить бабушке деньги, но Розы ни в какую не хотела доверить правительству платить за образование внучки. К тому же Марина начала сомневаться, можно ли вообще познать настоящую жизнь в Лондоне, где в каждой кофейне и книжной лавке поджидают старушки со словами: «Ты ведь внучка Розы Фаркаш? Помнишь меня, дорогуша?»

И вот однажды вечером, когда Марина вместе с мамой и Ильди смотрела по телевизору «Одноклассниц», ей в голову пришла блестящая мысль: школа-пансион. Площадки для крикета, полуночные пирушки, готические своды. О да.

От грез о грядущем перерождении сердце забилось чаще. Марина может стать кем угодно: обычной пансионеркой или передовой богемной девицей с претензией на тонкий вкус. Она не сразу поняла, что после Илинга все женские школы покажутся душными и старомодными, а в тех, где привыкли к совместному обучению, ей будет попросту неуютно. Это значило, что у Марины Фаркаш, ученицы из школы для девочек, выросшей в исключительно женской семье, оставался единственный выход: почтенная частная школа для мальчиков, где девочек принимают в

выпускной двухгодичный класс.

Снежный ком становился все больше, Марина едва за ним поспевала. В самом центре, как начинка драже, скрывался вопрос: знает ли, любит ли ее мама настолько, чтобы воспротивиться их разлуке? Ответ был очевиден. Лора ни во что не вмешивалась: листала проспекты, сопровождала Марину и бабушек на дни открытых дверей и ни разу не заявила протест.

Хорошо, решила Марина, если тебе все равно и ты рада от меня отделаться, я сама подам заявление. К тому же все остальные были в восторге. Старинные школы красивы, знамениты и превосходно оснащены – это, по сути, колледжи в миниатюре. Тем больше у нее шансов поступить в Кембридж. Миссис Добош, бабушкина подруга, призвала их со всеми брошюрами в свою квартиру на Мейда-Вейл, утопающую в белых коврах. Ей рассказали обо всем, что видели в дни открытых дверей: о лодочных сараях, монастырских галереях, дортуарах, «компьютерных» комнатах, обсерваториях.

– Плавательные бас-сейны? – спросила миссис Добош.

– Крытые! – подтвердила Роза, которая согласилась бы плавать в чем угодно: в темных водах, в лесных озерах, заросших травой.

– Очень хорошо. И вы, конечно, видели Кум-Эбби, куда ходила моя внучатая племянница?

– Конечно! – ответила Роза, метнув на внучку яростный взгляд.

– Конечно.

И Марина подала заявление на экзамены. Деньги, похоже, никого не заботили. Снежный ком подпрыгнул на кочке и набрал скорость. Может, она никуда не пройдет, но теперь, когда все зашло так далеко, унывать было глупо.

Ее приняли во все четыре школы, куда она пыталась поступить. И хотя две из них, с самой неподдельной славой, предложили стипендию, а Кум-Эбби – лишь скромный грант, Марина решила, что именно этот пансион ей больше всего подходит. Другие, с их ледяными батареями, угрюмыми садовниками, огородами, яхтами, глиняными голубками и принудительными походами, не внушали уверенности. Кум-Эбби, напротив, являл собой идеальное сочетание впечатляющей старины, высоких учебных показателей и скромного статуса и к тому же располагался в Дорсете, неподалеку от Блэкмурской равнины; климат здоровый, согласились Маринины бабушки, и на поезде добраться несложно.

И если членов семьи беспокоили наркотики, ежедневная церковная служба или четырехкратный численный перевес мальчиков, то они ничего

не сказали. Марину и саму терзали тревоги – как и любого на ее месте, – но касались они большей частью отвлеченных вопросов: не предвещают ли боли в спине остеопороз и окрепнет ли грудь к сентябрю, если достаточно часто купать ее в холодной воде? Вскоре из школы начали приходить пухлые гербовые конверты, и Марина, в промежутках между экзаменами на получение аттестата, вознаграждала себя тем, что зачитывала письма до дыр. Среди них было расписание церковных служб: заутрени и литургии для хора, в который она с радостью запишется, чтобы брать высокие ноты гимна *Ave Verum* композитора Бёрда (Уильяма, 1543–1623). Они всей семьей изучили миниатюрный план развалин аббатства, к которому примыкает школа: старые стены умело объединил с новыми зданиями архитектор из Клуба Кумских выпускников, имевший (предположила Маринина мама) друзей в Плановом департаменте. Бабушкин оптик после долгого обследования прописал Марине полупрозрачные контактные линзы, которые разрешалось носить по два часа в день. Она практиковалась каждый вечер, и, хотя от линз нещадно драло глаза, оно того стоило.

Пришел скарлатиновый вопросник, «Альманах» и свод правил, общих и дополнительных: для стипендиатов и тех, кого в Илинге называли старостами, а в Кум-Эбби – сэрами, даже девочек. У школьного казначея, полковника Перри, был за пять фунтов куплен свежий номер школьного журнала «Кумский вестник». Пришли упаковочные листы и список вещей, которые позволено взять с собой, – инженерные калькуляторы, ящички для сладостей, сапоги для верховой езды («по желанию»), настольная лампа (вилка британского образца), стиральный мешок, 1 (одна) кружка – а также адреса одобренных магазинов, поставляющих шикарные фраки (для мальчиков), унылые блейзеры (для девочек) и шарфы школьных цветов (темно-синий и розовый). Пришел список книг и буклет с крикетными свитерами, камербандами и графинами Клуба Кумских выпускников, а на сладкое – точные размеры школьного сундука.

Марина в жизни ни о чем не мечтала так сильно, как о школьном сундуке. Ее любовь к двухкассетному магнитофону, даже к письменному столу не шла ни в какое сравнение с этой страстью. В тот вечер, когда бабушка отправилась за покупкой в город, Марина не могла уснуть от возбуждения, но в «Харродзе», единственном лондонском магазине с запасом готовых товаров, Роза выбрала черный ледерин с блестящими медными заклепками – чудовищное разочарование, которое ее внучка скрыла.

Впрочем, для утешения оставался «Реестр»: список преподавателей с указанием ученых степеней и родных университетов, от директора до

смотрителя (Сельскохозяйственный институт Хенли, диплом по садоводству); и лучше того – список мальчиков: трехлетний запас первоклашек, подготовишек и пятиклассников с именами Квентин и Хью, а за ними – шестой, выпускной класс, куда принимали девочек; двести сорок три потенциальных друга для полуночных пирушек и загородных вечеринок, и среди них, несомненно, ее будущий муж. И совсем не важным казалось, что девочки допущены только в последний класс. Какая разница, думала Марина.

Конечно, новая жизнь потребует от нее перемен. Марина все лето пыталась наверстать недостаток шика. Она штудировала «Билли Бантера» и «Школьные годы Тома Брауна» как учебники. Она потрошила взятые у миссис Добош подшивки «Татлера» и «Харперс энд куин» (девиз: «Для тех, кто понимает»), обклеивая шкаф фотографиями: вальяжные мужчины с квадратными подбородками, изящно взъерошенные женщины посреди куропаточьих пустошей, бархатно-тафтяные картины шотландского Рождества. Она всей душой полюбила тартан. Где-то там, далеко, был мир, в котором люди отмечали вечера Бернса дикими плясками, стипль-чезом и терновым джином, а по ночам прятались в холодных величественных домах под автомобильными ковриками из меха опоссума, «как в бабушкином “Даймлере”».

О да! Пожалуйста! Да!

Это было оно – будущее. Марина пребывала на пике восторга и думала, что другой пик, еще выше этого, ждет впереди. Ей представлялись оживленные обеды с подругами из гостеприимных английских семей, вдохновляющие занятия в передовых викторианских лабораториях, симпатичные (в крайнем случае, как Гай Вайни) мальчики, сочиняющие в ее честь сонеты под историческими дубами. Скоро станет не важно, что она не умеет бегать с препятствиями, рисовать или петь, неуместно будет скромничать в душевой – ибо в новой школе она расцветет и найдет себя. И даже в тот ужасный день, когда Марина махала семье на прощание и, обмирая от боли и страха, следила, как вдали исчезают их шляпы, она не подозревала, насколько все окажется хуже.

Пятница, 6 января

Регби: семерки Дорсета и Уилтшира, U18 (весь день), Солсбери;
заплывы на скорость (1-й класс), Центр отдыха, 16:30;
сквош-тур в Куала-Лумпур (микроавтобус от Гартских ворот в 17:10);
беседа с Обществом земляков, мистер Кендалл на тему «Лесничество: древнее ремесло», старая библиотека, 19:30.

Первые дни второго триместра ужасны. Марина все ждет, что мама придет и заберет ее – но вдруг это невозможно?

Теперь, когда родные далеко и она не может спасти их от взломщиков, расовых беспорядков, испанского гриппа, ядерной зимы и терактов Ирландской республиканской армии, детские страхи нахлынули с новой силой. Гай Вайни на их фоне – сущий пустяк, пластырь на брызжущей кровью ране; как-то раз за обедом Марина замечает, что он перешучивается с шестиклассниками – Беном Л., Беном П. и Риком, – и, скользнув взглядом по его радостному чумазому лицу, отворачивается. Сейчас не до Гая: нужно срочно придумать повод, который позволит оказаться у крипты к концу репетиции Кумского хора и его тенора Саймона Флауэрсса. В школе Гай не станет с ней говорить. А она, разумеется, не станет говорить с ним.

Потом, вечером в пятницу, Марина занимает за Гаем очередь в буфетной. Для пятиклашки он очень самоуверен: говорит ей «привет» и болтает с противным Джайлзом Йо, ее одноклассником, а тот, раньше не замечавший Марину, теперь как-то странно на нее смотрит.

И откуда в Гае столько самонадеянности? Обычно пятиклассники держатся вместе, но он, сев за столик с Джайлзом и кем-то из Бенов, говорит: «Давай к нам», и Марина садится рядом. Бросив крошку-другую сыра на печеный картофель, она наблюдает, как Гай разделяется с супом, фасолью, двойной порцией чипсов, горошком, брокколи, томатами на гриле, булочками с маслом и двумя большими кусками пикши, жаренной в сухарях. Раз или два Марина против воли смеется над его дурацкими шутками, и Гай в ответ улыбается. Она изо всех сил борется с искушением снять очки: без них буфетная выглядит менее устрашающей, но Марина обязательно врежется в стол. Если бы только, думает она, я была

нормальной, как все остальные.

– Я попробую твой соус? – спрашивает Гай.

Хоть он и моложе, нужно быть начеку. Наверняка он втайне смеется над ней, а сам ведет карточки с оценками для новых девочек – или их запретили в прошлом году? Должны были запретить: ведь это из-за карточек Имельда Как-ее-там убежала в ночь, только ее и видели. И все же кое-где они по-прежнему в ходу; возможно, на факультете Макдональд, где с девочками не говорят за едой, или в Филдинге, где их поджидают в засаде с ведром воды и устраивают конкурс мокрых футболок не только летом, как на других факультетах, а круглый год.

Марине нужна карточка. Она хочет знать, что это такое.

Кем, размышляет она между запоздалыми сожалениями о съеденном пудинге, нужно быть, чтобы...

Тут она поднимает глаза и видит Саймона Флауэрса.

За его спиной, как в замедленной съемке, колышется дверь: вперед и назад, вперед и назад. Предсердная диастола Марины замедляется; она еле дышит, когда Саймон подходит к стойке с подносами и улыбается однорукой женщине на раздаче. Он ведь приходящий ученик – почему же обедает здесь, а не дома? Может быть, задержался: репетировал гитарные риффы или играл на органе в безлюдной капелле, размышляет Марина, захваченная врасплох одной из своих многочисленных сексуальных фантазий.

Сердце гулко колотится, но Саймон ее не видит. Нужно воспитывать смирение. Сколько еще ждать? Неделю? Триместр? Если ты не переспал с кем-то до семнадцати лет, то будь уверен – умрешь в одиночестве. Цифра такая же точная, как объем легких. Все остальные здесь занимаются этим не первый год; Марина притворилась, что тоже не новичок.

– В чем дело? – спрашивает Рори Кингсли. – У тебя лицо как у дауна.

Две блондинки годом старше Марины прыскают со смеху.

– Заткнись, Кингсли, – говорит Клэр Лейкер. – Не будь придурком. – И, повернувшись к ней, одними губами добавляет: – Жалкий.

Но Марина, которой после четырех с половиной месяцев все еще кажется, что настоящая дружба ждет впереди, едва замечает свою защитницу. Она думает: так больше нельзя. Саймон Флауэрс. Саймон! Приди и сорви меня. Я созрела».

Тем временем в Лондоне влачит существование Лора. Она натирает сковородку-гриль до жемчужного блеска, помогает Ильди разыскать итальянский словарь, поливает соковой водой денежное дерево Розы, ведет

неослабевающую борьбу с лондонской пылью, а вечерами застилает диван и засыпает под шепот «Зарубежного вещания Би-би-си», вздохи и всхрипы пожилых иммигранток и шипение автобусов за окном. В усталой голове вертится лишь одна мысль: «Что мне делать?», словно пять минут напряженных раздумий наведут ее на давно известный ответ – влюбиться в приличного холостяка, найти недорогое жилье, где можно слушать подобающую твоему возрасту музыку, есть тушеную фасоль и расхаживать нагишом; вернуться к забытой профессии и подыскать неподалеку дневную школу, которая устроит Марину.

На работе Лора с притворным участием выслушивает планы по замене фанерных полок на сталь с пластиковым покрытием. Черные или серые? Какая разница. В автобусе по дороге домой она терзается чувством вины перед безгранично добрым семейством Каройи-Фаркаш, перед отцом, перед отцом ее дочери, перед дочерью. А дома пытается думать об Алистере или сочиняет письма Марине, переделывая их, пока от того, что хотелось сказать, не остается ни слова.

Последние восемь месяцев, с тех пор, как Марина стала готовиться к отъезду, жизнь Лоры целиком зависит от почтовой службы. Душевное равновесие, если вдуматься, тоже. Раньше она гордилась тем, что выдержка ни разу не подвела ее за долгие годы, прожитые на диване в Вестминстер-корте после исчезновения Петера. Теперь, выйдя в город, она первым делом ищет глазами открытки: репродукции картин с выставок, которые без конца посещает с мужчиной родней или в одиночестве, фотографии большого английского завтрака и площади Пикадилли под луной. Дома она вспоминает забавные наблюдения и выстраивает свой день вокруг прибытия почты. В прошлом триместре Лора отправляла открытки ежедневно, но теперь решила взять себя в руки. Марина едва на них откликалась – только стала ершистее. Похоже, в осторожных невыражениях любви Лора переусердствовала.

Дни идут. Жизнь, если можно назвать так постоянный подсчет часов до каникул, продолжается. Возможно, думает Лора, прибирая журналы в приемной, ей просто нужен секс.

Однако подумать легче, чем сделать. Последний раз она касалась интимной плоти доктора Саджена месяц назад, считая от вторника, – они устроили так, что Лора занялась вечерней генеральной уборкой, когда он «работал с документами». Это было даже не особенно приятно. Прохладный винил, запах антисептика и белый халат на двери оказали на нее долгожданный, но отнюдь не положительный эффект. Однако о большем, или ином, или лучше, нечего и мечтать. Как можно, в ее-то

возрасте, не иметь никакой личной жизни? Алистер занят дома, это известно всем, соседям уж точно; к тому же он – может быть, как и Лора – до сих пор не знает, чего хочет. Как разрешить эту неопределенность, если они так редко бывают вместе? О таком не напишешь в письме. Иногда Лора мысленно спрашивает его: «Что, если пузырь лопнет?» Алистер не отвечает.

Значит ли это, интересуется она у своего отражения в автобусном окне, что лучше уже не станет? А если так, то что ее ждет: нервный срыв или тихое угасание без надежды?

При этой мысли она отдергивает лицо и видит сочувственную улыбку женщины напротив. Лора улыбается в ответ и только потом замечает многочисленные значки, крысиные косички и татуировки на пальцах. Вот уже и сумасшедшие тебя жалеют. Если, думает она с напускным спокойствием, автобус сейчас перевернется на Вестборн-Грув – так ли уж плохо будет?

Каждое утро на большой перемене Марина и ее одноклассницы спешат к жилому корпусу за свежей почтой. К зданию, расположенному за территорией школы, ведет узкий проход рядом с Бьютом. Вест-стрит, говоря строго, не факультет, а общежитие для девочек, квазиучениц настоящих мальчиковых факультетов. Когда-то он был обычным домом в ряду других домов, а теперь поделен на сегменты, как лабиринт для мышей. У Марины напрочь отсутствует умение находить дорогу. Всякий раз, когда она пытается подняться на верхний этаж, ее подводят двойные лестницы. По ночам ей снятся сны о бесконечных блужданиях.

В Вест-стрите чисто и свежо. Здесь нет ни дортуаров, ни гербов, ни весел, увешанных футбольными гетрами, ни миазмов «Пако Рабана», зато есть отдельная кухонька, занавески в цветочек и кружевные салфетки. Пожарную дверь украшают плакаты с котятами в гамаках и задумчивыми медвежатами. На полу розовеет тусклый ковер. В общежитии командует миссис Лонг, чья страсть к сигаретам «Бенсон энд Хеджис» и страдающему от газов данди-динмонт-терьеру по кличке Энтони плохо сочетается со строгими бытовыми правилами. Девочкам все время кто-нибудь пишет: братья из сельскохозяйственных колледжей, матери с веселыми историями о щенках и отцовских командировках, организаторы благотворительных модных показов, тысячи общих знакомых. Они зачитывают друг другу отрывки: «Джейми – да нет же, глупая, Джейми из Бакингемшира – говорит, что нам *придется* пойти на Безбилетный бал». Не делятся корреспонденцией лишь адресаты любовных писем: например, неизменно

накрашенная и резко пахнувшая Симонетта Брюс, к которой Марина питает стойкое отвращение.

А также сама Марина. Как показать им свою переписку, если та состоит из напоминания от книжного клуба, восьмистраничной тирады от ее лучшей подруги Урсулы Перски, только что вернувшейся из школьной поездки на «Гамлета» в Стратфорд-на-Эйвоне, и бабушкиной посылки, завернутой в коричневую бумагу?

Как Марина любит эти посылки! Как она ненавидит их! Эта содержит печенье «бисквитные пальчики», брошюру о подростковых болезнях, низкокалорийный заменитель сахара, мешочек десятипенсовиков для таксофона, номер «Татлера» от миссис Добош и короткую записку: «Привет, дорогая. Хочешь милую стрижку? Я буду спрашивать Кристофа, он поможет всегда. Как жалко, что ты не сидишь рядом. Скоро буду писать хорошее письмо». В отличие от Ильди, которая исписывает тетрадку за тетрадкой выдержками из словарей и познавательными фактами:

«Рафаэль умер в 37-й день рождения. Распятие – ранняя картина (примерно двадцать лет). Немного наивная (см. развивающиеся [sic!] ленты). Лучшие всего фигура Христа. Нарисована для монастыря».

Рози не с руки писать по-английски: ее почерк больше подходит для венгерского языка. В прошлом триместре она прислала внучке шкатулку для рукоделия – должно быть, собственную. Когда Марина, спрятавшись в ванной, открыла крышку, оттуда выпал листок разлинованной коричневатой бумаги. Запах дома из него уже выветрился, но листок Марина сберегла – кто знает, какие тайны хранятся в нескольких незнакомых словах, нацарапанных карандашом.

С тех пор как Марина поступила в Кум-Эбби, ее не покидают дурные предчувствия. Она думает об опасностях, грозящих семье, старается предотвратить их и боится, что не сможет этого сделать. С началом нового триместра страх занести в дом заразу усилился. В соседней комнате Симонетта «Днище» Брюс отравляет воздух музыкой и громким смехом. Хотя она дружит с девочкой из главного здания пансиона и поэтому часто бывает в отлучке, запах сигарет «Плэйерс» и духов «Левый берег» не дает о ней забыть: сила во зло. У нее, несомненно, был секс во время церковной службы; ее мать умерла или, по крайней мере, в разводе. Два дня с начала триместра Марина спускает рукава джемпера, открывая двери, к которым та могла прикоснуться, и боится дышать, услышав на лестнице ее шаги. Если смерть постучится в Маринин дом, виновата будет Симонетта.

Весь день Марина до боли скучала по матери (та снова не пишет), однако плакать нельзя – скоро идти на химию. Она бережет хлоридно-

натриевые слезы до ночи.

Рози торгует дамским бельем. Когда-то этим занималось все семейство: Золтан, ее видный супруг, был владельцем «Фемины», о чем по-прежнему извещает вывеска в витрине; Ильди, в пятьдесят шестом году переехавшая в Лондон из Будапешта с ученой степенью по химии, вела их корреспонденцию; даже красавицу Жужи, которую сложно представить за какой бы то ни было работой, приставили к делу – она ездила по заданиям фирмы в Грецию, Вену и «Петербург», где знают толк в эластичных материалах. Одного Лора никогда не понимала... впрочем, если бы одного! Ей не раз доводилось слышать рассказы о героическом прошлом «Фемины»: о временах, когда Петер («Пэтэр») был грудным младенцем, Золтан сражался на войне, а Розы, простая уборщица в магазинчике «Гинзвальд» на Финчли-роуд, нашла пропавшие деньги и была с почетом произведена в ассистентки; о том, как она дельными советами заслужила право разработать собственную модель бюстгальтера, преуспела и получила новый заказ; о том, как ее заботам поручили полку, а потом и целую секцию, пока наконец она не скопила достаточно денег, чтобы вырваться на свободу и начать свое дело. Было за всеми этими рассказами и что-то еще – какая-то темная история о том, как Золтан в недобрый час сплоховал, и все пошло прахом.

Золтан был настоящим красавцем: не таким, как Петер, весельчаком, но зато куда большим рыцарем. Одно их объединяло – страшная, непоколебимая гордость. Церемонность, обостренное чувство чести – качества, которые в Розы заставляли окружающих трепетать, в Золтане приносили успокоение. Он даже по выходным прятал волосатую грудь под жилетом; повязывал галстук, отправляясь к дантисту; требовал, чтобы годовалые дети вставали по струнке, когда мать входит в комнату; ел бананы ножом и вилкой – в общем, был из тех, с кем всегда знаешь, как себя вести. Лора, единственная невестка Золтана, с каждым годом все больше по нему скучала. Он ее любил – хотя, конечно, не так, как Марину. В доме о нем вспоминать нельзя – тут же поднимается плач, – поэтому Лора представляет беседу со свекром в автобусе. Золтан все понимает и все прощает.

Отчего же он умер? Она почему-то забыла, а теперь хочет знать. Это случилось внезапно. Марина была тогда совсем маленькой, Петер уже пустился во все тяжкие, а их двухкомнатная квартира на севере Актона напоминала декорацию пинтеровской пьесы. Лора знает одно: «Фемину», которую ее преданные клиенты до сих пор почитают за старомодность и верность традициям, пришлось продать миссис Добош, соотечественнице семьи Каройи. Розы, низведенная в управительницы, состарилась. Сестры живут на ее доход и прибыль от «надомной работы»: так Ильди называет вычитку гранок для венгерских и чешских деловых знакомых, над которой корпит иногда – в последнее время все реже.

Кум-Эбби – естественная среда обитания здоровых детей из богатых семейств. Может, кому-то другому школа и готова предоставить отсрочку по уплате счетов, но Марине на это не стоит рассчитывать. Если Лора лишится работы – из-за профнепригодности, секса или его отсутствия, – что спасет их от нищеты?

Когда она входит в гостиную с ежевечерним стаканом воды, раздаётся телефонный звонок. Лора подскакивает, будто ее поймали с поличным.

– Алло? – говорит она. – Алло!

Марина? Нет, не она. Никого. За шипением в трубке чудится звук дыхания, скрежет мысли; глухой зернистый шум сгущается, обретая форму, почти лицо – бледное, с рыжими волосами. Кто это, если не Мици Саджен? Ненависть отзывается эхом.

Война объявлена.

Воскресенье, 22 января

Литургия (хор крипты) или пастырское послание, зал богословия: каноник Пол Шиф с проповедью «Преодоление соблазна»;

хоккей: Пайнвейский турнир, 1/XI, Шолтсборо (микроавтобус в 11:00) (А);

беседа с Обществом земляков, Джеймс Поллинджер на тему «Констебль: его искусство, его жизнь», главный зал, 17:00;

Общество ценителей вина: Риоха, комнаты зам. директора, Кордфилд; репетиция хора (открытая), зал богословия, 19:30.

Странно, размышляет Марина: стоит один раз обратить на кого-то внимание, и ты видишь его повсюду: в очереди за тунцовой запеканкой или под Регентскими воротами, прячась от кислотного ливня. Теперь кроме

Саймона Флауэрс, разнообразных врагов и диковатого зрителя Уилко она то и дело замечает Гая Вайни.

– Как дела? – спрашивает он у всех на виду и, кажется, не считает зазорным разговаривать с человеком, который прочитал все романы Джейн Остин, даже «Леди Сьюзан». Гай, очевидно, не знает, что на уроках Марина единственная тянет руку. Или он просто моложе – в этом все дело? Пусть радуется, что она вообще его замечает.

– *Минден йол*, очень хорошо, – говорит Жужи, когда Марина воскресным утром звонит домой. – Как живет тот милый мальчик?

Тут Марина неожиданно понимает, что никто в Кум-Эбби так и не упомянул визит Гая в Вестминстер-корт. Неужели он не раззвонил об этом на каждом углу и над ней не будут смеяться?

Может быть, все обошлось. Может, он действительно милый.

Но не более. У Марины с ним ничего общего, в то время как Саймон Флауэрс, ученый с большой душой, подходит ей идеально. Не будь Саймон проходящим учеником, они бы все вечера проводили за разговорами; вместо этого он возвращается к семье, о которой она почти ничего не знает, кроме того, что его мама – библиотекарь (это греет Марино сердце). Она отдала бы все карманные деньги, чтобы хоть минутку побыть у него дома. Наверняка и у Гая Вайни есть семья, но кому это интересно?

– Пойдем со мной, а то позвать больше некого, – говорит ей вечером Алексия «Секси» Прайор, которая готовится к свиданию со своим ухажером, Джимом Финном, в здании факультета Перси. Марина соглашается. В Перси пахнет кедами и, подозревает она, мальчиковым дезодорантом, распыленным в огнеопасных количествах. Гай живет по соседству, в комнате номер четыре под самой крышей. Дверь открыта.

– Привет, – говорит он. – Хочешь шоколадный бисквит?

В его комнате романтически изогнутый потолок, шаткое кресло, каменная притолока с резьбой в виде виноградной лозы и мерцающий в темноте постер «Лестницы в небо». Для мальчика из Кум-Эбби Гай ведет себя дружелюбно, хотя его сосед-пятиклассник – Тоссер Как-то-там – сидит на бобовом пуфе и на Марину даже не смотрит. Поначалу, пока они говорят о футболе, она только улыбается и кивает; если не изображать интерес, тебя станут называть «женщиной», а это ужасное оскорбление. Впрочем, Гай как ни в чем не бывало угощает ее бисквитами, про Вестминстер-корт не вспоминает, смеется, когда она спрашивает, кто такой Джим Моррисон, а на реплику Тоссера: «ВСБ», что значит «Вест-стритские буфера», отвечает: «Заткнись». Он не задает ей вопросов, но когда Марина, лишь бы не

молчать, заводит рассказ о Кембридже – прогнозах, пробных экзаменах, формах для поступления, странном равнодушии деканов к выбору факультета, – Гай вопреки ожиданиям не строит недовольную мину.

– А, ну да, – говорит он, – мозговитая.

– Вообще-то, нет, – отвечает Марина. – Честно говоря, это... очень страшно. Я никогда туда не поступлю.

– Ерунда. Попытка не пытка.

Она прощается, потеряв надежду дождаться Алексею Прайор. «Приходи в любое время», – говорит Гай, и, поскольку на бойфренда он никак не тянет, Марина приходит. Все лучше, чем сидеть в гостиной, где ее одноклассницы – Аллегра, Айла, Элли, Ники, Алекс, Флер, Векс, Белинда, Антуанетта «Тони, рифмуется с Джонни» Коллистер, Дэйзи Чэн и Аннабель «Лобковая» Уош – сходятся каждый вечер, едят белые тосты и обсуждают крикетную команду, знакомых мальчиков из других школ и как часто нужно мыть волосы шампунем.

Наверху еще хуже – там ее соседка по комнате Хейди Смит-Рассел, дочка миллионера из-под Чичестера, сколотившего состояние на кормах для домашних птиц. У Хейди есть пафосный органайзер, она полирует ногти дважды в неделю и утверждает, что это не менее важно, чем мыть головы. Марина хочет спросить у миссис Лонг, не потому ли их поселили вместе, что обе одинаково непопулярны, но боится ответа. Как бы там ни было, даже у Хейди, в отличие от нее, есть подруги.

Гай – ее спасение. Поскольку у Марины есть мальчик, у которого можно гостить по вечерам, ее одноклассницы не против, что она пропускает посиделки, хотя снисходительные улыбочки и комментарии по поводу «счастливого часа» ее порядком смущают. «Это другое», – отвечает она, вспыхивая от стыда и гордости. Другое или нет, но в следующий раз Марина отправляется к Гаю в контактных линзах, а потом сидит на бобовом пуфе и хлопает глазами, как дурочка.

Для пятиклашки он довольно забавный, хотя несколько не привлекательный – бледный и нестриженный. Он любит в подробностях объяснять, за что ему нравится Аманда Степлтон, известная под прозвищем «Шнобула»: за спортивные плечи, длинные волнистые волосы. Принадлежность Гая к мужскому полу не имеет для Марины значения: в ее глазах он все равно что собака. У себя в комнате она думает о Саймоне Флауэрсе не меньше, чем прежде. Да и дел у нее хватает: написать эссе о природной лирике Томаса Харди, изучить свойства хлорофилла *a* $C_{55}H_{72}O_5N_4Mg$ и хлорофилла *b* $C_{55}H_{70}O_6N_4Mg$. Вот уже полночь, уже

третий час, а она все пишет и пишет темно-коричневыми чернилами, и хотя боли в спине участились, и временами трудно дышать, и колет в груди, Марина старается думать о главной награде: о Кембридже. Разве не для этого все затевалось? Саймон Флауэрс тоже туда поступит. Они будут плавать на лодке, играть в шары и в крокет; сольются в интеллектуальном и страстном союзе, оставив Кум-Эбби далеко позади.

Засыпая, Марина целомудренно думает о Саймоне Флауэрсе, лежащем в своей домашней постели. Она теперь почти не вспоминает о матери или, вернее сказать, обнаруживает, что если закрыться от всякого намека на боль, то разлука станет терпимой. Да и для Фаркашей безопаснее, если о них не думать. Отгонять воспоминания – все равно что гнуть металл, но Марина, в конце концов, Розина внучка. Ей это по плечу.

Потом все меняется.

Субботними вечерами им разрешают – «в разумных пределах» – свободу. Это означает спиртное. В школьных правилах доходчиво сказано: алкоголь запрещен до шестого класса, а если раз в триместр желудок одного или двух пятиклассников потребует промывания, распространяться об этом незачем. По возвращении с субботнего ужина (не попойки!) за стенами школы ученики обязаны отчитаться перед деканами. Почему те не замечают, что пришедшие в стельку пьяны, остается загадкой. С Мариной это случилось два раза: о первом она ничего не помнит, а во второй настояла на том, чтобы пройти по прямой, и сломала стул. Рассказывают ужасные истории: кто-то нетвердой походкой набрел на директорскую жену, кого-то стошнило в капелле, кто-то обделался. Сегодня день рождения Селины Нокер, очаровательной, но глупой дочери адмирала, которая – по крайней мере, физически – числится во всех Марининых классах. Это объясняет, почему приглашение получила Марина, однако Гай – пятиклассник и слишком молод, чтобы выходить в город с наступлением темноты. Он-то что здесь делает? Их с Селиной родители знакомы, но этого вряд ли достаточно. Марина пытается разобраться, но Гай лишь улыбается и говорит: «Есть спо-собы».

Марина надела контактные линзы. Пыль, мелкий дождик и волосы лезут в глаза. Она шагает по темной Ист-Кум-роуд рядом с Джипси, кухней Селины, пытаясь разговором заглушить стук зубов – ни пальто, ни тем более бабушкин зонтик, купленный в «Фенвике», она с собой не взяла. Поскольку эта часть Дорсета расположена на равнине, со всех сторон окруженной холмами, Марина не однажды ощущает себя отрезанной от остальной Англии, словно на дне метеоритного кратера. Если бы, думает она, отсюда был виден Лондон, хотя бы краешек Эшера, я бы знала, что

они в безопасности.

Джипси по прозвищу «Джиппо» недружелюбна, но изумительно хороша собой. Судя по ее длинным загорелым ногам и голубым глазищам, она только что вернулась с лыжного курорта, где соблазнила инструктора. Марина изо всех сил старается найти с ней общий язык.

– Куда мы идем? – спрашивает она, нарушая неловкую тишину, сквозь которую невозмутимо плывет ее спутница. – То есть я знаю название, но... это модный ресторан? То есть...

– «Капоте», ничего особенного.

– А... Спасибо.

В этом триместре Марина уже потратилась на вдохновляющие открытки и великолепную пингвиновскую серию европейской классики: «Неистовый Роланд», «Обломов», «Процесс». Просить у мамы больше денег нельзя: пансион и так обходится им в несколько сотен фунтов ежегодно – и это не считая железнодорожных билетов и пожизненного членства в Клубе Кумских выпускников (девиз – *Floreat Combeiensis*^[6]), куда Роза записала Марину еще до начала учебы; значок на лацкан и перьевая ручка прилагаются. Даже школьная форма, все эти галстуки и теннисные ботинки наверняка стоят недешево. «Закажу что-нибудь скромное», – решает Марина и, растроганная, садится.

Однако остальные ее не поддерживают: они заказывают луковые колечки, пасту «фрутти ди маре», бараньи отбивные, стейк. Марина запивает пиццу домашним белым вином, и постепенно вечер начинает играть новыми красками, а будущее предстает если не золотым, то, по крайней мере, не таким, как раньше, свинцовым. Она ловит взгляд Гая и улыбается. Ей даже не слишком противно сидеть между Джайлзом Йо, который зализывает волосы и носит «рэйбэны», и Биллом Уоллисом в рубашке с галстуком-бабочкой и бутылками шампанского на рукавах.

«Итальяшка», называют они друг друга, «даун», «дебил» и «педик».

Они тянутся через стол, обсуждая регби, наигранно сторонятся Марининых ВСБ, но в остальном ее не замечают. С Биллом пришли три его брата; через год он возглавит гребную команду, так что злить его неразумно, но Марина из принципа отказывается поддержать разговор. Она с загадочной улыбкой посматривает на салатный бар, представляя, как они с Саймоном Флауэрсом в лабораторных халатах идут через внутренний двор Кембриджа навстречу новым открытиям.

В школу возвращаются строем: впереди – популярные девочки, вроде Аманды «Седло» Коллиндейл, охотницы, и Микаэлы Буонасенды,

нимфоманки; за ними Гай; позади – Марина. Улицы Кума пустынные.

– Где крестьяне? – орет Билл. «Седло» фыркает, а Марина замирает от страха и облизывает пересохшие губы. Горожане могут на них напасть; она бы напала, думает Марина. Виктория «Муфта» Поррит, крупная пышногровая девочка с факультета Фитцджеральд, дочь члена парламента от консерваторов, нетвердой походкой направляется к Марине и берет ее под руку.

– Ты что, серьезно хочешь стать врачом? – спрашивает она.

– Ну... – Виктория Поррит вряд ли поймет, что Маринино желание не играет здесь никакой роли. – Мне... мне вообще-то нравятся естественные науки.

– Биология, химия! Фу! Как ты их только терпишь?

Марина глотает комок в горле.

– А ты кем хочешь стать?

– Никем. Женой. – Ее влажные губы шепчут Марине в ухо: – Знаешь, что Пит Гэлбрейт мастурбировал мне на коротких каникулах?

В тишине проходят через Гартские ворота. Несмотря на новые фонари и залитую светом сторожку, Марина обычно обходит их стороной, но Виктории Поррит все нипочем. Она расхваливает своего пони, и Марина, маленькая притворщица, ей поддакивает. В холодном небе над шпилями и древними башнями опрокинут ковш Большой Медведицы. У Марины на душе скребут кошки. Только дети боятся темноты. Компания направляется к черной арке, как вдруг из тени, огромный в конусе света от фонаря, выплывает Гай. «Вали отсюда!» – кричат мальчишки у него за спиной, хватая его за шею и взъерошивая волосы.

– На помощь! – вопит Виктория Поррит и бежит к остальным.

Гай смотрит на Марину с ухмылкой.

– Спорим, ты такого не видела? – говорит он и ведет ее обратно сквозь ночь, к небольшому забору, который легко перелезть. Наверху, в темно-синем небе, – еще одна башня, россыпь звезд, одинокое окно. Они стоят в маленьком огороженном садике у самых развалин аббатства, среди клумб, но вдали от домов.

– Нравится? – спрашивает Гай так тихо, что от голоса остается только облачко пара.

У самого ее уха – ветка какого-то дерева, благоухает даже зимой. Розы бы непременно ее сорвала: она не знает стыда. Летучая мышь, изрезанный контур листвы, шаги вдалеке – все внушает Марине страх. В одиннадцать комендантский час, нарушителей временно исключают из школы. Такое же наказание предусмотрено за секс. Она нервно улыбается, утешая себя: он

никто, пятиклашка, рисуется перед ней, и только.

– Может, нам пора...

Гай придвигается ближе: не сказать что по-дружески. Хотя он никогда не проявлял ни малейших признаков интереса, напротив, все охотней распространялся о своем необъяснимом влечении к «Шнобуле» Степлтон – атмосфера все-таки накаляется. Даже Марина не может этого не заметить. А какие были надежды! Все эти годы, пока никто не хотел ее целовать, Марина жила в ожидании любви. Они с Урсулой заучивали стихи Э. Э. Каммингса и Стив Смит, так что могли читать их на память от последнего слова к первому. Хотя настоящая страсть еще не коснулась Марины, она знала, на что это будет похоже.

Однако неоперившимся мальчикам тоже нужны подружки, и если «Шнобула» Степлтон недосыгаема, они будут целить все ниже и ниже, пока не закончат на ней.

Где-то далеко, в Западном Лондоне, Маринина мама сидит за обеденным столом и делает пометки на регистрационных карточках из папки, озаглавленной:

ЛОРИНА РАБОТА

Лора – секретарь; далеко не лучший, в чем Алистер, ее наниматель, не позволяет усомниться. Она проводит рабочий день в неравной борьбе со стыдом и мелкими неприятностями – обрывает телефонные разговоры, прячет некондиционные фотокопии, беспокоится, не забыла ли сообщить кому-то из пациентов, что он умирает, или ждет ребенка, или и то и другое вместе. При всех недостатках у ее работы есть три преимущества. Первое: нескончаемый запас блокнотов и шариковых ручек с надписями вроде «"Циностекс" от цистита» и «"Агроласт" – пластырь для пупочной грыжи». Второе: близость к Алистеру, которая, как Лора часто себе напоминает, есть содействующий, но не единственный фактор их страсти. Третье и самое главное: врачебная тайна. Жужи и та ее уважает. Документы, с которыми работает Лора, касаются в основном бородавок, прививок от свинки и прочих бесчисленных областей человеческого страдания, одинаково ей безразличных. Как следствие, она ежедневно приносит домой кипу скучнейшей корреспонденции и выводит на полях светлым карандашом:

Господи, помоги. А., ты не позвонишь?

Марина, Марина, Марина, я больше не могу.

Что ей еще остается? В этом махровом саркофаге негде спрятаться. Ее постельное белье лежит в чемодане под книжными полками; сорокалетний запас детских книжек и пересвеченных полароидных снимков свален в ящике Розиного комода. Если сунуть дневник за диванные подушки, его непременно найдут, а ведь мыслям, роящимся в голове, нужен выход. В том числе и тем, что касаются четвертого преимущества работы в больнице – ключика, который отпирает шкаф доктора Саджена, где тот хранит «Валиум», «Трамадол» и «Темазепам». Утешительные раздумья о содержимом начальственного кабинета посещают Лору все чаще. Хватит

ли – чисто теоретически – двадцати таблеток?

Так все и начинается: обычная история подростковой любви. Гай соблюдает Правило шести дюймов – не допускает прикосновений и нежностей на людях и не обсуждает их отношения там, где другие могут услышать. Оно и к лучшему, учитывая, что он младше ее на год. Зато теперь все, от первоклашек до префекта и капитана регбийной команды, Томаса «Тома» Томсона, перестали считать ее фриком.

Это похоже на брак. В их жизни появилась рутина. Девочкам запрещено бывать в комнатах мальчиков, но Гай, по счастливой случайности, помогает первоклашкам строить пернатую гондолу для постановки «Венецианского купца», в которой Марине отведена униженно маленькая роль. Театральные представления в Кум-Эбби отличаются тем же размахом, что и спортивные состязания. Участие в них, как им постоянно напоминают, «делает из школьника всесторонне развитую личность», хотя большинство предпочитает регби. Декан Гая, видный холостяк мистер Стеннинг, приставил его надзирать за ватагой первоклассников и подготовишек, и теперь Марина три-четыре раза в неделю составляет ему компанию за сценой. Стеннинг, хотя и руководит постановкой, редко сюда заглядывает.

Гай говорит, что ему доверяют. Он раздает указания окоченевшей от холода ребятне и курит, сложив пальцы лодочкой, как заправский рабочий. Марина ждет его, словно любовница французского лейтенанта, бродит между пыльных костюмов, повторяет формулы и химические законы и придумывает тему для разговора, которая не позволит им обоим умереть от тоски. Потом они отходят за угол, чтобы «проверить декорации», и тискаются под висящими проводами: рукава его рубашки липнут к ее податливому телу, воздух наполняется запахом горячей пыли и пота. Марине нравятся вздутые вены на его руках и широкие, несмотря на юный возраст, запястья – это придает ей уверенности; его привлекательные черты не оставляют ее равнодушной. И все же, когда носок шнурованного ботинка тычется ей в туфельку, Марина подается назад. От Саймона Флауэrsa она бы не отпрянула.

Гай не так настойчив, как она ожидала. Марина по-прежнему моет грудь холодной водой, втайне от всех экспериментирует с резинками для волос и регулярно пользуется гигиенической помадой. Ничего не помогает. Возможно, все дело в том, что он продолжает мечтать об Аманде Степлтон; говорит о ней, а сам крутит шашни с Мариной, будто она какая-нибудь плевательница. Нужно ли подпитывать его страсть? Не должен ли он

попытаться ею овладеть? Посомневавшись, она так ничего и не делает, и лишь иногда, когда поцелуи становятся особенно пылкими, сквозь жар внутри и холод снаружи чувствует волну возбуждения.

Когда же будет петтинг?

Марина, что бы ни думали о ней подруги, отнюдь не ханжа. Она с одиннадцати лет ждала, что кто-нибудь коснется ее груди, и знала: секс будет потрясающим опытом. Может быть, устало размышляет она в три часа ночи, когда сон не идет и остается только смотреть на Хейди, дремлющую в дымке вагинального дезодоранта и спрея для тела, – может быть, она ошибалась?

– Вы ведь миссис Фаркаш?

Лора покупает во «Фриц континенталь» на Эджвер-роуд особый сорт черничного повидла, которое предпочитают в Вестминстер-корте. Подарок призван загладить вину. На этой неделе Лора хотела себя побаловать и купить журнал, но решила, что лучше заручиться поддержкой дома.

Она оборачивается. У полки с хлебцами стоит женщина – такая же высокая и встревоженная, как она сама. Лицо у нее знакомое.

– О, – говорит Лора. – Школа... То есть Илинг. Вы...

– Я преподавала Марине историю. Бриджет Тайс.

– Простите. Я такая дура – витаю в облаках.

– Не извиняйтесь, я и сама не лучше.

Они смотрят друг на друга.

– Моя свекровь – из России, – говорит Бриджет, – у нее особые требования к хлебцам. Вы, случайно, не знаете...

– Вон те, с семечками, они их любят. Свекровь? А я думала... Так вы замужем?

– Ну, не в юридическом смысле. У учителей, знаете ли, тоже бывает секс, – сообщает она с улыбкой.

Лора улыбается в ответ. Повисает пауза – обе думают о сексе мисс Тайс.

– Как дела у Марины?

– Ну...

– Честно говоря, нам ее не хватает. Большая умница. Надеюсь, она счастлива.

Лору выдает выражение лица. Слова, которые принято говорить в таких случаях, – о возможностях, привилегиях, льготах – не идут на ум. Губа предательски вздрагивает, и Лора откашливается.

– Ну...

– Не счастлива?

– Я... конечно, это потрясение. То есть не для меня одной. Но... она привыкнет, не сомневаюсь. Мы все ею очень гордимся.

– Марина в школе-пансионе, трудно представить. Она не из тех, кто терпит дураков. Мы бы приняли ее обратно не раздумывая.

Лора кивает. Перед глазами встает пелена, за которой не видно ни решений, ни чувств, ни будущего. Хочется лечь и уснуть.

– Если вы... если она передумает, – слышит Лора, – это можно обсудить. Нет ничего невозможного. Главное, не затягивайте, пока не поздно.

Когда воскресным утром Марина, зажав в горячей ладошке горстку монет, звонит домой, она решает между прочим упомянуть, что немного скучает. Ничего путного из этого не выходит.

– Антибиотики, – рассеянно говорит ее мама. – Это все возраст. Решили подстраховаться.

– Бедная Ильди.

– Милая, ей восемьдесят два. За ней присмотрят.

– А вдруг все серьезнее? – спрашивает Марина. Мимо нее рысцой проносится Али Стрюер в полной экипировке для игры в лакросс. Уступая дорогу, Марина ударяется локтем о таксофон и ловит ртом воздух – но не плачет. Она допоздна просидела над заданием по химии, не выспалась и выпила слишком много кофе, а теперь, хотя ни разу не была на похоронах, ясно видит перед собой печальную темную капеллу и Ильди в полуоткрытом гробу, как у папы римского. К горлу рвется всхлип. Семья без нее уязвима, однако для них нет большего счастья, чем знать, что Марина здесь.

– У вас точно все хорошо? – спрашивает она.

– Конечно. Почему нет?

– Просто подумала... Неважно. Ладно, мне пора. Ужасно много дел. Да, я опять потеряла линзу. Левую. Нет, правую. Пока.

– Солнышко, будь осторожней, страховка не вечная. Ничего страшного, конечно, но ты постарайся, хорошо?

Все катится под гору. У Марины море проблем, главная из которых: она не любит Гая, а поскольку тот с ней очень мил, велика вероятность, что она вообще не способна на чувства – как психопат. Дело даже не в том, что он младше на год, хотя из-за этого она, разумеется, еще больше себе опротивела. Марина так отчаянно тоскует по дому, что едва может спать по

ночам, но семью беспокоить нехорошо. Урсула по-прежнему дуетса и считает ее предательницей, а больше ей не к кому обратиться. Среди множества других происшествий, похороненных под спудом позора и страха, – звонок в «Общество самаритян», сделанный в прошлом триместре с автозаправки. По их совету она отправилась на встречу со школьным психологом, капелланшей миссис Гилбрей, улыбчивой женщиной с перламутровой губной помадой и прической в стиле принцессы Дианы. Однако в семейном кабинете Гилбреев, сидя на лоскутной подушке, Марина вспомнила слухи о том, как предыдущий капеллан записывал исповеди школьников на пленку и смеха ради проигрывал их в учительской. После этого на откровения уже не тянуло.

Сама идея признать свои чувства, такие хрупкие и необъятные, Марине невыносима. Думая о Кембридже, она готова взорваться от желаний и безысходности, а мысль о том, что она каким-то неосторожным поступком нарушит небесное равновесие и не сумеет уберечь семью от опасности, наполняет ее страхом. Она пристрастилась часто мыть руки: явный признак экземы, и это вдобавок к астме. Из всех шестиклассниц одна Марина не умеет болтать о пустяках и флиртовать. У нее до сих пор нет прозвища. Мистер Вентнер, декан факультета, где учатся одни мальчики, на уроках биологии в упор не замечает, когда она тянет руку; мистер Стивен на вопрос о том, какой длины должно быть сочинение, отвечает: «Как мини-юбка», и пользы от этого мало. Марина никогда не падала в обморок и не ездила на велосипеде; она вряд ли смогла бы забраться на дерево. Она не ходит в бассейн из страха, что мальчики увидят ее купальник, и не записана в поэтический клуб, которого в школе попросту нет. В Кум-Эбби она явно не к месту.

И тут от Гая поступает предложение.

Восемь часов. В Вестминстер-корте рано поужинали: *полочинта* с грибами, капуста с тмином – *кукорица*, или это божьи коровки так называются? Розы, Жужи и Ильди едят датское печенье, пьют кофе (он-то точно называется *кавичко*), слушают по радио «Реквием» Моцарта, судачат о знакомых и смеются до слез. Своего рода счастье. *Буто*, говорят они, *чуньо*, – и Лора слабо улыбается: эти слова ей пора бы знать. Сестры Каройи снисходительны к ее неспособности выучить венгерский, как к какому-нибудь незначительному дефекту. Марина научилась считать до десяти и знает некоторые ключевые понятия: «тапочки», «помидор». Сегодня на кухне, размышляя над тем, до чего это трудно, Лора заглянула Ильди через плечо в поваренную книгу:

«Borjulab kirantva

A borjulabakat legelobb megkoppasztjuk a kovetkezo modon: Veszunk sarga szurkot vagy 15–20 dekat es megtorjuk egesz porra ket vastag papir kozott. Aztan a labakat egyenkent mindenutt nagyon jól dorzsoljuk be vele, fovo vizzel forrazzuk le es vegyuk ki az aszталra vagy tablara es sietve gyorsan dorzsolva huzzuk...»

Папур: бумага – догадалась Лора и осталась довольна собой.

Она только что закончила мужскую работу: перетерла всю обувь. Древний чемоданчик для чистящих принадлежностей, тряпки из старых рубашек Петера и Золтана, двойной комплект щеток, завещанный покойными сестрами Каройи, бедняжкой Китти и бедняжкой Франци, отчего-то вселяют в нее уныние. У Марины появился новый аристократический выговор. Пенелопа Лич утверждает, что это совершенно нормально. Может быть, девочка счастлива. Может быть, Кум-Эбби – именно то, что ей нужно. Может быть.

– Я приму ванну, – говорит она наконец. – Разве только?..

– Как жалко, что ты не хочешь сидеть с нами, – отвечает Жужи, выводя на конверте вычурным почерком иностранки адрес одной из своих многочисленных дражайших подруг, леди Ренаты Кеннеди, урожденной Ривки Кру. Леди Рената замужем за главным британским импортером ежежиков из чешского хрусталя, сэром Джеймсом, бывшим Йенё. Жужи с сестрами его недолюбливают, даже презирают: он, мол, «хочет англичан переангличанить», хотя сам-то, как известно, родом из Ходмезёвашархея. В отличие от супруга, леди Рената пользуется огромным влиянием и имеет авторитетное мнение обо всем, включая Лорину несостоятельность. Даже конверт глядит на нее надменно.

– Простите, – говорит Лора. – Я устала.

Рози и Жужи переглядываются.

Медленно и печально Лора наполняет обжигающе горячей водой бирюзовую ванну в пятнах налета, раздевается и рассматривает в зеркале свое сорокаоднолетнее тело: попользованное одним или двумя парнями в предместьях Бирмингема и педагогическом колледже; возжеланное – но, как видно, не сильно – Петером Фаркашем; пускаемое время от времени в оборот доктором Алистером Садженом. И это оно? Если сделать скидку на все недостатки – рост, лицо, неуклюжие колени, широкие красные кисти, – сможет ли кто-нибудь, как раньше, счесть ее привлекательной? Приглядись. Прищурься сквозь пар. Кожа нежная, грудь... что ж, грудь как грудь. Лора осторожно трогает пальцем плечо, ключицу. Сосок. «Милая», – шепчет она себе и отводит глаза.

Она опускается в воду, прижимается спиной к холодному кафелю. Икры и бедра розовеют. «Реквием» через две стены от нее достигает волнительной кульминации. Лору обволакивает печаль. Она думает: «Я хочу большего. Я...»

«*Qui tollis, – слышит она сквозь лязг водопровода, – peccata mundi, miserere nobis*».

Я больше так не могу.

«*Dona nobis pacem*»^[7].

Не могу.

Гай положил руку на Маринину блузку, но, похоже, не знает, что делать дальше. Они целуются, а рука тем временем застыла над прочным бюстгальтером «Куртолд Дамаск тач» устричного цвета, который Роза, не вняв Марининым мольбам, заставила ее взять в Кум-Эбби. Ее кожа замерла в ожидании. Собравшись с духом, Марина чуть выпячивает грудь. Никакой реакции. Что она делает не так?

Когда разгоряченная Лора, натерев докрасна глаза, благопристойно подпоясав *пондюлу* и набросив на плечи кардиган, выходит из ванной, все уже изменилось. Еще не зная об этом, она думает – о нет, только не «В прошлом году в Мариенбаде», я хочу спать, неужели обязательно сидеть на диване и притворяться, будто мне интересно или... Но тут Ильди протягивает ей почту. Ничего особенного: выписка из банка на 53,32 фунта стерлингов и какой-то конверт: манильская бумага, шариковая ручка, угловатые буквы. Городские власти пишут по поводу мусорных ящиков или Ильди прислали новую библиотечную карточку. Позже поглядит. Сейчас есть дела поважнее.

В ванной Лора приняла решение, а теперь нужно действовать. Она садится за обеденный стол, притворяется, будто смотрит фильм, тайком покусывает пояс халата и набирается смелости, прежде чем поставить перед семейством сложный вопрос: как быть с Мариной? Все они чем-то пожертвовали: Роза – заработком, Ильди – сбережениями в почтовом банке, Жужи – проданной, по ее утверждению, брошью, Лора – нищенским жалованьем и, как следствие, необходимостью жить с людьми, для которых она чужачка, загадка и, возможно, обуза. Однако этих жертв недостаточно. Сестер наверняка ссужает деньгами дальняя родня, какой-нибудь Отто или Фюлоп. Скоро они совсем завязнут в долгах.

«Что, если, – мысленно спрашивает она Марину, Роза, учительницу из Илинга, – что, если мы ошиблись?»

– Поедем завтра ко мне домой? – предлагает Гай.

Они трутся о задник очередной декорации – в этот раз старшеклассники ставят «Как вам это понравится». Дышать, когда целуешься, непросто, особенно если ноги трясутся. Сексуальная активность наказуема немедленным исключением, и это само по себе сексуально, правда? Вчера Марина слышала историю о девице, у которой был очень пьяный секс с парнем из другой школы. Парень потом проболтался префекту, тот рассказал доктору Три, и девицу выгнали (а парня – нет). Еще Марина боится сырости и темноты и что внезапно начнется менструация. Ее щеки до сих пор пылают; по дороге сюда она прошла мимо Томаса «Тома» Томсона, который, исполняя одну из множества обязанностей префекта, приказал двум девочкам встать на колени, чтобы проверить длину их юбок. Марина замедлила шаг – ей пока непривычно такое видеть. «Тебя, – сказал Том Томсон, жестом разрешая девочкам подняться, – я проверять не стану», и все засмеялись, включая Марину. А что ей еще оставалось?

– Да расслабься ты, – говорит Гай. Ему кажется, что она переживает по поводу поцелуев, потому что совершенно невинна – а все из-за ужасного недоразумения, которое в прошлый раз случилось здесь же, за сценой. Сама виновата.

– У тебя было, ну, это? – спросил он.

– Что? – уточнила Марина, пытаясь выиграть время и притворяясь, что ее мысли вовсе не мечутся в голове со скоростью молнии.

– Фантазии. О сексе. Сексуальные. То есть до меня.

– М-м-м.

– Не про дробку, конечно, – великодушно сказал Гай. – Ничего такого. Но вообще – мысли?

Что она могла ответить, чтобы не опротивить ему? Только «нет», и теперь он уверен, что его задача – ее наставлять.

Важно еще, что Гай не знает об одном эпизоде из ее прошлого: год назад в кинотеатре у Ноттинг-хилл-гейт. Марина с подругами смотрела французский фильм о тоске. Рядом с ней сидел приличный темноволосый мужчина средних лет, одетый в куртку «Барбур». Марина сперва не обратила на него внимания. Потом кое-что случилось – раз, другой; едва заметное щекотание.

Она посмотрела вниз. Мужчина сидел, скрестив руки. Его пальцы случайно задевали ее грудь.

– Простите, – прошептала Марина и отодвинулась. Щекотание повторилось. Она отодвинулась дальше. На третий раз ее как током

ударил: он нарочно!

Марина замерла от стыда, а почувствовав руку в четвертый раз, бросилась в туалет. Оттуда она вернулась с низко опущенной головой и села в другое кресло, не говоря ни слова и не в силах забыть эти пальцы и золотой блеск толстого обручального кольца. Ее правая грудь с тех пор от стыда стала темнее левой. Марина до сих пор боится, что встретит того мужчину на улице.

Гай перестает ее целовать.

– Марина?

– Что?

– Поедем ко мне домой?

– Зачем?

– Как зачем? В гости, дурочка. Да не ломайся ты. Мне все равно нужно ехать, а вдвоем веселее. Заодно с семьей познакомишься, я не против.

Она проводит пальцем по фанерной кромке Арденнского леса – до того оскорбленная, что не может поднять глаза, и до того глупая, что отшутиться, как Дороти Паркер, не получается.

– Вряд ли...

– Не дуйся. Я же серьезно. Родители у меня что надо.

– Я не дуюсь. Не могу, и все.

Говоря по правде, планов на выходные у нее нет. Оно и к лучшему. Можно завести друзей и развеяться, убеждает себя Марина, ни секунды не сомневаясь, что проведет субботний вечер в гостинной Вест-стрита, не посмеив отказаться от чашки низкокалорийного мятного шоколада или чая с молоком и изображая любовь к Мики Рурку.

– Почему не можешь? – Гай копается в ухе, будто спускает давление. – Из-за бабушки с дедушкой?

– У меня только бабушка.

– Ну и какое ей дело?

Марина каменеет: она в ловушке, хочет прогрызть себе путь наружу. Теперь он всюду о них растрезвонит.

– Мне пора.

– Все равно ваши собираются на вечеринку или куда-то там. Ты сама говорила. Так что им даже знать не нужно. Все ездят друг к другу в гости. Это называется «отпускной билет».

– Никогда не слышала ни о...

– Отпросись у Дэвентри, и дело с концом.

– Нет, – говорит Марина, – не буду.

Рональд Дэвентри – ее декан, заместитель директора, муж Джонквил,

отец близнецов – чрезвычайно популярен у всех мальчишек. «А, Дэвс, – говорят они, едва услышав о нем, – клевый парень». Однако Марина ему не нравится. Рядом с ним она кажется себе неопрятной, отвратительно женственной. Дэвентри, как любят подчеркивать его обожатели, охотно общается с девочками, но только веселыми и симпатичными; с Мариной же – никогда. Он ведет ежедневные собрания так, будто это какая-то шутка для своих, а когда устраивает вечеринки в честь гребной команды, девочек туда не приглашает.

– Он точно откажет.

– Не ерунди. Все так делают. И вообще, тебе понравится. С сестрой познакомишься. Может, и отца встретишь.

Марина не слушает. Как он мог сказать, что она дуется?

– Эй, ты здесь? Он... Люди обычно не прочь с ним познакомиться. Может, ты ему даже понравишься.

– Неужели?

Марина представляет его родителей молодыми – невысокими, игривыми, глупыми; совсем непохожими на ее семью.

– Ну да. Подожди-ка, ты что, правда не знаешь?

– О чем?

– Вот это да! Фантастика! То есть ты...

– Что?

– Мой отец – Александр Вайни!

– Итак, – говорит Лорина свекровь за завтраком, черпая компот из баночки с наклейкой «Максвелл-хауз», – ты будешь идти с Ильди или хочешь со мной?

– Она не слушает, – произносит Жужи (у нее всегда такие густые тени для век?). – Ильди, дорогуша, ты добавила, как это называется, *бирсалма*, айва? Или только яблоко?

– *Иген*, айва, – отвечает Ильди. – Ты просила ваниль, я буду покупать на другой неделе. *Ушсехашенлихатотлан*, нем?

Лора моргает, изображая работу мысли. Она не гений: мозги у нее шевелятся, если вообще шевелятся, медленней, чем у других – пока те обходят неприятность стороной, Лора медленно падает в яму. Этим утром ее еще проще застать врасплох, поскольку ночью ей снилось, будто она в одиночку рождает тройню. Лора надеялась, что утро пройдет без расспросов.

– Лора!

– Я...

Рози поднимает бровь. В глубине что-то вспыхивает – подводный вулкан.

– Ужасно, – замечает Жужи, но Роза хранит молчание. Она всегда была вежлива, если Лора не переходила черту – например, неуважительно отозвавшись об Элмере, покойном муже миссис Добош, или сравнив Жужи с красивой афганской борзой их знакомого киоскера. Это было много лет назад; Петеру пришлось просить за нее прощения, но даже после этого Роза пять дней с ней не разговаривала.

– Мы обсуждаем это с Ильди много минут, – цедит она сквозь зубы. – Не будь смешной.

– Простите, – отвечает Лора, – о чем речь?

– Венгерский базар.

У Лоры отвисает челюсть.

– Боже! Это ведь не сегодня?

– *Иген*, *иген*, конечно, сегодня. Как это будет, *хусоньольц*, двадцать восьмое. Зачем Ильди готовит *бейгли*, как ты думаешь?

– Я... я не...

– Мы уходим через двадцать минут, оказывать помощь, – говорит Роза, комкая салфетку. – Поменяй свитер.

Там будет Мици Саджен и не будет Марины. Лора помнит прошлогодний базар, три часа сплошного безумия, неудобных вопросов и замечаний личного толка. Она поклялась, что больше на это не согласится. Кто бы на ее месте не мечтал о внезапной смерти? Лора не может придумать ни одного аргумента против, однако за недостатком смелости пытается найти другой выход.

– Смешно сказать, но как раз сегодня...

– Конечно, ты идешь. Миссис Добош ждет.

– Я... я думала, это через неделю. Просто...

Даже я, думает Лора, за столько лет должна была стать чуть тверже. Что-то впитать в себя. Откажусь, и точка.

Они не могут меня заставить.

Ее заставляют.

Что тут поделаешь? Лора готовится к выходу, или, вернее сказать, выбирает в комодке наименее ужасную юбку и, пока остальные слушают новости, крадется к зеркалу в Марининой комнате, вдыхает запах, но запрещает себе любопытничать. Она пытается увидеть себя глазами Алистера – по-своему привлекательного мужчины, – щурится на отражение, закрывает глаз. Ниже шеи нечего и стараться. Выше, сквозь дрожащую пелену ресниц, она почти готова поверить, что эти волосы – вовсе не мышиного цвета, и щеки бледнее, чем кажутся; что красота ее смуглой и чернобровой дочери не целиком досталась Марине от отца, а приобрела что-то неуловимо-нежное и от Лоры. Это явный обман, но, чтобы его подкрепить, она чистит зубы, умывается, дрожащей рукой накладывает почти невидимую губную помаду, прибереженную для адюльтера. В глаза себе она больше не смотрит.

Когда Лора выходит из комнаты, все ждут у входной двери. Жужи, оглядев ее изношенный, застиранный наряд, качает головой, поблескивая золочеными серьгами размером со сливу.

– Как жалко, что ты не берешь мою блузку, – говорит она, с довольным видом поглаживая манжет: шоколадно-коричневый шелк с узором в виде стремян, купленный в Париже в замужние годы, когда Лоры еще и на свете не было.

– Спасибо, – откликается Лора. – Роза, давайте я понесу коробку.

Обычно, когда Лора, будто муж-подкаблучник, пытается избавиться

свекровь от тяжелых сумок, та говорит: «Глупая, смотри на мои ноги, я буду жить вечно», на что Лора отвечает сухой, как растрескавшаяся грязь, улыбкой.

Этим утром Розы уступает коробку без слов.

Ильди запирает квартиру. Жужи проверяет губную помаду, глядя в полированную стенку лифта. Лора вспоминает, что Розы велела невестке отдать коричневое пальто в Оксфордский комитет помощи голодающим. Купить бы новое, но денег нет, а если б и были, лучше потратить их на Марину. Жужи, конечно, нарядилась в меха – по крайней мере, воротник у нее меховой: черный, шелковистый, густой; оцелотовый или человеческий. Иногда она поворачивает голову: огромные глаза, милый носик и профиль прекрасны, как у постаревшей куклы. Розы в любимом костюме из черной шерстяной ткани с золотисто-зеленым шелковым галстуком похожа на советского министра на отдыхе. Впрочем, костюм ей идет; вид у нее почти веселый, словно в предвкушении удачной охоты. Даже Ильди приколола к лацкану брошь: эмалевое гнездо малиновок, один из множества сувениров, которыми одаривает ее младшую сестру «милый мальчик» Дьордь, чью бижутерию когда-то носила принцесса Грейс. Ильдины белоснежные волосы взбились от возбуждения.

– Я думаю, – признается она Лоре на подходе к Порчестерским баням, – надо было делать больше *бейгли* с орехами? Семечки – это хорошо, но...

– И те, и другие вкусные, – отвечает Лора. Они идут медленно – держат шаг с Розы, у которой болит бедро. Время никого не щадит: каких-то два года назад она могла добраться до Сохо пешком быстрее, чем на автобусе.

– Семечки – это... *диош*?

– Хорошо! Очень хорошо! Ты почти права, маковые семечки – это *макош*. Теперь скажи, что ты думаешь?

«Я думаю, – думает Лора, – что все летит к черту. Мой единственный ребенок предпочитает мне пансион, а на базаре будет Алистер со своей проклятой женой, и если мне опять придется лебезить перед миссис Добош, Шари Перлмуттер или Фанни Пельцер с ее ужасной бородавкой, я сойду с ума».

– Уверена, все пройдет хорошо, – говорит она, опуская на землю коробку, чтобы Розы могла их догнать. В кармане шуршит бумага – вчерашнее письмо. Как ничего не подозревающий прохожий, который прикасается к чемодану с бомбой, она вскрывает конверт.

Письмо написал ее муж. Вопреки всем надеждам, он жив.

– Кто такой Александр Вайни? – спрашивает Марина.

Она говорит с Урсулой по таксофону, пока одноклассницы, готовясь к субботним урокам, носятся по лестницам в поисках «Феминакса», фена, учебников, обернутых в дизайнерские обои от Лоры Эшли, и носовых зажимов для синхронного плавания.

Ей нужен дом, и именно дом Урсулы: глоток интеллектуальной твердости, невозмутимой семейной веры в себя – все, чему Марина так завидует, за что любит и ненавидит. Однако Урсула ее до сих пор не простила. Она винит Марину в том, что та променяла их дружбу на частную школу, удобно забывая все мелкие унижения и насмешки по поводу Марининой неуклюжести и помня только о ярких моментах: записках на латыни, поверенных друг другу секретах. «Твои воображаемые друзья», – зовет она скопом всех ее новых знакомых. «Они не знают тебя, как мы».

Урсула тоже ее не знает. Ей кажется, будто Марина такая же, как она: преданная, исполнительная, самоуверенная. Можно семь лет быть лучшими подругами, болтать на уроках и в метро, часами висеть на телефоне, писать друг другу двадцатистраничные письма, однако клятвы в вечной дружбе еще не гарантируют понимания. Есть и другой мир, где ты обедаешь с матерью и тремя старушками или ворочаешься в постели без сна, – мир, который никто не видит.

Марина скучает по Урсуле и поэтому позвонила, ответила на ласковые расспросы мистера и миссис П., посвятила подругу в свои мысли, если не чувства, относительно Зародыша, как та настойчиво именуется Гая, и расспросила о планах на мистера Бернетта из Илингской школы для мальчиков, промелькнувшего в научной викторине. А потом заставила себя спросить об отце Гая.

– Ты шутишь, *n'estce pas?*^[8] – спрашивает Урсула. – Уж ты-то должна его знать.

– Я не знаю. Случайно, не тот безгубый актер?

– Тебе там что, память стерли? Эй, это твоя лучшая подруга Урсула, помнишь меня?

– Прекрати. Ничего смеш...

– Ты забыла, как мы играли в «Уж замуж невтерпещ»?

– Когда выбирали исторического деятеля, которого больше всего хотим

поцеловать? Я назвала Петра Великого, а ты сказала, что единственный здравый выбор – это Густав Адольф.

– Нет. Другая игра. В тот раз, у Софи, мы бросали имена в ее шляпку от Лоры Эшли, не фетровую, а ту, с шелковым шарфиком. И ели клубничное мороженое, насколько я помню.

– Ах, это...

То было время, когда они пытались заглянуть в будущее и – вопреки примеру родителей, слухам, здравому смыслу и всему, что знали о мальчиках, – пророчили себе долгую и счастливую семейную жизнь, послушных детей-вундеркиндов и первенство (или, по крайней мере, скромную славу) на любом поприще: от проведения школьных балов до руководства секретной службой. Тайные подростковые горести должны быть вознаграждены. «Это единственный способ спастись от... ну, сами знаете», – сказал однажды кто-то из них, и все подумали о своих матерях и притихли.

– Мне достался Харрисон Форд, – говорит Марина.

– А вот и нет, Харрисон Форд достался Кристине Коралик – мы взяли ее в игру. Она все спрашивала о сексуальных контактах, ты должна помнить. А мне выпал тот комедийный актер – жаль, что не Стивен Фрай. Нет, глупенькая, ты бесспорно вытянула Александра Вайни.

– Не «бесспорно», а «определенно», – поправляет Марина. – Я не глупенькая.

– И все-таки вытянула. Ну, что ты молчишь? Все ты знаешь – ты его по ящику видела. Парень из «Как делали королей». Софи по нему сохла, вот и бросила его имя в шляпу. У нас, если помнишь, был тогда период ментального промискуитета.

В шестидесяти шести сантиметрах от Урсулы, если провести по карте прямую линию, Марина вспыхивает при мысли о ежевечерних воображаемых оргиях в ванной комнате, до того провонявшей освежителем воздуха, что приходится дышать ртом, пока слезы буравят дорожки на висках и утекают в волосы.

– Ты его знаешь, – не отстают Урсула. – В пятом классе мы все были от него без ума. Мисс Ковс показывала «Нашу Англию» на сдвоенном уроке истории. Ты должна пом...

– Так это он? Боже! Серьезно? Я совсем забыла – ну конечно, Вайни! Но почему его нет в «Реестре»?

– Какая разница? Может, у тебя даже есть его книги. У меня есть «Влюбленные Тюдоры», это потрясающе. Софи явно читала какую-то, хотя там примерно восемьсот девяносто две страницы. Она могла бы тебе

одолжить. Или ты теперь охладела, влюбившись в Зародыша?

– Прекрати. Вау! Я и не думала. Да, мы его любили...

– Вот именно, вау. Кстати, помнишь, как Роуз сказала...

– Мне пора, – говорит Марина. – Прости, но тех, кто опаздывает на утренний урок, казнят.

– Ох уж эти твои субботы... Ты до сих пор носишь форму? Она еще не всю кровь из тебя вытянула?

– Сама знаешь, ношу. Приходится.

– Ладно, ладно. Давай, скажи по-быстрому, зачем тебе знать об Александре Вайни? Ты там что, свингом занялась?

Марина объясняет зачем. Урсула пищит, как морская свинка.

– Ты шутишь?!

– Нет, это правда. Я думала, Гай... ну, не связала сразу. Он... такой заурядный, и совсем никакой романтики.

– Ты понимаешь, что это значит? У тебя все шансы. Выйти за него.

– За Гая? Он младше меня на год.

– Да нет же, за Гая Старшего. Знаменитого. Мы ведь так и хотели! По крайней мере, тебе придется попробовать. Мы связали себя узами.

– Не узами, а обетом.

– Уточним у Зои. Но это твой долг.

– Не сходи с ума.

– Кто еще сходит! Говоришь, Зародыш тебя пригласил? Значит, ты легко можешь с ним познакомиться. Скажи «да», и дело с концом.

– Не могу, – отвечает Марина, но в груди у нее разгорается странный жар: пустота, как любовь или голод. Она теперь вспомнила лицо Александра Вайни: далеко не юное, но отцы ее подруг не намного моложе.

– Можешь.

– Нет, Урс. Я буду выглядеть... глупо.

Мгновение Урсула молчит, а потом произносит:

– Ты обещала нам. Твоим старым подругам. Может, ты теперь считаешь нас детьми, но...

– Я так не считаю.

– Хорошо. Мы все обещали. Вот и все, что я хочу сказать.

Лора стоит у входа в Порчестерские бани. Остальные уже на лестнице, увлеченно разглядывают горизонт; они любят дуться на отстающих. В руке у нее трепещет письмо от мужа – сына Розы, отца Марины.

Он хочет вернуться.

Это чудо, заветная мечта сестер Каройи. Для них все мужчины

священны: достаточно ввернуть лампочку, чтобы стать в их глазах божеством. Очаровательного и галантного Петера всегда чтили больше, чем зануду Роберта, старшего сына Розы. Лора была уверена, что, называя себя «иностранцем», Петер рисуется, – пока не встретишься с его родителями. Она словно очутилась в квартире где-нибудь посреди Праги или Вены: пластинки с классикой и книги по искусству, удивительная еда, фотографии, с которых отовсюду на нее глядел «Пэтэр», Святое Дитя: избалованное отрочество в торжественном макинтошике, статная юность с ухмылкой на губах – возле гордой матери с прической «улей», на чьей-то свадьбе.

Догадаться можно было уже тогда, но Лора ничего не заметила. Когда он стал пропадать – сперва часами, потом сутками, а после и вовсе исчез, – это было ужасно, но вместе с тем принесло облегчение. Безделье, пьянство, ссоры на пониженных тонах, бесконечные обещания стать другим человеком – все осталось в прошлом. Теперь ей нужно присматривать всего за одним ребенком, утешала она себя. А потом им стало не на что жить, и по настоянию Розы, решившей, что Марине нужна семья, они переехали – разумеется, временно – в Вестминстер-корт. Марина свыклась, хотя и отказывается говорить об этом. Все они свыклись, даже бедняжка Розы, которая делает вид, что «Пэтэр» всего лишь уехал куда-то из-за работы, как Роберт уехал в Австралию.

Где же он был? В коме? В открытом море? Письмо, неожиданно здоровое и покаянное для человека в его положении, туманно ссылается на друзей. Не намек ли это на двоеженство? Лора и не догадывалась, как это унижительно – знать, что все это время он был жив. Казалось, проще его ненавидеть, пытаться забыть. И хуже всего, теперь появилась надежда.

Потому что с его возвращением все может измениться. Она невидящим взглядом смотрит на вышитый транспарант над распашными дверями:

*ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ
в Венгерскую женскую лигу
56-й
ежегодный базар*

Если он вернется, думает Лора, Розы простит невестку за то, что та обратила в бегство ее святого сына. Марина смягчится. Можно будет даже исполнить свою давнюю мечту: позвонить в приемную директора Кум-Эбби, в этот обшитый деревом замок, распространяющий отраву, и

приказать им отправить Марину домой.

«Дура. Твой бывший муж, – напоминает она себе, – ни на что не годный бездельник, пьяница и эгоист. Он принес семье (и больше всех – дочери) достаточно горя. Это не должно повториться».

– Лора?

Она поднимает голову. Розы, Ильди и Жужи, ничего не подозревая, смотрят с вершины лестницы.

– Что там, дорогуша? – спрашивает Ильди.

Разве они не свыклись с судьбой, разве жизнь не вернулась в прежнее русло? Марине ни к чему такие переживания. Прежде чем уничтожить все, что у них есть, нужно перечитать письмо – тщательно, в одиночестве.

– Я...

Представить только, что она объявит о возвращении Петера, а он обманет их надежды: эти немытые волосы, эти большие опасные глаза. Последние тринадцать лет в Вестминстер-корте строили баррикады. Нельзя просто так открыть дверь и впустить ураган.

– Лора? Что там?

– Я...

Она все расскажет. Конечно, расскажет. Даже когда рука по своей воле возвращает письмо в карман, Лора намерена поступить правильно. Только дайте ей время.

Разумеется, Марина не собирается ехать к родителям Гая. Однако в перерыве между уроками голод и тоска по матери приводят ее в школьную кондитерскую, где остальные ученики проматывают деньги на голубую шипучку и отвратительное, отдающее маргарином печенье под названием «Слайс». Марина покупает драже из шербета, и тут появляется Гай.

– Ну как? – спрашивает он.

– Что?

– Чем вечером занимаешься?

– Иду на прослушивание в хор.

– Ты же говорила, что не умеешь петь.

– Знаю, – сухо отвечает Марина, озираясь по сторонам, потому что она изменщица и не может перестать думать о Саймоне Флауэрсе. – Но попробовать нужно.

– Видишь? Тебе ничто не мешает поехать со мной – отдохнешь, развеешься, не то что с этими даунами. Не делай такое страдальческое лицо, ты знаешь, о чем я. Если встретимся в Меме в четверть второго, то успеем на поезд.

«Нет, – думает Марина. – От твоего отца у меня мурашки по коже, а мать будет смотреть на меня свысока. Я не могу».

Потом она представляет, как расскажет об этой поездке Урсуле. И семье: ее родные ценят отвагу, а превыше ее – знаменитостей. Жужи однажды стояла в очереди к мороженщику рядом с леди Антонией Фрейзер^[9]; в пересказах этой истории они стали близкими подругами. Родные Марины рассчитывали, что в Кум-Эбби будет полно детей знаменитостей самого разного сорта: не только таких, с кем они сами водят дружбу (чешский дипломат, друзья леди Ренаты, неуверительно британский дирижер по имени Джордж Артур), но и куда более впечатляющих – аристократов. Что ж, Марина взрослая и все понимает. Никто не хочет, чтобы она, по примеру соседских внучек, пекла венгерское печенье, брала по воскресеньям уроки народных танцев, а потом вошла в семейное дело. Ей желают лучшей судьбы.

«Боже, – думает Марина, – пожалуйста, пусть я оправдаю их ожидания. Пусть никто не заметит моего убожества».

– Хорошо, – говорит она вслух. – Да, хорошо.

Это похоже на извращенный англиканский праздник. Люди здесь могут (на самом деле должны) покупать: расписные кольца для салфеток и расшитые прихватки; бижутерию от Дьордя и благоразумно свернутые колготки телесного цвета из «Фемины»; сувенирных целлулоидных кукол в народных венгерских костюмах; кассеты с цыганской флейтовой музыкой; сушеные грибы, салями, плетенки чеснока. Чей-то муж-англичанин из благих побуждений расставляет на полке со старыми книгами детективы Дика Френсиса, инструкцию владельца «Остин Ровера» 1973 года и путеводители по швейцарским спа-курортам. Воздух стал сизым от сигаретного дыма. На отдельном прилавке стоят фарфоровые чашки с кофе и коричневый кристаллический сахар, по которому все сходят с ума. И, конечно, еда: фаршированные перцы, блины, курица, стынувшая под одеялом из фольги; кое-что уже разложено по белым тарелкам из термостекла с узором, изображающим сбор урожая. А на алтаре в центре зала – кондитерская палатка, за которой восседает Зофья Добош (для друзей – миссис Добош): покровительница искусств, хозяйка «Фемины» и в свое время (хотя время это прошло) владелица знаменитого гастронома в Сохо.

Вокруг нее порхают старушки, расхваливая кружевную скатерть миссис Добош, букеты миссис Добош и творения пожилой протезе миссис Добош по имени Руди – все знают, что когда-то она служила в великой кофейне «Жербо», а теперь прозябает в Холлоуэе.

– *Нээ. Красиво, нем?* – спрашивает Роза. Лора покорно кивает, но этого мало: нужно обернуться и умильно посмотреть на фисташковые миньоны, разложенные на манер чешуи какой-то гигантской рыбы. Лора обводит взглядом «кринолинки», «осиные гнезда», «медвежьи лапы», «радость башмачника», пирожные «Принцесса Анна» и «капри из дамы» («Простите? А, “Каприз дамы”»); ромовые безе с фундуком, марципановые рогалики, пирожки со сливой, каштаном и горькой вишней, ореховое ассорти, сырны медальоны, сладкие клецки с капустой, огромные пралине и вафли «Пишингер», не говоря о тоннах *бейгли*, доставленных от будапештского *бейглимайстера*.

– Я покупаю бусы для Марины, – мрачно говорит Ильди и решительно направляется к витринам, проложенным атласной тканью.

Как поверить в возвращение Петера? Петера, который ведет себя так, будто нет ничего разумней, чем исчезнуть на тринадцать лет, а потом воскреснуть? Петера, который, с тех пор как Лора последний раз его видела, сошел с ума. Об этом ясно говорится в письме, хрустящем у нее в кармане: «Мой рассудок – сама знаешь, и в лучшие времена нестабильный

– пошатнулся».

Как это понимать? Марихуана? Женщины? В его словах слышится зловещий официозный оттенок: он сидел в тюрьме? Вряд ли – ему не хватило бы твердости нарушить закон. Не перешел ли он от вина, странных ликеров в пыльных бутылках и кошмарного «Уникума», национального венгерского пойла, к чему-то похуже – хуже, чем тринадцатилетняя пропасть, хуже, чем перемена характера? Что, если все его мелкие безуминки – фанатичная забота о матери и взятая на себя роль семейного божества – застыли и превратились вот в это?

А может, письмо не от Петера? Почерк похож, но не в точности. Что нужно самозванцу от сестер Каройи? Внимание? Деньги? Место в запутанном, но вряд ли теплом клубке их семейных объятий?

Господи, думает Лора, послушно целуя ужасную напудренную старуху по имени Борбала, пожалуйста, пусть это будет шантаж, вымогательство, что угодно, только не возвращение мужа, расточительного и безответственного, но по-прежнему идеального в глазах его теток и матери. А если он все же вернется, то быть ему одному. Что бы он ни решил – поселиться в Вестминстер-корте или подыскать себе место погаже, – второго раза Лора не вынесет.

Марина никогда не сидела в поезде рядом с мальчиком; до Кум-Эбби она, кажется, вообще не бывала в поезде. В горле стоит комок. Она только сейчас начала понимать глубину пропасти между ней и Гаевыми родителями. На Марине – вся ее лучшая одежда: тертые джинсы, малиновый джемпер из «Маркс и Спенсер», на размер меньше, чем ей хотелось бы («Очень хорошо, мы видим твой бюст»), коричневые полусапожки, которые она боится стоптать и поэтому редко носит, и подарок на день рождения – зеленый бархатный жакет, предмет особенной гордости.

– Клево! – говорит Гай, по-лошадиному тычась ей в шею.

– А сколько нам ехать, ну, ты знаешь куда... – с надеждой спрашивает Марина, теребя в руках томик «Мертвых душ», который, после долгих раздумий, сочла не слишком претенциозным выбором для дорожного чтения: в конце концов, это комедия. Воображение рисовало ей неторопливое путешествие в духе толстовских романов, крепостных, бредущих с косами по кукурузным полям, и даже почему-то купе в спальном вагоне, где Гай попытается ее поцеловать.

– Черт его знает, – говорит он, вгрызаясь в гигантский вишневый скон. – Блэндфорд, Лаймхерст, Уиншэм-Сэнт-Питер, Горин-Уотер, Горин-

еще-что-то, Стэйт, Шафтсбери, Ист-Нойл, и на машине до «Стокера». Меньше часа. Минут пятьдесят? Поезда по выходным не торопятся.

При упоминании о выходных у Марины скручивает живот. Гай обещал, что его мама уладит дело с мистером Дэвентри, но это совсем не просто. Все случилось слишком внезапно. Марина едва не падает в обморок при мысли о бабушке; хотя мама, добавляет она про себя, к ее судьбе безразлична и вряд ли что-то заметит, так что ее вина в этом тоже есть.

С лица Гая не сходит улыбка. Когда Марина случайно задевает его ногу коленкой, он не отодвигается. Марина смотрит на прыщики у него на виске и вспоминает очередь за билетами на вокзале, где он искательно, будто морская свинка, ткнулся губами в ее губы. «Саймон Флауэрс, – думает она, – хотя запретила себе думать о нем в выходные, Саймон, я всегда буду твоей». Вспомнить бы, сколько у нее с собой денег – вдруг придется сбежать?

– Ты не против, если отца не окажется дома? – спрашивает Гай. – Сёстры, может, и будут...

– Может? Ты разве не знаешь?

– Откуда? Одна уже замужем – дети и все такое. С нами только Люси живет. Я хочу сказать, может, ты надеешься, что там будет папа. Вы же все обычно...

– Мне все равно.

– Хорошая девочка, – говорит он, состроив задушевную мину, и заправляет ей за ухо торчащую прядь волос. Поезд подходит к крошечной станции. Марина не сводит глаз с двух больших черных птиц – грачей, ворон или воронов, – которые дерутся у самых путей за какой-то камень. Победитель хватает клювом трофей и летит над вспаханным полем того, что доктор Три называет «доброй дорсетской глиной». Над поездом птица пугается какого-то звука и роняет камень у окна – так близко, что Марина может его увидеть, если вытянет шею. Именно это она и делает, чтобы однажды не пожалеть об упущенном моменте. Это, собственно говоря, никакой не камень, а нечто маленькое, пушистое и окровавленное: зайчонок, мышь или что похуже. Марина быстро отворачивается и с испугом понимает, что готова расплакаться.

Гай рассказывает историю о мальчишках, которые затолкали «Воксхол Астру» их декана в зал богословия. Марина ужасно нервничает. Когда их грохочущий вагончик оставляет позади Блэндфорд-Форум и направляется к Шафтсбери, ее взору предстает один из тех спецэффектов, которыми славится английская глубинка. Капли дождя на стекле вдруг замедляют бег.

На далекое поле через брешь в облаках изливается золотистый поток, и зимнее солнце озаряет светом вагон. Это знамение. В перестуке колес – у поезда ведь колеса? – слышен шепот: Александр Вайни, Александр Вайни. Марина думает обо всем, что забыла взять: духи, гигиенические прокладки, запасную книгу, брелок безопасности, свое самое выразительное сочинение по литературе – на случай, если мистер Вайни захочет взглянуть. «Будь хорошей девочкой», – слышится ей бабушкин голос. Дверь вагона поскрипывает: Вайни, Вайни, Александр Вайни. «Я, – думает Марина, – нехорошая девочка. Я готова к любви. Я готова к сексу. Господи, скорей бы началось».

Оказаться на Венгерском базаре – все равно что попасть на стол к любящим каннибалам. Куда ни повернись, всюду старушки спрашивают: «Что, детей больше нет?», жалостливо качают головами, стискивают плечо или похлопывают по заду; «Ходь вадь? – интересуются они, – как дела?», и Лора с улыбкой кивает, будто вопросы эти исключительно риторические. Ей без конца передают картонные тарелки с телятиной, которые она принимает с вымученной благодарностью: *кюсюнюм сипен*. Лору мутит; все взгляды, кажется, устремлены на ее карман. Рассказать о письме, конечно, придется – но сейчас, у всех на виду, время не самое подходящее. Расскажет вечером, для их же блага, думает Лора и, подняв глаза, видит в дверях Алистера и Мици.

В поисках опоры она тянется за спину и накрывает рукой пакет с паприкой, податливый, как крошечный трупик. Ее разум еще борется с мыслью о Петере Фаркаше, а глаза уже следят за мужчиной, которого она вроде как любит. Вернее, за его женой. Словно кролик, завидевший ястреба, Лора замороженно провожает взглядом своего заклятого врага.

Мици Саджен бледна, как нечто, извлеченное из расщелины на склоне Карпатских гор. Она красит волосы в рыжий цвет и носит губную помаду, но в остальном выглядит хрупкой, от природы худой: женщина, которая так занята благими делами, что забывает о еде. Она изящно курит. У нее целомудренная грудь. Мици не назовешь миловидной, однако к ней прикованы взгляды и престарелых венгерских матрон, и мужчин всех возрастов – она проходит по залу, как миниатюрный посол на вражеской свадьбе.

Алистер с присущей ему методичной серьезностью, в которой Лора старается разглядеть что-то трогательное, посвятил ее в тайны своего брака, заключенного при посредстве его первых нанимателей и Мициных опекунов: славного (славного ли?) доктора Орсаг-Надь с супругой, тоже

доктором. Принудительная диета, вспышки гнева и миллион недостатков, которые нашла в нем жена, – обо всем этом Лора знает. Впрочем, у ее соперницы кроме красивых глаз и осиной талии есть и другое оружие – благословение святой католической церкви, которое Алистер, хотя и не католик, считает ненарушимым. Не то чтобы Лора хотела бы выйти за него замуж. Она просто хочет быть замужем.

Все это неважно, думает она, следя за ними, как курица за лисой, из-за груди кожаных аксессуаров. Хотя ей это не по карману, она все же купит Марине подарок. Лора сглатывает комок, но в горле остается пыль, или пепел, или печаль – что-то, от чего никак не избавиться.

Проходит около часа. Лора отпивает глоток горячего кофе, сажает на грудь пятно, размазывает его салфеткой, просыпает сверху сахар с пирожного и решает пойти в уборную. А затем резкий поворот – и она с размаху врывается в Мици, несущую серебряный поднос, полный чашек. Посуда летит на пол; Мици, после секундного колебания, тоже.

– Иисус Мария!

– О боже, простите, пожалуйста! – восклицает Лора. – Я сейчас...

Зал замирает. Мици, распростершись на паркете, осторожно трогает лодыжку. Алистер, квалифицированный врач и законный супруг, опускается на колени, будто в замедленной съемке. Он смотрит на Лору – гневно, страстно или умоляя о понимании; после стольких тайных свиданий она, казалось бы, должна в точности знать, что у него на уме, но она не знает.

– Это... это... – говорит Мици, словно пытается всех успокоить, но не находит слов. Акцент у нее немислимый, даже по венгерским стандартам. – Я надеяться ходить.

– Простите, простите, – повторяет Лора. – Какая же я дура...

– Нет, не дура, – отвечает Мици. – Но вы очень больше, чем я, и... Ой!

Коленопреклоненный Алистер нашел больное место на подъеме балетной ступни с голубыми прожилками. Опустив взгляд на его затылок, Лора наблюдает, как ухоженные пальцы щупают худую бледную икру. Как тяжело вдруг стало дышать...

– Идти можешь? – спрашивает Алистер.

– Я... наверное, да.

Нежным, профессиональным жестом он кладет ее руку себе на шею и помогает встать. Со всех сторон поднимается шепот – к счастью, не на английском.

– Я... какой кошмар, – мямлит Лора.

– Пожалуйста, – говорит Мици Саджен. Лора уступает дорогу. Когда мимо проходит Алистер, ее душевное состояние медленно падает до уровня пола. Лора опускается на колени, чтобы собрать осколки. Мици с дрожью в голосе говорит:

– Моя сумка.

– Я подниму, – отвечает Лора, но Мици, вцепившись в Алистера, успеваеет раньше.

– Не трогать, – шипит она Лоре в лицо.

А потом они с мужем уходят.

В деревне Гай обретает смысл. Марина видит поля, в которых он будет резвиться, и коров, на чьем молоке, вероятно, росли все эти крупные белые зубы.

Вест-Нойл оказался до обидного непримечательной станцией в кругу убогих сарайчиков: голубизна небес, печаль нагих деревьев. Гай в угнетающе ярком футбольном свитере идет через шоссе навстречу легковому «универсалу». Внутри может поджидать кто угодно. Дома не знают, куда Марина отправилась.

Она хватает сумки, словно те набиты важными медикаментами, и идет вслед за Гаем.

Они приближаются к автомобилю – старому, грязному и, кажется, отчасти деревянному: задние окна по краям подернуты мхом. Впереди на изодранном пассажирском сиденье стоит ящик мармелада; рядом, уцепившись пальцем за руль, сидит женщина с длинными светлыми волосами, улыбчивая, худая и миловидная. На ней грязно-серые джинсы и поеденный молью свитер. Ого, думает Марина: прислуга.

– Это мама, – говорит Гай и хлопает ее по плечу.

– Ну, Марина... – Серо-зеленые глаза встречают Маринины в зеркале заднего вида, пока сама миссис Вайни, зажав в зубах парковочный талон, мастерски подает автомобиль к турникету. – Очень рада наконец-то с тобой познакомиться, – говорит она голосом ведущей радионовостей.

– О! – краснеет Марина. От робости она будто светится изнутри; все ее движения неуклюже преувеличены. – Всегда пожалуйста.

Гай ерошит ей волосы.

– Милашка, правда?

Как ни старайся, а в вежливости за миссис Вайни не угнаться.

– Мы ужасные эгоисты, что затащили тебя в такую даль, – говорит она и хвалит Марину за то, что та привезла с собой хорошую погоду. – Боюсь, у нас тут смертельно скучно. Надеюсь, ты не пожалеешь, что приехала.

Марина пытается ответить любезностью на любезность, но еще больше конфузится. Миссис Вайни не носит сережек. Марина, к счастью, оставила Жужины гранатовые клипсы в косметичке, но не прокололась ли она в чем другом? Знать бы, есть ли у миссис Вайни часы; что-то подсказывает Марине, что нет, и она тайком снимает свои. Гай смачно

рыгает, вгоняя ее в краску, но его мать говорит только: «Гайчик, это обязательно?», и Марина отворачивается к окну, пытаясь скрыть потрясение. Вся ее лучшая одежда, новая зубная щетка и подарок миссис Добош – шапочка для душа от «Либерти» – утрамбованы в сумке, неуклюже зажатой между лодыжек. Не слишком ли туго она набита? О ночевке Гай не упомянул.

От него вообще мало пользы. Он перепачкал подбородок горячим шоколадом и всю дорогу дразнит ее из-за красно-желтых тюльпанов, купленных на вокзале в подарок для миссис Вайни: изображает разные жесты и подмигивает, а Марина яростно трясет головой, чтобы он перестал. Теперь он взялся описывать недавние выходки Генри, Бенно, Ника и Джайлза Йо, о которых миссис Вайни, похоже, слышана. Марина тем временем пытается пригладить волосы и обрести способность к разговору.

В автомобиле пахнет гниющей кожаной обивкой, яблочными огрызками и палой листвой.

– Вы увлекаетесь садоводством? – вежливо спрашивает Марина, вызывая у Гаю приступ хохота, который заканчивается новой отрыжкой. В школе рыгающие мальчики повергают Марину в ужас; если бы кто-нибудь услышал подобный звук от нее, она не смогла бы смотреть этому человеку в глаза. Что она вообще здесь делает – в чужой машине, с каждой минутой все дальше от города, да еще без пальто? Вспотевшие пальцы вцепляются в сумку, как вдруг...

– Ой!

– Что?

– Ничего, – говорит Марина, впервые осознав весь масштаб предстоящего испытания.

– Глупенькая, скажи.

– Просто... там... там на полу мертвая птица.

Тишина похожа на высосанный леденец.

– Правда? – произносит наконец миссис Вайни. – Какая?

– Дурочка, – говорит Гай. – Это же бражник. Ты так сказала, будто сюда зяблик залетел или еще кто. Поползень, ха-ха!

Марина отворачивает к окну пылающее лицо. Они проезжают мимо обчехрыженной сучковатой изгороди, лососевой фермы и странного сооружения под вывеской «Платите по совести», в котором миссис Вайни покупает горшочек бурого мармелада. Она рассказывает Гаю о племяннике миссис Кершо («Ты помнишь, уборщицы в Ключи»), которого нашли мертвым в кукурузной силосной яме.

– Господи, какой ужас! – восклицает Марина.

– Ну, ему было двадцать шесть.

Марину по-прежнему неудержимо тянет на извинения. Видя перед собой худые плечи и блестящие волосы миссис Вайни, она чувствует одновременно голод и тошноту. Что, если за обедом они будут играть в фанты, или в шарады, или в цитаты из Ноэла Кауарда?^[10] Миссис Вайни красивая для матери: несмотря на хрупкость, ее можно представить на псовой охоте. Поеденный молью зеленый свитер – должно быть, кашемировый, – порван на плече. Бедняжка, думает с теплотой Марина, пока Гай рассказывает анекдот и под мамин смех стискивает ее коленку. Она обращает к затылку его матери короткую, но (ей хочется верить) действенную молитву. Боже, думает она, пусть она будет как они, пусть...

Автомобиль драматически содрогается. Марина ахает:

– Это... шину спустило?

– Дурочка, это решетка для скота, – говорит Гай.

– Я знаю, – сердито шепчет она. – Ш-ш!

Затем они въезжают на короткую подъездную дорожку и сбавляют скорость. За высоким забором стоит особняк. Миссис Вайни лихо паркуется на узком пятачке рядом с беспорядочной, кое-как прикрытой брезентом грудой бревен, битых цветочных горшков, канистр и деталей фермерских механизмов. Выбравшись из машины, Марина невольно издает вздох разочарования. Дом выглядит... современным: желтые кирпичики-лего, занавески с рюшем, остроконечные кусты и колодец, который за монетку исполняет желание.

– Как мило! – на всякий случай восклицает она, уже решив, что все это, наверное, очень стильно, просто не в том смысле, в каком она раньше думала. – Чудесная купальня для птиц!

– Дорогая, – говорит миссис Вайни, с хрустом ступая по гравию, – это дом Баркера, нашего соседа. А мы живем здесь.

Только тут Марина замечает старую стену, позеленевшую там, где протек водосточный желоб. За стеной стоит совершенно другой особняк.

– Ты же не всерьез? – говорит Гай. – Нет, ты что, подумала... Ха-ха, отлично!

Марине кажется, будто по коже расползаются трещины.

– Я говорила не про этот дом, – с достоинством отвечает она. – Я пошутила.

– Потрясающе, – не унимается Гай.

Они приближаются к настоящему дому с торца. У Марины пощипывает в глазах, поэтому она замечает лишь его высоту,

раскинувшиеся вдалеке лиги или гектары травы, затуманенные террасы, усаженные деревьями. Дом безграничен, как школьное общежитие, только Кум-Эбби – мешанина из готической древности, новостроя и подделки под старину, а то, что Марина видит перед собой, – красивое, будто с открытки, трехэтажное здание песочного цвета, с балконами и зубчатой крышей. При их приближении раздается громогласный лай, будто с привязи сорвались все гончие ада. Марина, как утенок, пробирается за миссис Вайни сквозь чащу макинтошей (не говори «дождевиков»), пальто и спортивной одежды. Внутри дома ничуть не теплей, чем снаружи. Воздух слабо отдает резиной.

– Боюсь, у нас тут ужасный беспорядок, – говорит миссис Вайни.

– Вовсе нет, – заверяет Марина. – Не беспокойтесь. Я хочу сказать – боже! Какой огромный дом! У него есть, э-э, имя?

– Не-а, – подает голос Гай за ее спиной. – Старый пасторский дом, Старая пасть. Можешь звать его «Стокер», если тебе до смерти надо.

– Не до смерти... – возмущается Марина, но Гай уже спрашивает:

– А что, папа дома?

Миссис Вайни распахивает дверь. На пороге стоит человек совершенно особого вида – человек, излучающий славу.

– Какого... – рычит он и тут же изменившимся голосом подхватывает: – Привет! И кто это к нам пришел?

– Папа, – говорит Гай. – Марина. Марина, это мой отец. Мы, э-э, я...

– Марина. Так-так. Хорошее имя.

Александр Вайни задумчиво глядит на нее поверх очков. Он ужасно трехмерный: сбежал из трескучего школьного телевизора, чтобы встать перед ней наяву.

– Привет, дорогая, – говорит он жене.

Невозможно не улыбаться, когда он жмет тебе руку: о, эти внимательные голубые глаза, короткие серебристые волосы, величавый нос, мощная фигура грузчика-интеллектуала. До сих пор Марина была уверена, что идеальный мужчина, за которого она только и согласилась бы выйти замуж, должен быть стройным, высоким и иметь элегантный орлиный профиль, как лорд Питер Уимзли на дагерротипе. Мистер Вайни выглядит так, будто в свободное от съемок время колет дрова. Марине все равно. Она делает шаг в сторону, чтобы пропустить миссис Вайни, наступает на большую синюю галошу, а потом спотыкается обо что-то мягкое.

– Твою мать! – рычит он.

– О боже! Я, я такая глупая. Вы...

– Моя больная нога!

– О нет! Боже... Простите. Простите.

Миссис Вайни с Гаем уже в вестибюле, но когда Марина, опустив голову и утешая себя мыслями о смерти, хочет проскользнуть мимо мистера Вайни, он ее останавливает.

– Постой-ка.

– Простите. А, да... – Марина с огромным усилием поднимает голову. Навстречу тянется рука.

– Так ты из школы, подружка моего сына?

– Я...

– Ну еще бы. Вижу по его покрасневшей мордашке. Что ж, его можно поздравить.

Сначала, говорит Гай, они пойдут гулять. Это досадно. Миссис Вайни читает субботние газеты в комнате, которая, очевидно, предназначена для чтения субботних газет. Мистер Вайни куда-то пропал.

– Мы могли бы подождать и... вдруг он захочет поболтать с нами, –

предлагает Марина.

– Еще чего, – отвечает Гай. – Мне нужно размяться.

Первым делом они идут на соседнее поле и говорят с каким-то человеком о дренажной системе, потом кормят гигантскую лошадь со слюнявыми деснами и потрескавшимися зубами размером с Маринин палец, а оттуда отправляются в холодный, синий от колокольчиков лес, каковой Марина всегда считала вымышленным конструктом, вроде Аида. Это ужасное место: темное и наверняка опасное. Деревья хороши, когда стоят по отдельности – тогда это всего лишь большие растения, – но беспокойная черная чаща наводит на мысли о Бабе-яге, воронах, охотниках и девушках, заточенных в башнях. Здесь слишком много природы: что-то мечется в темноте, вдали слышен рокот. Марина сидит на сыром пне, наблюдая за Гаем, а тот пинает гнилое дерево, а потом внезапно кладет холодную руку ей на свитер. В тот же миг у них за спиной что-то ломится сквозь кусты, и из чащи появляется рослая девочка с раздражающе мальчишеской стрижкой, одетая в джинсы цвета чернил «Куинк». Ее сопровождает огромная пятнистая гончая.

– Привет! – говорит Марина, как угодливая пастушка, которой помешал юный лорд. Что нужно делать – встать? Она хочет подняться на ноги, замечает легкую ироническую улыбку на лице незнакомки, и тут дрогнувшие колени увлекают ее, с протянутой в приветственном жесте рукой, в густую мокрую листву.

– Ты что, с ума сошла?

Минутное замешательство сопровождается скрипом, шуршанием и прерывистым собачьим сопением у самого ее паха.

– Вставай, ненормальная, – говорит Гай. – Это моя сестра Люси. Люси, это Марина.

– Привет, – говорит Люси, холодно улыбаясь, пока Марина с перепачканными коленями взбирается обратно на пень. Люси, как и она, носит свитер с треугольным вырезом, но отличие между ними разительное. Если бы только она надела темно-синий, думает Марина, а под него – блузку в широкую полосу, и старые прогулочные ботинки, и...

– Бедный ребенок, – качает головой Люси Вайни, которая едва ее старше. – Ты не замерзла?

В Маринином сердце шевелится надежда: она могла бы с ней подружиться, если Гай ничего не испортит. Вот у кого она всему научится.

– Нет, – отвечает она, пытаясь не стучать зубами.

– Как мило с твоей стороны проделать такой путь, – говорит Люси, – ради Гая.

– О, я вовсе...

– Только ужасно жаль, – перебивает ее Люси, бросив на брата многозначительный взгляд, – что у папы в выходные полно работы.

– Старый глупый папа ее не волнует, – уверяет Гай.

– Я... Меня на самом деле Гай пригласил, – горячо возражает Марина. – Я, я не туристка.

– Туристка! – Люси Вайни веселится вовсю. – У нас тут не водят экскурсии, милочка. Нет ни развалин, ни урн.

– Я знаю.

– Не ершись, ангелок, – говорит Люси скучающим голосом, элегантно пряча руки в рукава огромной вощенной куртки. – Уж и слова тебе не скажи. Не сомневаюсь, ты его очаруешь.

Больше она на Марину не смотрит. Если бы можно было зарыться в листву и умереть от стыда, Марина бы это сделала. Она разглядывает зловещий древесный гриб, и ей так грустно, что саднит в горле, однако это чувство вскоре сменяется более живописной трагичностью.

– Ах, – громко вздыхает она, – лес наполняет меня меланхолией.

Гай хмурит брови.

– Пьяница? – внезапно спрашивает Люси Вайни.

– Прости?

– Люси обожает играть в карты, – объясняет Гай.

– А... Я, кажется, никогда...

– Не может быть. Во что тогда? В «демона», в «двадцать одно»?

– Ни во что, – говорит Марина, стараясь скрыть потрясение. – То есть так, чтобы хорошо. – Она нервно смотрит на Гая, но тот сосредоточенно обтирает что-то о древесный ствол. – Может быть, – приходит ей в голову блестящая мысль, – у нас есть общие знакомые? Ты ведь учишься в Хиллхаусе?

– Да.

– Кажется, туда ходила Антуанетта из Кум-Эбби. Нет? А Лиза Черч?

Почему это не работает? В Вест-стрит все вечера проходят за такими разговорами.

– Сара-Джейн Браунли, она же, извини, «Черепаха»?

– Нет.

– Ох. Так ты в следующем году поступаешь в Эдинбург?

– Вообще-то уже в этом. История искусств. Гай, голубчик, надеюсь, ты не думаешь, когда придет время, взять пример с идиотов из твоей школы и поехать в годовой перерыв за границу? Или, – улыбается она Марине, – ты?

– Определенно нет, – отвечает Марина, которая почти решила, что

проведет годовой перерыв во Флоренции. – У вас милый дом.

– Нет, он не милый, – говорит Люси Вайни. – Он восхитительный.

Улыбка на Маринином лице застывает.

– На самом деле ты можешь знать одного моего друга, Саймона Флауэrsa, из выпускного класса. Он очень музыкальный. Он собирается в Кембридж, изучать, э-э, естественные науки. Высокий и худой.

– Судя по описанию, – говорит Люси Вайни, – он явно не тот, кого я могла бы знать.

Марина пытается улыбнуться сквозь закушенную губу.

– Я подумала, ну, ты ведь знаешь кого-то из семиклассников. Гай мне рассказывал.

– Вообще-то нет. Угадай, – обращается Люси к брату, – кому на прошлой неделе влетело от папы? Новому соседу.

– Я знаю, о ком ты, – встревает Марина и уже почти говорит: «Мистер Баркер, владелец купальни для птиц», но тут Люси Вайни спрашивает:

– А, он тоже из твоих знакомых?

– Я... не совсем, – отвечает Марина, и ободряющая улыбка тает у нее на глазах.

Брат и сестра направляются к дому. Марина, проговаривая про себя речь в защиту Саймона Флауэrsa, спешит за ними, как паж. Она обводит взглядом поля, надеясь, что живая природа подскажет какой-нибудь умный вопрос о сельских занятиях, но в голову не идет ничего, кроме снежков под кленовым сиропом из «Маленького домика в прериях» и пассажа о снопах из «Полета жаворонка». Вяхири – или это кукушки? – поют свою странную песню, когда троица выходит из подлеска. К торцу дома лепится то, что может быть только пристроями; дверь одного из них подозрительно напоминает конюшенную. Есть даже могучий дуб со скамейкой вокруг ствола, словно все это – не английский загородный сад, а изображающая его декорация фильма.

Близятся сумерки – время, когда в детских книгах оживает взрослый мир. Лужицы умирающего солнца дрожат и переливаются огнем в многопанельных окнах «Стокера» – дома, где живет Гай. «Если бы здесь жила я, – думает Марина, – я бы стала поэтом».

Однако сейчас, правду сказать, она проголодалась, испачкалась, замерзла и не знает, чего ждать от предстоящей за ужином беседы с родителями Гая. Другая его сестра, Эмми («Эмстер»), может заскочить на стаканчик; она замужем за кем-то по имени Тоби. «Возможно, – думает Марина, – бесцельно отгрызая кусок ногтя на большом пальце, – мне лучше сейчас же вернуться в школу? Кому здесь есть до меня дело? – В

горле набухает комок. – Я, – думает Марина, – не из их круга».

Пока она размышляет об автобусе до вокзала, они подходят к каменной террасе в пятнах лишайника, с серыми пушечными ядрами на каждой ступеньке.

– Боже, как я люблю ваш дом! – восклицает она, и брат с сестрой смотрят на нее как будто удивленно. «Возможно, – думает Марина, – я необыкновенно восприимчива к Красоте». Слегка растроганная этой мыслью, она взирает на речную долину, которая только что показалась в просвете между деревьев, словно соткалась из воздуха для ее удовольствия.

– Вау! Это теннисный корт?

– Ага, – отвечает Гай.

– Боюсь, не самый лучший, – морщится Люси. – Слишком ямистый, хорошего матча не выйдет. Ты играешь?

Марина кокетливо шмыгает носом. В сумерках потертые камни и розовая кирпичная стена наполняют ее грудь любовью, завистью и болью. Из дома доносится звон фарфора: миссис Вайни будет готовить обед – может быть, стейк и пудинг с почками, или куропатку и фрикасе. В тишине Гай оглушительно пердит.

– Ой, – говорит Марина.

– Вонючка ты, – отзывается Люси Вайни, и они молча входят в дом. Марина лишилась дара речи. Что-то такое было в руководстве по этикету: телесные выделения полагается находить забавными, но от потрясения у нее нет слов. Сама она ни разу в жизни не делала этого громко; дома о таком никогда, никогда не говорят. Какие на этот счет правила?

Между тем возможность для отъезда упущена. Много позже, став совсем не тем, кем она могла бы стать, Марина думает: не тогда ли, не в тот ли самый момент она выбрала заманчивый путь через лес, в котором затаилась опасность?

Миссис Вайни подала фантастическую еду: совершенно холодную жареную курицу, теплый хлеб из непросеянной муки, вялые листья салата, огромный окорок на лоснящейся от жира кости. Они сидят вместе, как взрослые, за большим квадратным столом, накрытым скатертью в бело-голубую клетку и украшенным охапкой веток и листьев в кувшине. Эта комната ведь не столовая, нет? И чем считать трапезу, ранним ужином? На стенах, обитых голубой тканью (дамасной, предполагает Марина), висят картины, изображающие собак, мелкоголовых коней и истекающих кровью оленей. Вокруг – графины, щипцы для орехов, пепельницы, оловянные птицы, серебряные подсвечники, а также нечто, что Марина с надеждой принимает за супницу. Потемневшая мебель натерта до блеска, к свежему

воздуху примешан аромат воска, древесного дыма, холодного железа и, вероятно, портвейна. Каждый вдох раздувает в ее сердце искру восторга и страха. Над камином китайцы верхом на фарфоровых слонах стоят на страже воздуходувных мехов и вилок для тостов. Если бы Марина не увидела все эти вещи своими глазами, то никогда не подумала бы, что они – образец вкуса.

– Твоя мама восхитительно готовит, – печально говорит она, надеясь, что Гай не спросит о ее матери, но тот в ответ только фыркает. Вдали, за окном, обрамленным засохшей виноградной лозой неизвестного сорта, протянулась лужайка размером с парк. Где же все? Марина отрезает скромный кусочек от аппетитного окорока. Гай отрезает три. Она спрашивает:

– Зачем ты мажешь их повидлом?

– Это чатни, дурочка. Что? Ты же ела чатни когда-нибудь?

Она переводит взгляд в тарелку, на домашний хлеб, который раскрошен по скатерти, потому что Марина не знает, что делать с блюдами по бокам.

– Я... мне нужно позвонить домой, – выдавливает она. – Чтобы они...

– Да не парься ты, – отвечает Гай. – Ничего с ними не будет.

– Нет, ты... Я обязана. И еще надо подарить твоей маме что-нибудь попримечнее. Конфеты? – Она говорит «конфеты», но Гай, кажется, не замечает. – Добежать бы до магазина...

Тюльпаны все еще наверху, лежат на сумке; два цветка потеряли головки. Что бы такое подарить остальным? Розы редко выходит из квартиры без сувениров: коробочки с носовыми платками, чулки в пластмассовых яйцах, пражские деревянные куклы ручной работы, ужасные цветастые карточки для записок, бисерные цепочки для очков, конфеты с ликером – все это она вручает каждому лавочнику и кассиру, а одно время даже одаривала учителей в Илингской школе, пока Марина не закатила дома скандал со слезами.

– Нет, нет, никаких подарков, – говорит Гай, неуклюже стискивая ее руку. – Папа терпеть их не может. Обычно все оставляют чаевые для Эвелин.

– У вас часто бывают гости? – спрашивает Марина, пытаясь его отвлечь; рука нужна ей, чтобы свернуть салфетку, хотя держателей на столе нет. Гай свою скомкал и швырнул на тарелку. – А твоя мама...

– Ш-ш... – Гай проводит пальцем по жилкам на тыльной стороне ее ладони, оставляя жирный след. – Давай доедай, – говорит он и бросает на Марину многозначительный взгляд.

Лора приходит домой чуть раньше остальных, отпирает дверь и думает: она жила в заточении, как креветка в заливном, а теперь все развалится. Она ставит чайник, чтобы было не так одиноко, садится на край дивана, словно пациентка в приемной, и слушает, как закипает вода. Мици Саджен, думает Лора, сейчас отважно возлежит на шезлонге в центре Базара, а все вокруг ходят на задних лапках. Однако уколоть себя этой мыслью не получается. Кухня пахнет теснотой и секретами, которым лучше оставаться в тени; мужеством старушек, которым так сложно выжить вдали от родного дома. Думай, говорит она себе. Думай.

Нужно рассказать им о Петере.

За окном медленно меркнет свет. Она обязана показать им письмо. Нет причин держать его в тайне. Нужно быть чудовищем, чтобы так с ними поступить.

В Гаевой комнате, на Гаевой кровати.

Они целуются, хлюпая и чавкая ртами, под нежные переливы далекой птичьей трели. У Марины перед глазами – кромка его красного уха, подсвеченная январским закатным солнцем, которое кажется здесь куда теплей, чем снаружи. В комнате пахнет костром и прачечной: это нейтрализует душок от его невымытых волос.

Она солгала семье, и ее исключат из школы.

Что, если охваченный страстью Гай прижмет ее к постели и лишит невинности? Если (как Марина все сильнее подозревает) каждая мелочь сулит ей удачу или несчастье, не стоит ли считать потерю девственности (девичества? девственности) в загородном доме добрым знаком? Она пытается определить, напрягся ли его пенис; что-то уперлось в бок, но, возможно, это пряжка ремня. Далеко внизу раздается крик. Гай замирает, и на какое-то мгновение они меняются ролями: не он целует Марину, а наоборот, будто она – мальчик. Потом все возвращается на место.

– Я тебя люблю, – шепчет он.

Ее сердце бьется в правом ухе: от страха или от страсти.

– Я тоже тебя люблю, – отвечает она.

К ужину Марина не сомневается: эта боль желания и страсти может быть только любовью. Она чувствует ее всюду: в огороде, где, как говорят, растет настоящая капуста; в комнатке у заднего входа, наподобие гардеробной, где стоят ряды поношенных лакированных туфель и выцветших парусиновых кед и куда Гай отправил ее на поиски запасной пары бутс; на деревянной лестнице, где Марина с наслаждением вдыхает золотистую пыль; в туалете с грубой щеколдой и прохладными белеными стенами. В доме есть уборная побогаче, но Марина ее избегает. Здесь же ледяной кафельный пол и дохлые осы и сенокосцы в углах трогают ее до глубины души: в пренебрежении есть своя особая роскошь. Правда, нет никакой другой: только холод, тугие старомодные краны и душевая занавеска в известковом налете. За ней Маринино воображение рисует голых супругов Вайни; мерзкая крестьянка, говорит она себе и щиплет ладонь.

За пределами дома все только хуже: Марина начинает тосковать по нему. Если бы, мечтает она, у нее было место для целой клумбы лаванды,

она бы ценила ее по достоинству, научилась бы сушить ее или дистиллировать; не оставила бы в таком запустении. Некоторые деревья привязаны к стенам проволокой и прибиты свинцовыми колышками. Каждый осыпавшийся кирпич, каждая забытая трещинка в воротах, сарае или стене будят в Марине алчность. Она набивает карманы и рукава каштанами, скелетиками листьев, галькой, снятыми с забора прядками настоящей шерсти.

– Ты же не по правде хочешь стырить эту палку? – спрашивает Гай, который рыщет неподалеку в поисках теннисного мяча.

– Нет! Конечно, нет.

– Ладно, пора домой. Ветрище какой!

– Я только сбегаяю... сбегаяю за кардиганом, – говорит Марина и взлетает по лестнице в комнату, чтобы спрятать наворованное в косметичку. Такого, как в доме, запаха она не слышала никогда в жизни. Здесь есть потайные ниши, пыльные лестничные площадки, буфеты, столы, плинтусы со слоем старой краски, до того толстым, что сколы образуют углы, – миллион укромных местечек, которые ребенок мог бы облюбовать для игр. Марина ненавидит этого ребенка. На его месте должна была оказаться она.

Ее комната – лучшая (или худшая) из всех: прохладное бледное гнездо из наутюженных белых простыней и скромных обоев в цветочек. Здесь есть серебряный гребень с монограммой, пустые книжные полки, туалетный столик с крошечными ящичками – тоже пустыми, не считая крюка для картины и пары фишек для игры в блошки. Легкие просят воздуха, и Марина думает: «Распахну окно, проветрю».

На свою беду, она вечно забывает об одном недостатке: ее тело никогда не знает, что с ним творится. Интересно, если бы занавеску отдернул кто-то другой, хватило бы ему времени понять, что безделушка на подоконнике – зеленая фарфоровая птичка для колки орехов, – которую Марина в любом другом доме (но не здесь, нет!) сочла бы чудовищной, может слететь на пол? Марине времени не хватает, или она не верит, что такое возможно, и птичка, спорхнув с подоконника на батарею, разбивается.

Нужно бежать – сейчас же, до ужина! Она возьмет с собой все девять, нет, двенадцать осколков и склеит их в Лондоне. Можно будет написать письмо в поезде. Или лучше признаться во всем, чтобы ее с позором изгнали? Нерешительность сменяется паникой. Марина уже начинает собирать вещи, как вдруг дверь в спальню открывается.

Лора на кухне, держит над мусорным ведром Петерово письмо. Руки дрожат. Она всегда была такой нерешительной? Трудно вспомнить; память, кажется, тоже сдает. Лора чувствует себя невероятно старой – ей бы сейчас отдыхать где-нибудь в санатории, вместо того чтобы разбираться с бывшим, а теперь нынешним мужем. Мысли о нем изматывают. Разве не лучше будет для всех, думает Лора, если она притворится, что никакого письма не было?

Это всего лишь Гай.

– Привет, – говорит он.

Марина отважно его целует, отвлекая от косметички. Как ни странно, Гай не воняет дезодорантом, лосьоном после бритья, «Клерасилом» и средством против грибка – от мальчика из Кум-Эбби субботним вечером такого никак не ждешь. Он, пожалуй, почти привлекательный, правда?

– Я... – говорит Марина. – Вообще-то...

– Ты не переоделась к ужину?

– А нужно было? – Она только сейчас замечает на Гае наутюженные слаксы и светло-голубую рубашку. – Правда? О боже! Подожди, я мигом. Или, – нервно добавляет она, – может быть, мне лучше уехать...

– Не тупи. И переодеваться некогда. Ужин должен начаться вовремя.

Слезы закипают в горле и рвутся вверх. Опротивевшая себе Марина спускается за Гаем по лестнице. Ладонь липнет к перилам. Что, если кто-то придет проветрить ее постель, как делают в «Татлере», и найдет разбитый фарфор в косметичке? И как она не подумала, что к ужину надо переодеться? Да, невоспитанность не спрячешь.

Миссис Вайни, которую Гай, когда они поднимались по лестнице, назвал «почтенной Нэнси», ждет их внизу. Рядом с ней – Люси, держит за ошейник большого черного пса. Маринино сердце подскакивает от ужаса.

– Милые мои, – говорит миссис Вайни, которая в широких черных шароварах и темно-розовой блузке похожа на Кэтрин Хепберн, – вы чудесно выглядите. Марина, какие хорошенькие сапожки!

– Она забыла переодеться, – невежливо сообщает Гай.

– А ты не подумал? – спрашивает его сестра в светло-сером сарафане, выставляющем напоказ ее грудины, ключицы и лопатки; хорошо, что Розы здесь нет; Люси, подозревает Марина, не носит лифчик. – Понятно ведь, что не каждый... Гайчик, олух, нужно было предупредить ее о наших странных обычаях.

– Нужно было, – соглашается их красавица-мать. – Но это совсем не важно. Мы и сами те еще неряхи.

– Я могу тебе что-нибудь одолжить, – говорит Люси, и Марина, как ни всматривается, не видит ухмылки.

– Ты в два раза ее выше, – возражает Гай, – и в два раза тоньше.

– Гай, будь умницей, возьми Беккета, – говорит его мать.

– Нет, правда, – отвечает Марина, – мне кажется...

– Ерунда, – отрезает Люси. – Эвелин только что починила юбку Эмстер, можешь ее надеть.

Марина, сбитая с толку, позволяет взять себя за руку и увести в другой коридор, откуда они, пройдя сквозь вереницу дверей, попадают в темную комнатку со швейной машинкой и кипами белья, приготовленного для стирки.

– Держи, – говорит Люси, протягивая ярко-бирюзовую мини-юбку, нечто среднее между твидом и фетром. – Идеально. – И она садится на высокий стул в ожидании примерки.

Марина мямлит что-то в ответ. Ее щеки горят, подмышки и подколенные ямки вспотели. Она думает: «Я не могу».

– Лучше поторопись, – говорит Люси Вайни. – Я слышала звонок.

Что бы ни значили эти слова, они приводят Марину в чувство. Она натягивает свитер до бедер и дрожащими пальцами принимается расшнуровывать сапожки, всё спрашивая – и не зная, как остановиться, – о людях из Кум-Эбби, с которыми Вайни могут быть знакомы. Ей не хватает духу встретиться с Люси взглядом. Веснушчатые бедра и синие хлопчатобумажные панталоны «Маленькая принцесса», которые Роза называет «хорошими школьными штанишками» (ах, почему она не надела пояс от «Берли»!), ярко сверкают под свисающей с потолка лампочкой. Марина думает: я хочу застрелиться. Тараторя все быстрее и быстрее, она наконец заставляет себя стянуть джинсы и берется за юбку, силясь распутать все застёжки, крючочки и кнопки, а потом, зажмурившись, натягивает ее на бедра. Юбка впивается в зад. Нет, не застегнется.

– Черт, опять мыши?! – Сестра Гая поддевает ногой корзину для белья, и Марина упускает возможность глубоко вдохнуть и до конца застегнуть «молнию». Швы опасно натягиваются.

– Идем, – нетерпеливо говорит Люси. – Вы с Эмстер, конечно, разной комплекции, но она хотя бы крупнее меня. – Она одаривает Марину улыбкой пополам с недовольной гримасой. – Сестра не будет против.

– Мне, мне нужны колготки, – шепчет Марина. – Прости.

– И так хорошо. – Люси спрыгивает со стула. Она обута в странные, будто поломанные балетные туфли, от которых Роза пришла бы в ужас. Ноги у нее такие же длинные и костлявые, как руки. – Я их никогда не

ношу.

– Пожалуйста...

Сестра Гая вздыхает.

– Жди меня здесь. – Она выходит из комнаты, оставив дверь нараспашку, и возвращается, помахивая в воздухе парой коричневых колготок, мокрых и длинных – длиннее, чем Маринины ноги. – Только что постираны.

На обратном пути, в вестибюле, Марина оборачивается, чтобы вежливо о чем-то спросить, и понимает, что ее бросили. Ей сдавливает горло; не реви, крестьянка, приказывает она себе. Сильно пахнет цветами: рахат-лукум, оцепенело думает Марина; розовое масло. Мне нужны духи. Нет, говори «парфюм».

– Вот ты где, а мы тебя потеряли, – произносит знакомый голос. – Какими невежами ты нас, наверное, считаешь. – Миссис Вайни приобнимает ее и ведет по коридору, а Марина, как карлик в «беге на трех ногах», неуклюже прижимается лицом к ее боку. Снизу ей видна изящная линия подбородка, а под ней – нежно-бледная кожа. Миссис Вайни невероятно красива, для матери. Рахат-лукум: Марина вдыхает запах.

Наконец, вот оно – сердце дома: комната размером со школьный вестибюль: ситцевые диваны, зловещие темные кресла, круглый полированный столик в просторном эркере, заваленный журналами «Сельская жизнь». Ни намек на профессию хозяина: в гостиную приходят не затем, чтобы просвещаться. В огромном камине пылает чуть ли не целое дерево; выше, на невероятно уродливой мраморной полке, стоят пригласительные открытки, похожие на засахаренную рвоту – кремовые, зеленые, желтые; рядом – серебряные крестильные кружки, увесистые подсвечники и фотографии людей на лошадях.

Какая уютная старомодность, какое веселое филистерство! И что с того, если углы забиты шерстью, оставленной поколениями собак, и бархатные шторы поедены молью, и проводка дышит на ладан, так что один мышинный укус погрузит дом во тьму, а то и сожжет дотла? «Стокер» принадлежит матери миссис Вайни; возможно, думает Марина, хозяйка только что умерла. Паркет топорщится по углам, окна утеплены газетами; заснешь здесь и, если повезет, отделаешься легким отморожением. Все вокруг говорит: смотрите, мы слишком значительны, чтобы тревожиться по пустякам.

– У нас тут тихо, – сообщает миссис Вайни, – только пара друзей. Ты не заскучаешь?

– Это замечательно, – отвечает Марина охрипшим от робости голосом; есть все шансы, что она драматически упадет в обморок или ее стошнит. – У нас дома никто никогда не обеда... То есть нечасто.

Между диванами пролегают ледяные пустыни; один лишь камин – размером с ванную комнату. В Марининой семье курит только Жужи; Роза (о чем Марина слышала уже тысячу раз) бросила свои три ежедневные пачки в тот миг, когда Лора с дочерью переступила порог ее дома. Впрочем, гости в Вестминстер-корте курят все до одного. В «Стокере» сосредоточены на выпивке.

– Джерри ты наверняка знаешь, – говорит миссис Вайни, указывая на смутно знакомого седовласого мужчину, который как раз опрокидывает стакан.

– Э-э, да, может быть... – Марина неуверенно протягивает руку, но миссис Вайни подталкивает ее вперед.

– ...Иммо тоже, и Горацио, разумеется. – Она улыбается женщине в роговых очках с прической, похожей на каравай. – Олли, дорогой, нальешь Марине выпить?.. Он очень милый, – шепчет миссис Вайни, кивая на мужчину в красных штанах. – Ты ему понравишься. А теперь извини, я... – И она уплывает прочь.

Возле камина Гай возится с собакой, которая лежит брюхом вверх в самой двусмысленной позе. Человек в красных штанах подает Марине бокал шипучего вина. Она кивает и краснеет, как идиотка, а он, испытав вполне объяснимое отвращение, отходит в сторону. Марина садится на старомодный стульчик, утопающий в расшитых подушках, – как выясняется, очень колючих; она неловко вскакивает и подворачивает лодыжку. Люси Вайни разговаривает с худой и умной на вид брюнеткой, которая скользит по Марине взглядом, и после уже не замечает.

Если бы только Марина умела вести себя в обществе! Если бы у нее была смелость, как у родных, или у Нэнси Митфорд^[11]. В «Стокере», должно быть, полно шкафов для белья, где можно спрятаться, или отзывчивых конюхов, которые за щедрое вознаграждение отвезут ее на вок...

Человек в черном пиджаке, сидящий за милю от нее на шаткой софе, – Александр Вайни.

Пламя камина серебрит его бархатистые волосы; бритый подбородок и властный профиль наводят на мысль о зрелом воинственном боге. Он, к Марининому неудовольствию, разговаривает с той самой женщиной в очках и с дурацкими волосами, которая сразу ей не понравилась. Его рука у нее за спиной движется вверх и вниз, словно пальцы перебирают позвонки.

Смутившись, Марина опускает глаза. Ей вдруг ужасно хочется оказаться дома – заворачивать свиной и говяжий фарш в капустные листья или обсуждать, в каком возрасте лучше читать «Миддлмарч». Хочется позвонить Урсуле – 229 5104 – и сообщить: «Я в залах величия, *et tout va bien. Non, je blague. Avec tristesse, comme toujours je suis degueulasse*»^[12]. Она мелка и примитивна, как фигурка на брейгелевской картине. Натянутая улыбка, дурацкие руки – никто с ней даже не говорит. Словно девочка из сказки, Марина мысленно повторяет: пожалуйста.

Пожалуйста.

Пожалуйста.

Однако это не помогает. Она некрасиво улыбается и, подойдя к столу, притворно восхищается пепельницей, сделанной из копыта или рога. Дома у Саймона Флауэрс Марина читала бы его младшим сестрам стихи или слушала струнный квартет в исполнении Саймоновых родителей; могла бы даже подыграть на виолончели. Она наступает на что-то твердое – окровавленную, наполовину сглоданную кость – и, потрясенная, спотыкается о собачью миску. Вода забрызгивает ковер и паркет. В Вестминстер-корте Марина бросилась бы ее вытирать. Здесь остается лишь возносить молитвы богу водяных испарений.

– Юная особа, – раздается голос.

Все звуки стихают, будто кто-то припал губами к комнате и вытянул из нее воздух.

Александр Вайни поднимает энергичные брови. Четыре прямые морщины прорезали лоб – ему весело.

– Итак, ты...

– Мы с Гаем... э-э... – мямлит она, красная, как редиска.

Брови снова вздымаются вверх: одна, другая.

– Я имею в виду, – объясняет Марина, – я... мы знакомы.

– Я знаю, *кто* ты. Ты говорила. Мне пока не грозит старческая деменц...

– Разумеется, – вырывается у Марины, – я видела ваш возраст в «Кто есть кто».

– Вот-вот. И не перебивай. Вопрос скорее в другом: *что* ты такое? Вот какой аспект меня интересует.

– Простите?

– Боже, я ведь довольно ясно выражаюсь: ты – как это у вас называется – его девушка? Теперь еще принято заводить девушек?

На Марину обращены все взгляды. Повисает странная тишина, густая, как творог.

– Наверное, э-э, кто-то заводит. Но не в Кум-Эбби.
– Вот как? А что творится в Кум-Эбби?
– Мы... Это запрещено. Мы... корпим над учебой. Некоторые.
– Так ты корпишь? – Брови взлетают еще выше. – Корпишь, – задумчиво повторяет он, не сводя с нее глаз. – Знаешь, это хорошее слово. И так, ты не его девушка.

– Я...

– Отвечать не нужно, – улыбается он. – Расскажи, что ты еще? Не смотри так растерянно. Черная индейская коса, выразительные брови – с такой внешностью только рыдать на похоронах мафиози. Испанка? Не знаю, не знаю. Но не гречанка, нет?

В Кум-Эбби никто еще не заходил так далеко. Если там и думают: «иностронец», то имеют в виду бледных аристократов из Кенсингтона, которые кончают с собой из-за карточных долгов. Однако в семье Марины нет ни картежников, ни пьяниц, ни самоубийц.

– Англичанка, – говорит она.

– Неужели?

Она глотает свой стыд, как лягушка-бык: *бульк*.

– Но мой отец и его, ну, родители были... и остаются...

– Шпионами?

Это не смешно, хочет сказать Марина, но вместо этого, собрав все достоинство, отвечает:

– Нет. Они любят королеву и Лейбористскую партию. Они настоящие патриоты. Англия оказала им радушный прием.

– Понимаю.

– Они очень лояльны.

– Нисколько в этом не сомневаюсь. – Он уже не смеется. – Поразительно. Что ж, придется угадывать. Германию отмечаем. Польша? Ты похожа на русскую куклу.

– Они родились, – говорит Марина, краснея с головы до пят, – в Австро-Венгерской империи.

– Господь всемогущий!

– Знаю.

– Интересно.

– Вы так думаете?

– Я так думаю.

– На самом деле, – признается она, – я тоже так думаю, только обычно не говорю...

– Еще бы, – улыбается он. – Одно название, «Австро-Венгрия»,

заставляет вспомнить остроконечные шлемы.

– Да, именно. Они, бывало, ходили в школу на лыжах. Не то чтобы мне об этом рассказывали. Я видела варежки.

– И где же это было, интересно?

– В том-то и дело! Я не знаю. Звучит безумно, но в семье об этом не говорят. В смысле, я пытаюсь, ну, задавать вопросы, постоянно. Но они начинают плакать.

– Родители твоего отца?

– Все, – говорит она, замалчивая истинное положение дел. – Тотчас же. Вот буквально на днях (на самом деле больше года назад, зачем она врет?) я хотела узнать, где они выросли: на ферме или... вообще-то мне было интересно про животных, потому что я люблю... (смени тему). Или про сад. Все мы любим сады, – говорит она, отводя руку в угодливом жесте и со всего маху ударяясь об угол стола. – Нет-нет, совсем не больно, ха-ха! Все хорошо. Ох... Так вот, я спросила, и тут же начались... слезы. В ту же секунду. Стенания. – Это слово она давно мечтала вернуть. – Я так ничего и не узнала. А вы точно хотите со мной говорить? У вас же гости.

– Все хорошо, – уверяет он. – Ты меня развлекаешь.

– Правда?

– Да, но не продолжай. – Широко улыбнувшись, он потягивается, заложив руки за голову. Грудь у него очень... мужественная, решает Марина, хотя думать так о чьем-то отце отвратительно.

– Обычно я об этом не рассказываю, – признается она. – На людях. Не знаю почему. То есть о том, что я... – она понижает голос, – ...иностранка.

– И ты даже не знаешь, откуда они были родом?

– Были и есть, если говорить о бабушке. Не знаю. Может, и слышала, но забыла название. Кажется, это место то и дело оказывалось по разную сторону барьеров. Границ. Они учились читать и писать по-русски, с родителями говорили по-венгерски, а город был чешским, или нет, это дедушка был из Чехии. Розы, бабушка, совсем из другой страны. По-моему. А теперь они говорят между собой по-венгерски, но уверяют, что родом из Че... Чешской республики. У них это называется «Чехо». Как такое возможно?

«Да заткнись же ты», – говорит она себе, но рядом с ним невозможно взять себя в руки.

– К Чехии у них какая-то загадочная привязанность. Мы едим только чешскую горчицу.

– Очень вкусная горчица.

Марина смотрит на него с обожанием.

– Да, наверное. Но теперь их город в России. На Украине. Нет, в Рутен... Руритании. Что-то такое.

– Боже, надеюсь, ты шутишь.

– Я? Нет... Простите. Почему...

– Неважно. Итак, Венгрия? Самый невероятный язык на свете.

– Все так считают. То есть, – быстро поправляется она, – как здорово, что вы знаете. Вы на нем... говорите?

– Определенно нет.

– Я тоже, – утешает она его. – Ну, я знаю сорок слов. Центральное отопление, например, это... ну, это звучит как «кезпонтифютеш». Серьезно. – Она снова понижает голос, будто произносит ругательство. – Помидор – «парадичом». Видите? «Микрахулам» – микроволновка, «рагогуми» – жевательная резинка. Не то чтобы мне дают... я хочу сказать, это только на слух. Кто знает, как они пишутся. Мы над ними смеемся, они такие нелепые – то есть слова, а не бабушки. Мы с мамой. По крайней мере, раньше... – Ее щеки снова вспыхивают. – Даже токай, это вино, его измеряют корзинами, вы знали? *Харом путтоньош* – это значит... эдь, кетё, харом, – считает она по пальцам, – да, три корзины. Винограда, наверное. Простите, о чем это я?

– Бог его знает, – отвечает мистер Вайни, однако не перестает улыбаться. – Выпьешь еще?

– Пожалуйста. Смысла нет никакого. Они даже Венгрию называют совсем по-другому, – признается она. – И ничего нельзя понять, потому что все такое нелатинское...

– Только чуточку финно-угорское.

– Точно! Вау, как верно сказано! Поэтому, когда хочешь узнать, что им нужно, приходится экстраполировать.

– Экстраполировать? Интересно. – Александр Вайни наклоняет голову, будто беседует с почтенным коллегой.

– Так откуда же, – настаивает она, – вы все это знаете?

– Ты очень прямолинейна. Что ж, я был знаком кое с кем из тех мест.

– О! Правда? Вот бы с ним встретиться. Или с ней. С ними. То есть...

– Зачем? Не смей меня.

Марина порывается объяснить, что скучает по венграм и их голосам, что утешения ради проговаривает про себя разные слова с их акцентом, с замиранием сердца прислушивается к иностранной речи на улицах Кума, и всякий раз ее постигает разочарование. Но нет, он смеется над ней и поэтому не заслуживает откровенности. Сейчас он уйдет к другим гостям, поважнее Марины, а она останется охранять частную жизнь семьи.

Мистер Вайни никуда не уходит. Он по-прежнему улыбается и, прищурившись, смотрит ей в лицо, будто пытается в нем что-то прочесть.

– Итак, – говорит он, – горы. Карпаты, как ты знаешь... или не знаешь.

– Нет... не знаю.

– А должна.

– Я...

– Леса, замки, пастушки с гусями, волки. Князя. Горные львы.

– Правда?

– Неправда.

– Простите. Я такая темная...

– Значит, они оттуда? Может, я слышал название?

Марина прищуривается. Неужели он считает ее особой княжеских кровей? Она бы хотела быть благородной и честной, да и вряд ли признается, что родня, вероятнее всего, грызла старую картошку и спала в свинарниках. Нет, она их не предаст.

– Вряд ли. То есть я не слышала ни про какие замки или что-то такое. Если только очень маленькие.

Он смотрит на нее.

– Наверное, ты права, – говорит он, и Марина моргает. – Любопытно. Не знаю, известно ли тебе, что из тех краев происходят люди особого сорта. Очень чопорные. Очень старомодные. Без конца целуют друг другу руки, и...

– Ой, это у нас не принято, – уверяет Марина. – Почти никогда. Хотя остальное правда. Вы и в самом деле все знаете.

– И еще, разумеется, гордость. Ты гордая? Они легко оскорбляются, лелеют обиду, яростно оберегают семейную честь...

– Ну, – говорит она, – я не такая.

– Не сомневаюсь. Ты читала Джорджа Микеша?

Марина выпрямляет спину: пусть знает, с кем имеет дело.

– Моя двоюродная бабушка знакома с Джорджем Микешем, – говорит она.

– Он уже умер.

– Ох... Простите.

– Еще они чтут иерархию. Скрывают все от детей.

– Что вы имеете... А, поняла. Да, все так и есть. Вау... Никогда не думала, что это, ну, вроде расовой черты. Я думала, только со мной так.

– Просто предположил.

– Нет, правда, это впечатляет. Вы даже не представляете. Я никогда не встречала человека, который все про них знает. То есть в реальной жизни.

Есть чему поучиться.

– Seriously?

– Поразительно. Я и не думала, что это в порядке вещей. А ваш друг – он откуда?

– Из тех же краев, о которых ты говоришь. Трансильвания. Что? Уж это ты должна знать.

– Тран... Вы надо мной смеетесь.

– И в мыслях не было. Если это слово тебе не по силам, можешь сказать «Закарпатье» или «Рутения». Дитя мое, это азы центрально-европейской географии. Не делай такое обиженное лицо.

– Я не делаю, – говорит она. – Трансильвания, серьезно? Я...

– Эй! – Рядом появляется Гай и больно тычет ее локтем под ребра. – Как дела?

– Прекрасно, благодарю, – говорит его отец, но вид у него раздраженный. Камин ужасно нагрел Марину с одного бока. – Мне интересно знать, откуда родом мой новый друг, – продолжает он. – А тебе?

Гай в нерешительности.

– Впрочем, советую быть осторожней.

– В каком смысле?

Александр Вайни не сводит с нее глаз.

– Скимитары. Ручные медведи. Влад Пронзитель. С венгерскими женщинами нужно быть начеку.

– Она не венгерка. Что, правда?

– Марина?

– Акцента не слышно, – говорит Гай.

– Поверь мне. Кровь гуннов. Пусть эта девочка похожа на Фриду Кало, которая встала не с той ноги, но...

Гай тянет Марину прочь.

– Еще увидимся, дружок, – говорит мистер Вайни, провожая ее взглядом.

И подмигивает.

– Жужи, дорогуша, хочешь *кавичко*?

– *Нем.*

– Рози, дорогуша, хочешь *кавичко*?

– *Иген, кюсюнюм.*

– *Сивешен.* Лора, – спрашивает милая, доверчивая Ильди, для которой вечер – это лишь кофе и «Смерть на Ниле», – хочешь...

А Лору обуяла паника. Петер возвращается. В прошлом, даже заскучав по нему, она тут же напоминала себе: зато с Мариной ничего не случится. Теперь, когда не осталось сомнений, что девочка выросла, он потянет ее в свою компанию: к беспринципным учителям французского, озлобленным скульпторам, профессиональным натурщикам, *поэтам*. Лоре хорошо знаком этот сброд: толпы безутешных подружек, любовь к самокруткам, пренебрежение гигиеной. И все они будут вертеться рядом с Мариной. При одной мысли об этом Лора впивается в подлокотники так, что белеют костяшки пальцев.

Ни за что, думает она. Не позволю. И без него в жизни мало хорошего. Лучше быть без отца, чем с таким отцом; если Петер будет держаться от них подальше, все только выиграют.

Это как попасть в телевизор: передача «Взрослый обед». Все что-то вежливо бормочут. Пламя свечей отражается в столовом серебре, стекле и зеркалах, так что и не поймешь, сколько на самом деле огня. Угощение за столом навеивает мысли о давно забытой эпохе: мусс из копченого лосося, пастернак и жареный картофель, говяжьих ребрышки. Еда превосходна, но ее непривычно мало, и о ней не говорят ни слова.

– Чудесно, восхитительно, спасибо, – вежливо лопочет Марина, роняя нож и изнывая от навалившейся жары. Обеденный стол – озеро красного дерева; на дальнем его берегу сидит Александр Вайни. Меховой отлив играет в его волосах, когда он наклоняет голову к сидящей рядом блондинке. «Горация», – слышит Марина и понимающе кивает, готовая пробормотать ключевые даты из жизни адмирала Нельсона, но мистер Вайни ее не замечает. По другую сторону от него – Люси Вайни: впустую потраченное место. Он кладет руку ей на плечо, и дочь прижимается к папе.

– Семья, – произносит он, подливая соседкам вино, – нет ничего

лучше. Ну разве они не красавицы?

Марина ловит взгляд миссис Вайни, улыбается и говорит «да» тонким, как у мальчика в хоре, голоском.

Ей достался стул чуть ниже остальных, и она скорчилась на нем, как маленькая рабыня. Слева расположился Олли, студент, изучающий землеустройство; он спрашивает, знает ли она Минти или Ивана, после чего уже не отрывает взгляда от тарелки. Справа – Джерри, чье лицо, как Марина сейчас понимает, знакомо ей лишь потому, что он известный политик; Джерри вполне объяснимо ее игнорирует. Интересная брюнетка, Джейни Далримпл, несмотря на Маринины отчаянные улыбки, тоже ни разу на нее не взглянула. Тесная компания незнакомцев, близость взрослых тел, лучистая теплота от плеча политика, пальцы миссис Вайни, живущие своей тайной жизнью, – все давит на Марину. Ее дыхание неровно и грубо, она громко ворочает языком. Выше стола ей жарко, ниже – холодно, как русалке. Еще у нее дрожат ноги: она только сейчас поняла, что жутко боится собак. Каждый раз, когда к ней подковыливает Беккет, дурно пахнущий бочонок слюны и шерсти, она хватается руками за стул.

Впрочем, это еще не самое страшное. Жужи и остальные знают, как вести себя в обществе, однако ей хороших манер не привили. Что толку от ваших уроков, хочет сказать им Марина, если я умею лишь придерживать двери, уступать место старшим и уважительно относиться к пожилым иностранкам? Здесь все иначе, все наравне, и она понятия не имеет, как себя с ними вести. Она уже попала в неприятную ситуацию с рукопожатием. Добиться синхронности тоже непросто. Кто должен первым садиться за стол – все женщины, или только старшие, или мужчины старше ее, и кто кого должен обслуживать, и когда приниматься за еду? Марина взяла к столу недопитое шампанское, потом во избежание упреков перелила его в винный бокал и теперь потеряла всякую надежду разобраться, для чего предназначены остальные. И зачем здесь столько столовых приборов? Она раздумывает, едят ли хлеб ножом и вилкой (для чего-то они ведь нужны!), прислушивается, на свое счастье, к голосу здравого смысла, а потом с ужасом наблюдает, как миссис Вайни собирает пальцем соус с тарелки. Марина продолжает отпускать неуместные комплименты. Когда все садились за стол, ее шаткий стульчик скрипнул под ней, и она, чтобы скрыть смущение, сказала: какой миленький, – и Люси Вайни сказала: этот? фу, кошмарный, – и миссис Вайни сказала: все равно он почти целиком из пластика.

Марина пытается напустить на себя интеллектуально-рассеянный вид каждый раз, когда Александр Вайни глядит в ее сторону, а тот продолжает

ободряюще улыбаться и однажды даже подмигивает. К тому времени, как подадут бренди и пюре из ревеня со взбитыми сливками, Марина оставляет попытки влиться в беседу. Забыв о Гае, она смотрит на миссис Вайни и снова думает: пожалуйста.

Студент Олли все больше советует и вообще ведет себя странно. Марине приходит в голову ужасная мысль: возможно, он пьян? Она краснеет от стыда и отвращения. Слава богу, Розы здесь нет, думает она и тут же понимает, что Злой Рок только и ждет такой вот оплошности. Если завтра она позвонит домой и выяснит, что семья жестоко убита, все мы знаем, кто будет в этом виноват.

Наконец после бренди, портвейна, виски и печенья «Оливер» (ужасного разочарования) обед подходит к концу. Кажется, она и сама захмелела – может такое быть? Марина знает, что должно последовать дальше, но этого почему-то никто не делает.

– Передислоцируемся? – шепчет она политику, а тот, изобразив изумление, отшатывается. Ее туфли промокли от собачьей слюны. «В постель, – думает Марина. – Моя хлопковая комната, мой туалетный столик, мой сельский пейзаж за окном...»

Однако у Гая другие планы.

– Не включай свет, – говорит Марина. – Я хочу спать.

Свежий воздух переносит ее в детство. Она даже почти перестала тревожиться, что Гай вдруг решит заглянуть в ее косметичку и обнаружит улики. Замечтавшись о мягкой постели, она обходит спальню, залитую лунным светом, прикасается к окаменелости на подоконнике, думает о за́мках и темных еловых лесах, которые сливаются в воображении с заоконной дымкой далеких деревьев, террасой и бесконечной анфиладой маленьких комнат. Теперь, когда она уже не боится «Поворота винта» и сплюснутого лица Питера Квинта за шторой, Марина подходит вплотную к окну и, оставляя носом след на стекле, ищет глазами ежей на росистой лужайке.

Так легко представить подходящий ей родной край: башенки, счастливые дровосеки среди дворцовых берез – силуэты на фоне радужно-маслянистого неба. Ей бы хотелось гордиться семейной лачугой, однако правда, тайная и неприглядная, заключается в том, что вместо гордости Марина чувствует стыд. Она была бы не красивой простолюдинкой, а ведьмой.

– Иди ко мне, – говорит Гай.

Марина медлит. Он подходит и кладет ее руку на свои слаксы.

Это, думает Марина, эрекция.

Близится полночь – час, когда в Лондоне не случается ничего хорошего: сплошное насилие, боль и поножовщина в переулках. В мире столько ужасов и опасностей – как родителю все это вынести?!

Лора переходит по маленьким камушкам через бушующий поток ежедневных кошмаров. Полночь – худшее время суток, обителище детских страхов, из которых она, к своему стыду, так и не выросла. Дома, ворочаясь в постели, она пытается убежать от них, сосредоточив взгляд на часах-тарелке, слух – на шелесте машин, проезжающих под дождем. Она ждет звонка, стука в дверь, но уже половина первого, а значит, Марина пережила еще один день.

Забавно, что Алистер Саджен, к которому обращены ее желания и надежды, не знает об этой фобии, тогда как Петер, совершенно невыносимый в последние годы совместной жизни, часто доводил Лору до бешенства, подшучивая над ее страхами, – и они уходили.

Дура, говорит она себе. Он давно об этом забыл. Лучше не надеяться понапрасну – и поэтому, когда куранты церквушки на Пембридж-Виллас отбивают роковой час, Лора, накинув поверх пижамы пальто, надев рукавицы и плотные панталоны и скорчившись у мусорных баков на лестнице, пытается сжечь письмо от бывшего мужа в пустой жестянке из-под томатов.

Спички гаснут одна за другой. Лору колотит дрожь. За спиной ревет Лондон. Весь вечер письмо пролежало в подложной рабочей папке, в конверте от молочника, а теперь, когда все уснули, она перечитывает его при свете уличного фонаря, пытаясь найти хоть какую-то зацепку.

И не находит. Петер на удивление разумен. Он знает, что Лора должна его ненавидеть, и упоминает многочисленных друзей, которые бросали жен, детей и младенцев (Лора поджимает губы). Он пишет: «Я всегда считал их придурками – и за дело, – а теперь сам не лучше».

Это, конечно, тот Петер, которого она вычеркнула из памяти. Избегая смотреть на пять этажей, облепленных сетками и выпуклыми ящиками для растений, она обводит улицу взглядом. Была ли вообще любовь, если пролито столько слез? Разве его самолюбие с самого начала не просвечивало сквозь кожу? Лора не хочет видеть его почерк, не хочет знать о его якобы добрых намерениях, о том, что он – до чего предсказуемо! – живет в чьем-то плавучем доме и ждет очищения, обновления. Если оставить письмо без ответа, Петер отстанет. Лора ведь именно этого хочет – а придумать, что сказать его матери и дочери, которых он так больно

ранил, будет несложно.

За отсутствием камина жестянка казалась практичным решением, но – из-за недостатка ли кислорода, из-за избытка ли жидких томатов – печка из нее вышла никудышная. Когда письмо, как бомба, тикало в квартире, сомнений не было: нужно его уничтожить. Сейчас затея видится глупой. Осталось шесть спичек. Пять. Четыре. Можно, думает Лора, смыть его в унитаз или выбросить с картофельной шелухой. Но лучше все-таки сжечь.

И никак иначе. Нужно порвать последнюю связь с тем, кого она безумно любила – или думала, что любит. Да, это будет правильно: отомстить напоследок.

Но не обязана ли Лора ему ответить?

Нужно обдумать все и решить, как дать отпор, как сберечь хотя бы то небольшое, что у нее осталось. И для Марины, и для старушек будет хуже, если они наткнутся на письмо слишком рано. Сейчас она не может их подготовить. Если уж он так отчаянно хочет увидиться с ними (о чем в письме, кстати, не говорится ни слова), то позвонит. Он...

Лора запоздало понимает, что в руке у нее догорела последняя спичка. Остается открыть пожарную дверь и прокрасться назад в свое логово – как вдруг перед домом напротив возникает фигура. У Лоры ухаает в животе: Петер. Секунду спустя она видит, что обозналась: у настоящего Петера все крупнее – глаза, нос, горло, эго. Но почему так колотится сердце? Сбежав по холодным ступенькам в квартиру, она убеждает себя, что от страха. От чего же еще?

– Какого черта? Сколько времени? – спрашивает Гай.

– Полдевятого. Ой, прости. Разве тебе не пора вставать?

Ночь выдалась беспокойная. Марина взяла с собой свою самую загородную пижаму – зеленый клетчатый хлопок с начесом из «Маркс и Спенсер», – но так замерзла, что спать пришлось в коричневом трико и кардигане. Теперь от нее разит потом.

Без происшествий тоже не обошлось: всего час или два назад, едва показалось солнце. Неестественно громкие птицы Уилтшира разбудили ее в 6:44. Марина долго лежала в холодном льняном гробу, прислушиваясь, не зазвучат ли шаги в коридоре, и все отчетливей понимая, что природа зовет к ней не только посредством птичьего щебета. Ей нужно в уборную.

К тому времени, как она вылезла из постели, пять раз отжалась от пола и примерила всю свою одежду во всех возможных сочетаниях, нужда стала безотлагательной. Марина вышла в коридор, прокралась в туалет и обнаружила, что он не запирается на замок.

Расстроенная, она издала звук, задуманный как тихий стон, однако на деле оказавшийся грубее и громче. Его могли неправильно интерпретировать. В тишине расцвело чувство неловкости: Марина знала, что нужно вернуться в постель, но внезапно обнаружила себя в еще более отчаянном положении. Она весь вечер отмахивалась от легкой боли в животе, относя ее на счет нервного напряжения или голода, а теперь поняла, что ей нужно... нужно... облегчить кишечник. Уборную, где она оказалась, Роза сочла бы варварской: миссис Вайни будто забыла ее декорировать. Стены, обшитые досками, напоминали лодку; в центре стояла ванна в зеленых потеках, от которой к стене тянулись дрожащие трубы; вдобавок здесь имелись сломанное плетеное кресло с подушкой, жутковатая старая картина из сухих цветов под грязным стеклом и половицы, разносящие по дому каждый звук. Сев на холодный унитаз (нет, писсуар), Марина увидела свое отражение в заляпанном зеркале на двери: хмурая, как горгулья, трусики спущены до лодыжек, лицо залито краской стыда.

М-да, нужно что-то делать с румянцем.

Марину с детства приучили не беспокоить и тем более не будить никого во время ночных вылазок в туалет – ни дома, ни, упаси боже, в гостях. Воду спускать нельзя – вместо этого надо замаскировать содеянное туалетной бумагой, тихонько вымыть руки и дать деру.

Однако здесь и сейчас это правило не работало. В доме царил идеальная тишина. Любой его обитатель, проходя мимо двери, услышал бы все, что творится внутри; Марина же, благодаря коврам в коридоре, осталась бы в полном неведении. Она закрыла глаза. Где-то в трубах раздался урчащий рокот; кто-нибудь мог решить, что это она.

Потом она поняла, что это и правда она.

Из желудка донесся новый раскат. Марина резко выпрямилась и со всего маху ударила локтем о торчащую из стены металлическую трубу – в темноте было не разглядеть, но наверняка до крови. Ее замутило. Утробный рокот повторился с удвоенной силой, и ни молитвы, ни поклон всем корпусом до самых лодыжек не помогли его приглушить. Запах пота стал отчетливей. Может, было не поздно пойти куда-то еще: в ванную на первом этаже, в лес?

Нет, поздно. Нужда поджимала. По щекам заструились слезы, и Марина отдалась на волю судьбы.

Кто смог бы уснуть после такого? Сейчас, стоя в дверях душевой Гаевой спальни, Марина думает, что до конца жизни не сомкнет глаз. Если он скажет, что слышал ночью какие-то звуки, или, упаси боже, заходил после нее в туалет, она упадет в обморок. Однако Гай еще не вставал с постели. В мягком, как мех, полумраке смутно маячит его силуэт. Из-под одеяла выглядывают странные мальчишеские соски. До уровня груди, а то и ниже он голый.

– Иди-ка сюда, – говорит Гай.

– Не могу. Я... Мне надо позвонить домой.

– Да успокойся ты.

– Нет, правда. Честно, они... Пожалуйста! Я могу заплатить. Только скажи, где телефон.

– Ничего с ними не будет, – раздраженно говорит Гай, но, видя, что Марина стоит на своем, неопределенно машет рукой: там.

От ее свитера пахнет древесным дымом и подмышками. Марина, поминутно оглядываясь, спускается на первый этаж. Здесь холодно и безлюдно. Она приободряется, обнаружив позади черного хода поленницу, груды резиновых сапог и шерстяных свитеров. Вчера вечером ей

подумалось, что, если в выходные начнется война и Вайни предложат укрытие ее родным, придется все о них рассказать. Она много часов размышляла, как спасти их от апокалипсиса неизвестного происхождения – какой едой разжиться в разграбленных магазинах Куинсуэя, и есть ли у них знакомые в Шотландии? Что, если побережье захватят, ну, захватчики? В Лондоне ее семье и так день и ночь угрожают похищения, убийства, аварии, наркоманы, грабители, маньяки, эксгибиционисты, извращенцы, насильники или что похуже – если есть что-то хуже. Конечно, миссис Вайни пригласит и Розы, и Маринину маму, и всех остальных, но все-таки будет неловко.

Порядочный человек о таком не думает. Она получит по заслугам.

К тому времени, как в трубке раздается голос, Марина вовсю стучит зубами.

– Алло!

– Это я. Вообще-то я не могу говори...

– Дорогуша, как прекрасно! – слегка разочарованно произносит Жужи. – Почему ты так рано? Неважно. Расскажи мне о милых мальчиках.

У Марины перехватывает дыхание. Потом до нее доходит:

– А, ты имеешь в виду...

– Аристократ лорд Чарлз, как он?

Жужи одержима почтенным Чарли: милым болваном из Бьюта, который в день открытых дверей покорила ее изысканными манерами. Формально Марина тоже числится в Бьюте. Она видит Чарли раз в несколько дней: на общей молитве, собрании факультета и еженедельных чаепитиях, которые устраивают Рональд и Джонквил («Рон и Джон») Дэвентри. К мистеру Дэвентри он особенно сильно привязан. Его благородный профиль и длинная челка на неделю-другую внушили Марине мысль, что они с Чарли могут стать друзьями или даже супругами.

– У Чарли все хорошо, – говорит она. – Кажется. А ты не могла бы...

– Или, например, этот юный мальчик. Гей.

– Гай.

– Да-да. Такой хорошенький. Он не лорд?

– Нет.

– Неважно. Он очень *ро-мантичный*! Девочка должна немного жить для себя. *Иген*. Подожди один момент, дорогуша. Розы хочет говорить.

– Но... здравствуй, бабушка, – говорит Марина, прижимая посиневший локоть к стене. – Да. Да. Нет. Абсолютно. Довольны ли? Наверное... Да, всегда, очень стараюсь. Да, лучше всех, почти. Хорошо, буду без почти. Нет, правда, не стоит... Каждый вечер. Да, помногу. И еще

я записалась в политический кружок, я не рассказывала? Единственная девочка. В основном младшеклассники, но... Нет, в четверг. Да, много друзей. Вообще-то, – говорит она, стискивая зубы, чтобы те не стучали, – вообще-то я звоню, потому что... ну, знаешь таксофон в Вест-стрит? К сожалению, он сломался.

– Ужасно. Ты должна сказать твоему ко-манданту, чтобы он помогал тебе. Это нелепо. – Роза переходит на венгерский – «ондъ-бондъ, ондъ-бондъ», – пересказывая остальным маленькую Маринину ложь.

Возле телефона лежит стопка карточек и бумага: старый пасторский дом, «Стокер», Вест-Нойл, близ Шафтсбери. Настоящее тиснение, не какая-то там термография – это ее ободряет. Новехонькие красные карандаши совсем не похожи на зеленые, потемневшие от возраста крокодиловые огрызки из дома; Марина разглядывает гладкие, безупречно заточенные цилиндрики – платонический идеал карандаша. Пропасть между ними, думает она, непреодолима.

Роза нарушает молчание:

– Разве маленькие дети могут звонить?

– Мы не маленькие, – отвечает Марина. – Со мной в классе учится мальчик, которому уже восемнадцать.

– Наверное, он очень глупый.

– Да, это правда.

– Итак, что они делают с этим про-клятым телефоном?

– О, – неопределенно отвечает Марина, – улучшают, наверное. Что-то цифровое.

– Цифровое? Очень хорошо.

– Поэтому... в общем, мне пришлось пойти к другому телефону, но я...

– Куда?

– Новый домик привратника. Рядом с буфетной. Поэтому здесь так тихо. О, не беспокойся. – Марина не знает, как себя остановить. – Беспокоиться совершенно не о чем.

– И ты хорошо себя водишь?

– Прости? А, да, прости, да, хорошо. Прости.

– Дорогуша, пожалуйста, я должна говорить с твоим командантом, позови его.

– Но... Я не могу. У него урок. Роза, мне правда надо идти.

– Я беспокоюсь, дорогуша, – говорит Роза.

– Правда?

– Конечно. Скоро мы будем иметь маленькую прогулку с Эрнё и Бёзи

Фенивеша, поэтому я буду говорить про это позже. Я буду посылать деньги.

– Нет-нет, не нужно. У меня их полно. Денег. Честно.

– Тогда посылать еду. Раз плюнуть. Скоро увидимся. Сейчас я буду звать твою маму. Води себя хорошо, дорогуша.

– Я... было проще позвонить с утра, – слышит Лора Маринин голос. – Сегодня. Или не стоило?

– Конечно, стоило. Просто... Милая, где ты? – Ее сердце никак не уймется: от раннего звонка не жди хороших вестей. – Тебя так плохо слышно! Это собака лает?

– А, ну да. Я, я в школе, разумеется – разумеется! – но не совсем... не в Вест-стрит. Я... знаешь, тот коридор между криптой и Регентской?

– Так рано, – комментирует Роза под боком у Лоры, будто телефонная трубка пропускает звук. – Почему, скажи?

– Аппарат в Вест-стрит не работает? – спрашивает Лора, закрывая глаза. Она даже не представляет, где стоит дочь. Зачем она отпустила ее так далеко от дома? Ну как, как вынести бремя материнства? Неужели она одна так живет – постоянно готовясь к звонку, который оборвет ее жизнь?

Так продолжаться не может, думает она с внезапной ясностью человека, очнувшегося от сна. Даже без Петера, чтоб ему пусто было, жить в постоянном страхе невыносимо. С этим пора кончать.

– Нет, – говорит Марина, – то есть да, да, он совсем сломался. Поэтому я...

– Точно ничего не случилось? – спрашивает Лора строгим голосом, чтобы не заметно было, как он дрожит.

– Да. Я же сказала.

– Опять собака. Так близко? Ты ведь терпеть не можешь собак, с тех пор как у миссис Кру...

– Ничего подобного. В смысле, сейчас уже нет. Ты что, не можешь допустить...

На этом разговор завершается: Лора еще на дюйм или два отдаляется от дочери, так и не посмея ей сказать: «Вернись. Я скучаю. Ты мне нужна. Я и часа больше не протяну».

Впрочем, разве такое скажешь? Как в присутствии Розы заикнуться о том, чтобы Марина бросила пансион? Это тема для частного разговора, а в Вестминстер-корте нет ничего частного.

Можно спросить об этом в письме.

Но способна ли Лора написать такое письмо – Лора, которая с

сентября только и делает, что вымарывает из открыток к дочери всякое чувство?

Единственный способ жить вдали от ребенка – спрятать сердце в железный сундук, обмотать его цепью и навесить замок. Открывать его невыносимо. На столе у нее нет Мариной фотографии. Лора не может дышать, когда о ней думает.

Если Марина скушает по дому, Лорино сердце не выдержит, так что она старается отогнать от себя эту мысль. Если дочь захочет оставить Кум-Эбби, она сама скажет.

Марина отправляется завтракать. В горле стоит комок, словно она только что осиротела. Она растирает озябшие ладони и застенчиво улыбается гостям и сестре Гая.

– М-м-м...

– Что?

– Прости, я... а кофе есть?

На секунду повисает тягостное молчание.

– Есть чай, – говорит Люси Вайни. – Мы стараемся не доставлять Эвелин лишних хлопот.

– Ох, прости.

– Завтрак и так идеальный. Только, если не возражаешь, апельсиновый сок – для папы.

– Прости.

Закусив губу, Марина обводит взглядом непривычную пищу: овсянку на маленькой горелке, густой мед из Солсбери, дорсетское масло, мармелад на блюде. Если, думает она, кто-нибудь заведет разговор об уборной, о чем угодно, о звуках или... запахах, придется сбежать. Или умереть.

– Закройте дверь, – говорит политик. – Не в сарае ведь родились?

Марина, глотая слезы, сидит над соленой овсянкой и чаем с молоком, смотрит в окно и представляет себя в летнем саду, где воздух напоен пчелиным гулом, где цветет жимолость и то, что Марины бабушка называет «фьюксией», а ветер колышет шпинат, посаженный дорогим ее сердцу другом. Какую печаль скрывает красота миссис Вайни? Где она сейчас – не бродит ли в этом самом саду?

«В поезде спрошу про нее у Гая, – думает Марина. – Хотя, Господи, пожалуйста, удержи его наверху». Прошлым вечером, после обеда и до... туалетного инцидента и локтевого ранения, случилось кое-что, о чем Марина еще сильнее хочет забыть. Однако Гай не забудет. Это отчасти касается его мужской природы.

Наблюдать было даже любопытно: этакий беспокойный хрящевой бугорок. Не считая того случая с пьяницей, который справлял нужду за телефонной будкой в Регентс-парке, Марина никогда не видела пенис и представляла его смутно, скорее из чувства долга. Сложно было поверить, что он есть у Саймона Флауэrsa; преподаватели для таких мыслей казались слишком старыми, мальчики ее возраста – слишком молодыми. К тому же никто толком не объяснил ей гидравлику: как нечто настолько мягкое, что спортсменам приходится прятать его в пластиковой ракушке, может стать твердым и предположительно красивым – предметом страсти? И еще непонятно было: как то, что торчит под прямым углом, может войти... вертикально? Марина не знала, чего ожидать.

И вот объект ее интереса был перед ней под тонким слоем хлопка. Гай беззвучно шевелил губами и шумно дышал. Маринина рука покоилась там, куда он ее положил, – на причинном месте.

– Сядем? – спросил он испуганным голосом.

– Ладно.

Так вот что значит взрослеть? Ведь этим они занимались? «Я возбуждена, – убеждала себя Марина, – просто меньше, чем ожидала, – скорее, как ученый на практике». Из всех возможных чувств она в тот момент ощущала разве что материнское; и еще замешательство, как от проблемы, которую нужно решить.

Она чуть сильнее прижала пальцы, но вовремя вспомнила разговор, подслушанный в Вест-стрит, из которого следовало, что, если напряженный член согнется – по какой угодно причине, – последствия будут ужасны. Лопнут сосуды. Бедные мальчики, какие они уязвимые! Она приподняла руку.

Гай что-то промычал, и они по-совиному уставились друг на друга из темноты. На кровати позади Марины клубком свернулось ее невежество.

– Пожалуйста, – сказал он.

Рука вернулась на место, а затем, словно для тренировки координации, начались поцелуи. Марина иначе представляла себе начало половой жизни – обморочный восторг взаимной любви на итальянском (в идеале) лугу. Язык Гая, шаривший у нее во рту, несколько не отвлекал от мыслей о взрослых этажом ниже. Казалось бы, ощущения должны быть ярче? Впрочем, было что-то приятное в том, чтобы по-женски контролировать ситуацию. Она даже решила усилить напор, в порядке эксперимента, как вдруг их руки встретились – раз, другой.

Раздался скользкий треск. Гай расстегнул «молнию».

Притвориться, что не заметила? Запрещать им разрядку, конечно,

опасно – и аморально к тому же. Марине и самой было любопытно; да и глупо прослыть фригидной, когда каждая твоя ночь проходит в беспокойных и страстных мечтах. Марина осторожно посмотрела вниз, вдоль его шеи, пуговиц, ремня – туда, где виднелось что-то бледное.

Она пыталась сделать все правильно. Честно пыталась. На ощупь он был шелковистый, как игрушка. Пальцы дрожали, но опыт есть опыт. Потом раздался стон.

– Боже...

Она отдернула руку. Гай тихо всхлипнул. До Марины донесся странный дрожжевой запах, и что-то теплое, как кровь, потекло по руке. Что она наделала?

– О! Прости! – Теперь он и смотреть на нее не будет. – Все хорошо?

– Боже, – повторил Гай и прокашлялся.

Семя, подумала она. Вертлявые головастики у нее на руке; она могла забеременеть.

– Дать салфетку?

– Ничего, я пойду в ванную. Не беспокойся, – любезно сказала она, держа руку на отлете, как кусок тухлого мяса.

На лестнице было темно, ковер заглушал шаги, и Марина не заметила мистера Вайни, пока не столкнулась с ним лицом к лицу.

– О! – подпрыгнула она, пряча руку за спину. – Простите.

– Не поздновато для экскурсий? – Слова звучали так тихо, что пришлось податься вперед, чтобы их услышать. Из-за дверей по обеим сторонам коридора не доносилось ни звука. Откуда он вышел? Возможно, у них с миссис Вайни отдельные спальни. Может, он исполнял супружеский долг?

– Я не хотела...

– Не извиняйся. Тебя что-то задержало? – Он улыбнулся в тусклом свете: почувствовал запах? – Замечательно, что ты здесь.

– Правда?

– Конечно. В лоне семьи. Для меня нет ничего важнее семьи – только в границах мне тесно. Без молодежи с их восторгами жизнь была бы совсем несносной. Ты меня понимаешь.

– Да, – ответила она. Мистер Вайни коснулся ее плеча, и Марина, вздрогнув, посмотрела на него снизу вверх. Их обоих пронзила невидимая струна.

– Обязательно приезжай еще, – прошептал он. – Я настаиваю.

Он ушел, оставив ее в коридоре. Струна между ними туго натянулась.

– Дело в том... – говорит Лора. – Знаю, уже поздно, но мне нужно в город.

Рози навещает больных, Жужи лежит в постели и через открытую дверь зычным голосом зачитывает трудные слова из «Кумского альманаха»: «Что такое “Богословие”?» В гостиной только Ильди, укладывает вязаных кукол в посылку для бедных румынских детей.

– Очень мило, – говорит она, дергая за руку шерстяного солдатика. – Привет.

Лучше всего на метро, до Эрлз-Корт на Районной линии. Жаль, быстрее не получится.

– Привет, – вежливо отвечает Лора солдатику. – Ильди, я немного задержусь, хорошо?

Ильди со вздохом поправляет юбку принцессе-гомункулусу.

– Я не знаю. Они...

– Да, – соглашается Лора. – Но я ненадолго.

Лондон ночью. Почему в животе так щемит? Лора стоит посреди режущего и сверкающего метро, словно в очереди к адским вратам. В гортани громко колотится пульс. Это разлитые в воздухе спиртные пары на нее так действуют, или тот факт, что никто не знает, где она, или мысли о несчастном случае: страх, боль, прилюдная кровопотеря – но и выход своего рода? Что хуже: лишиться такой матери, как она, или продолжать с ней жить?

Впрочем, выходя из метро у Стэмфорд-Брук и шагая через Кинг-стрит к Грейт-Вест-роуд, Лора думает уже не о дочери, а о том, что стоило по-другому одеться. У нее, конечно, и в мыслях нет с кем-то встречаться и тем более разговаривать. Она только осмотрится.

«Я хороню твою тень, – думает она. – Ты... ты подонок, и с тобой нужно покончить раз и навсегда».

Петер живет в местечке под названием «Мастерская на островке», в плавучем доме, причаленном к северному берегу речной излучины. За простой калиткой – шаткий мостик, под которым блестит мягкая серая грязь. Лора проходит свободно: никто ее не спрашивает и не помогает. По левую сторону от нее торчит великанский штакетник, изгвазданный в

иле, справа скрипят и плещутся мутные волны Темзы. В воображении рисовались вонючие забегаловки или стиль хай-тек – ничего похожего на этот спокойный, почти идиллический пейзаж.

«*Beau Geste*»^[13], читает Лора название на борту первой лодки, махины из серого клепанного металла. «Мирабелла», «Бэсинджер», «Верность», «Шахерезада». Она сомневается, что отыщет «Вивьен» – и, правду сказать, все от этого только выиграют. Еще не поздно повернуться и уйти. Она стоит на перекрестке судьбы: счастье или горе, жизнь или смерть. Сердце колотится, будто в агонии. Лора идет вперед.

В школе с совместным обучением чувствуешь себя как в ловушке. Марина тщетно прячется от Гая с самого воскресенья – а так поступают либо фригидные, либо динамщицы. Она боится, что Саймон Флауэрс почувствует исходящий от нее запах греха или даже настоящих сперматозоидов, который ей самой теперь чудится всюду – на лестнице в буфетную, под деревьями во Дворе основателя. А, сперма, беспечно думает она. Это слегка утешает.

Марина зарисовала расположение столовых приборов и прочитала все книги, какие только видела в «Стокере»; она чувствует себя преступницей каждый раз, когда случайно встречается Гая. Тот не оставляет попыток заманить ее в свою комнату.

– Я не могу, – всегда отвечает она. – Нас исключат.

Они не вспоминают о том, что случилось на выходных в его спальне; неловкость стала грубостью, будто Марина сделала что-то плохое. Может, и сделала. Ей все еще больно сгибать руку в локте, словно мало других несчастий. По крайней мере, во время свиданий под сценой, где первоклашки неподалеку раскрашивают папье-маше, и мистер Стеннинг может объявиться в любую минуту, Гай не слишком много себе позволяет. Впрочем, он изобретателен. Закрываться в реквизитной запрещено, но Гай нашел местечко за четвертой стойкой с костюмами («Глашатаи, бродячие актеры, рабы»), где можно прислониться к ящику и никто тебя не увидит.

Он очень настойчив.

– Ты не боишься, что нас застукают? – спрашивает Марина, когда он расстегивает две верхние пуговицы на ее блузке. В последнее время Маринины пальцы все чаще непроизвольно тянутся к ним: она боится, что предстанет у всех на виду с грудью нараспашку и сама не заметит. Холод усиливает ощущение наготы. Марина старается не опускать глаза ниже Гаевой талии.

– Не бойся, – говорит он. – Стеннинг не выдаст.

Марина обдумывает эти слова во время поцелуя, а когда рот освобождается, спрашивает:

– Почему?

– Ну ты и болтливая.

– Нет, правда, скажи.

– Он дружит с предками, – объясняет Гай, пытаясь отцепить ее пальцы от ящика. Марина знает зачем.

– Кстати, – запинаясь, произносит она, – мне нужен твой адрес.

– Нет, не нужен.

– Нужен, – настаивает она, увертываясь от губ. – В «Реестре» его почему-то нет.

– Ну да. Стеннинг сделал папе одолжение.

Марина со знающим видом кивает.

– Для конфиденциальности, наверное. Но я должна послать твоей маме благодарственную открытку.

– Только соплей поменьше.

– Хорошо. Я всего лишь хочу быть вежливой.

– Ну, детка, не упирайся...

– Ладно, только быстрее. А потом дашь мне адрес?

Может быть, думает Марина, это станет началом переписки.

Вот она.

Похожа на самодельную игрушку для ванны: квадратная белая рубка, приземистый корпус – темный, с единственной бледной полоской. На других лодках – горшки с зеленью, заборчики, яркие окна; если бы не сходни, запах реки и невидимое дыхание волн, можно решить, что они стоят на твердой земле, только место белок заняли чайки. «Вивьен» на своих соседок совсем не похожа: это сплошная масса потемневшей древесины и зловещей колючей проволоки. Лора представляла себе богемную роскошь, а увидела гниющее запустение, плавучую тюрьму вместо плавучего дома.

Она стоит поодаль, возле «Второго детства». «Вивьен», если никто между ними не встанет, видна отсюда как на ладони. В одном или двух иллюминаторах поблескивает свет, приглушенный занавесками и грязью на стеклах.

Трудно поверить, что Петер ведет такое заурядное существование. Как он вообще попал сюда после того, как тринадцать лет прожил у нее в голове?

Холодно, но дождя пока нет. Лора могла бы стоять здесь час или

больше, размышляя над тем, как сильна ее ненависть. Она мысленно проклинает Петера – в порядке эксперимента – и думает, как могла бы, если б не ее бесхребетность, взбежать на борт и кричать, пока он не выйдет.

В эту секунду лодка издает нечто вроде отрывки, слышится всплеск, и в иллюминаторе у двери загорается свет. Сейчас кто-то выйдет – Петер, кто же еще, – и если он увидит ее, последние крупницы самоуважения рассыплются в пыль. Нужно бежать, но Лора стоит на месте. Что бы я сделала, думает она: наорала бы на него? Ткнула бы носом в эти тринадцать ужасных, бесцельно прожитых лет?

Десять часов. Марина лежит в ванне и натирается розовым глицериновым мылом «Крэбтри энд Ивлин», которое купила в прошлом триместре за сумасшедшие деньги и только сейчас осмелилась распаковать. Теперь ей понятно, что все ее туалетные принадлежности, вся лондонская одежда никуда не годятся. Нужно от них избавиться и начать новую жизнь.

Она набросала несколько благодарственных писем к миссис Вайни, и самое трогательное из них («Спасибо за Вашу доброту, Ваше понимание, Вашу дружбу») переписала на итальянскую открытку, дополнив список великодушием, попросив вернуть забытую голубую фланельку и до прозрачного тонко намекнув на ответный визит. Кроме того, она сообщила (не слишком погрешив против истины), что в «Стокере» у нее поднялась температура, чем объясняется всякое странное на первый взгляд поведение. «Мой характер, можно сказать, намного изящней!!!»

Однако стоило конверту исчезнуть в почтовой сумке, как Марина увидела, что взяла неправильный тон. Не нужно ли было приложить чаевые для Эвелин или как-то еще заплатить за постой? И зачем она написала: «Если я когда-нибудь смогу быть полезна, пожалуйста, дайте мне знать»?

Потом Гай рассказал, что его родители терпеть не могут благодарственные открытки. «И рождественские. И когда люди пишут в гостевой книге. Это так... ну, сама знаешь. Безвкусно».

– Еще бы не знать, – солгала Марина, страстно мечтая об эя... нет, как это называется... об эвтаназии. Если написать письмо с извинениями за предыдущее письмо, это спасет положение или ухудшит?

В коридоре кто-то вопит, и Марина от неожиданности подскакивает в ванне, поднимая волну. В первую неделю их отвели в санитарный изолятор – обмерить, взвесить и проверить, привиты ли они от краснухи: прикрывая руками лифчики, девочки гуськом шли к кабинету врача. Марина тогда была еще очарована школой, и обследование только разожгло ее страсть. Настоящий изолятор. Ячменный отвар. Карантин. В кабинете доктор

Слейтер, кивнув на кушетку, сказал: «Ложитесь туда», и она легла, но как-то внезапно и слишком быстро; кушетка оказалась ниже, чем она ожидала, так что в футе от матраса Марина перестала ложиться и начала падать.

Вот тогда, думает она, и нужно было уходить.

Любой здравомыслящий человек остался бы посмотреть, не выйдет ли Петер на палубу; любой, но не Лора. Вместо этого она от страха прокусила губу, а теперь, со вкусом крови или ядовитого ила на языке, доковыляла до шоссе.

Ненавижу, думает она, лишь отчасти относя это к Петеру. Однако пора возвращаться. Уже никуда не спеша, Лора проходит мимо больших домов с палисадниками, уходящими к самой воде, мимо озаренных теплым медным сиянием окон, за которыми живут семьи, парочки или такие же, как она, одиночки. Она шагает по мостовой, вся в грязи: женщина, упустившая свой шанс. Сырой холодный воздух впивается в ноющую губу – впрочем, слишком слабую, чтобы кровить. «Что я делаю? – спрашивает Лора у бульжников под ногами. – Что-я-делаю-что-я-делаю». Но, глядя правде в глаза, кто ей ответит? Она ведь не верит в Бога и не знает телефона доверия: такого, где ей расскажут, говорит ли тоска по ребенку о том, что она хорошая мать, или вовсе наоборот, и как быть дальше – остаться или избавиться всех от себя, а если избавиться, то что нужно сделать, чтобы ее отсутствия никто не заметил...

Можно было бы поселиться в пещере, завести птичий двор, одичать – но это бы смутило Марину.

Несчастный случай гораздо проще. Не забывай, ты трусиха, говорит себе Лора; боли быть не должно. Она размышляет о сравнительных преимуществах аварии на железной дороге, взрыва газа, теракта Ирландской республиканской армии и падения наковальни, поворачивает за угол и, как по заказу, видит реку.

Запыхавшись и явно взяв не тот поворот, Лора вышла на бетонную набережную. До чего здесь холодно! От воды отделяет только шаткий заборчик.

Столбики в футе друг от друга скреплены сверху поручнем как раз на такой высоте, чтобы человек, недовольный жизнью, – невысокий мужчина или рослая, стыдливо рыдающая женщина – мог взгромоздиться на него локтями или даже перекинуть ногу. Вокруг ни души. Лора смотрит на свои уродливые черные туфли-лодочки из «Дебнемз»: мыски протерты, каблуки расшатаны – еще бы, с ее-то неуклюжей походкой. Сойдет, пожалуй.

Нет. Закрыв глаза, она поднимает лицо навстречу блеклому запаху и плеску воды. Люди, говорит себе Лора, постоянно так делают. Вирджиния

Вулф и... нет, подумай о женщинах с детьми. Об одной такой писали в газете, которую читает Жужи. «Какой эгоизм, бедные малыши», – сказала она, и Лора с ней согласилась. Позади уже почти половина триместра, и если сделать это сейчас, Марина решит, что мама не захотела провести с ней каникулы, а это совсем не так. С другой стороны, разве не гуманнее оставить место для толкований? Прохожих, на которых она, может быть, и надеялась, нет. Лора прижимается щекой к холодным перилам и утирает нос рукавом; глаза заплаканы, но это неважно, напоминает она себе, если ты не собираешься возвращаться домой. Она почти готова в это поверить, хотя ненавидит себя жалеть. Можно подтянуться и спрыгнуть на берег. Сил для этого хватит, но ей стыдно от мысли, что кто-нибудь будет с ухмылкой наблюдать со стороны за неуклюжими попытками одолеть ограду, за тем, как задерется юбка, обнажив некрасивые бедра и зад.

Впрочем, вокруг никого. Сейчас. Ты сможешь. Давай же. Давай.

Вторник, 31 января

Плавание: праздничный турнир школ Дорсета и Девона;
старшие мальчики, младшие девочки, Йовильский колледж, 13:00 и 17:00;

поездка на Галапагосские острова, 6-й класс (геогр.);

разговор с Историческим обществом Шафтсбери и Обществом Перси: доктор Билл Рид (Саутгемптонский колледж дополнительного образования) на тему «Разорение, гонение, возрождение: христианство в позднем Средневековье», старая библиотека, 19:00.

Почему так сложно думать о чем-то другом? После нетбольшой тренировки Марина мчится в библиотеку за книгами Александра Вайни. Здесь они почти все – и не скучные, как можно было подумать, а живые, исполненные сочувствия к своим героям: безрассудным, гневливым, гордым. Мало того, Марину пустили в архив, где под вывеской «Выпускники и друзья Кум-Эбби» она нашла пожелтевшее воскресное приложение, а в нем – интервью: Старый пасторский дом, «Стокер», вид с лужайки; Гай и Люси в белобрысо-упитанном детстве; их красавица мать.

Надписи на стенах библиотеки гласят:

СЛОВО – СЕРЕБРО, МОЛЧАНИЕ – ЗОЛОТО.
ЕДА В ЧИТАЛЬНЫХ ЗАЛАХ КАРАЕТСЯ
ИСКЛЮЧЕНИЕМ ИЗ ШКОЛЫ.
ВИДЕОКАССЕТЫ ВЫДАЮТСЯ ПО ЗАПРОСУ.

После десятиминутной лекции от известной своей похотливостью миссис Айрдейл, заместителя главного библиотекаря, Марина сидит в комнате без окон и слушает Александра Вайни. Он располагает к себе: умный, соблазнительный, уверенный. Марина выключила свет. Мистер Вайни, всего в метре от нее, говорит: «Писатель не должен брать в расчет ожидания публики, чего бы они ни касались: политики или веры. Боже упаси!»

Здесь он моложе, совсем не такой седой. Кажется, съемки велись на

террасе «Стокера». Марина подбирается к экрану. Интересно, они с миссис Вайни счастливы? Где она – сидит за кадром или гуляет в огороде, перебирая в голове невеселые мысли о...

– Нет, – вдруг повышает голос мистер Вайни. – Для того чтобы достучаться до нас, история должна говорить о личной жизни своих героев, их надеждах и тайнах, их темных сердцах.

Он будто обращается к Марине. Не хочет ли он сказать, что не только у нее, но у каждого человека есть желания, о которых нельзя заявить вслух?

К своему разочарованию, Лора еще жива. Для того чтобы прыгнуть в Темзу и дать повод для заметки в «Ноттинг-Хилл газет» об очередном улове речной полиции, нужна смелость, а так как Лора трусиха, она еще немного поглазела на воду, потом вернулась домой, а утром встала и пошла на работу. Вот почему четыре дня спустя, нисколько не изменившись – разве что чуть больше себе опротивев, – она сидит за столом в приемной, готовая испортить все, за что ни возьмет.

Как легко добраться до Петера – теперь, когда он ей это позволил. В письме он заботливо объяснил, что при желании Лора может оставить сообщение на автоответчике Сьюз, «одной подружки» Йенсена, владельца мрачной лодки «Вивьен». Так и не сдавшийся огню листок спрятан в глубине буфета, между страниц романа «Угловая комната». Надо заметить, что Лора, которая клинически не способна запомнить ни малейшего факта, связанного с работой, помнит номер Сьюз наизусть. Впрочем, он ей не нужен. В звонке нет никакой необходимости.

А если так, то зачем она сидит с трубкой в руке, занеся палец над диском? Затем, что она идиотка. «Ты идиотка: даже если этот сомнительный метод связи сработает, Петер не сможет тебе ответить, не сможет позвонить ни в приемную, ни домой, где уже разрушил столько жизней».

Поэтому Лора берет простой офисный бланк и пишет письмо: просит о встрече, чтобы обозначить кое-какие факты и сказать все, что должно быть сказано. И на этом – конец.

Сунув конверт в сумку для офисной корреспонденции, она выходит на улицу под неубедительным предлогом отправки радиogramмы, бежит к соседнему почтовому отделению и, лишь вернувшись, понимает, что готова во второй раз пустить свою жизнь под откос. Ей нельзя видаться с Петером. О чем она думала? Неужели одинокое безмятежное детство и болезненное угасание матери настолько ослабили Лору, что она сама притягивает беду? Это ведь неестественно – дрейфовать, как она, от несчастья к несчастью,

все больше отдаляясь от мира, где нормальные люди ведут жизнь, которую сами выбрали.

Остаток дня проходит в оцепенелом раскаянии. Вечер ничуть не лучше. Миссис Добош решила почтить их визитом и обсудить «за маленьким кофе» перспективы поступления в Кум-Эбби ее внучки, избалованной Натальи. Лора то и дело забывает улыбаться. Она всеми силами пытается утаить от других тот факт, что под поверхностью в один или два миллиметра женщина, которую они видят, выскоблена и заполнена чем-то черным и скрытым от глаз.

Да и скрытым ли? Время от времени старушки смотрят на Лору даже пристальней, чем обычно. Они что-то подозревают. Не могла ли Жужи проследить за ней до лодочной мастерской, ныряя под фонарями в туманную дымку духов «Же ревьен» и переливчатого меха? Не догадалась ли Марина о чем-то? Не потому ли у нее был такой странный голос по телефону?

Лора передает миссис Добош сахарницу. Ты, говорит она себе, погрязла в мерзости, думаешь о Петере и его первом письме, спрятанном в метре от этого самого дивана, а сама ждешь, когда он напишет новое.

В Мариной груди без особых причин открылась глубокая брешь, откуда тянет тоской. Все началось с матери, что само по себе нелепо, поскольку та, похоже, о дочери вовсе не думает. От нее уже четыре дня нет открыток. Брешь растет в глубину и вширь, пока желание и одиночество не раскалывают Марину надвое. На дворе – серый унылый день. Она плетется к Гартским воротам с урока химии, который тоже ничем не порадовал. За общежитием Перси из машины, стоящей на оцепленной бетонной площадке, выходит кто-то знакомый, и у Марины екает сердце. Странное холодное чувство расползается, как желе, по рукам и груди.

– Э-э, привет. Здравствуйте. Привет.

На Марине очки, блузка из гардероба Розы с обшитыми тканью пуговицами, поношенные ботинки и браслет дружбы, подарок Урсулы в четвертом классе. Шея покрывается румянцем, как лишаем.

– Я... кое-что искала. Кое-кого. Здравствуйте!

– Замечательно, – туманно отвечает миссис Вайни.

– Да! Ха-ха, – говорит Марина. – А вы, значит... возвращаетесь? В вашу, ну, резиденцию?

– М-м-м...

– Кстати... – Стоит ли упомянуть фиаско с открыткой? Марина беспомощно смотрит на миссис Вайни, и та награждает ее слабой улыбкой.

– Ладно, мам, – говорит Гай, – я потопал. Пошли, Марин, поищем где поесть.

– Может быть, еще увидимся вечером, – беззаботно откликается его мама, – по дороге к Джасперу.

– Это она про Стеннинга, – объясняет Гай. – У них там позже намечается, не знаю, фондю или что-то такое же допотопное.

Позже – это когда? После ужина они с Гаем идут на церковную службу. По вечерам в капелле очень красиво: горят свечи, и детишки из школьного хора поют гимны, мессы, мотеты и «Да молчит всякая плоть человека». Мистер Стеннинг – друг миссис Вайни. *Dominus, salva me*^[14].

– Не забудь мой бандаж, – наставляет Гай и, повернувшись к Марине, кивает: – Пойдем посмотрим, чем нас сегодня будут травить.

В детстве Марина читала комиксы. Она всегда смотрит под ноги, надеясь найти пятифунтовую банкноту, спасает старушек, отбрасывая с тротуара банановую кожуру, а проходя мимо стройки, ожидает падения банки с краской. Однако о фонарях она совершенно забыла.

И вот, следуя за Гаем и посылая миссис Вайни прощальный выразительный взгляд – сигнальную ракету ей одной, – Марина поворачивает голову и со всего маху налетает на десять футов искусственно состаренного металла.

– Ха-ха! – гогочет Гай. – Десять баллов!

Боль поразительная. Нос, наверное, сломан – сейчас ее зальет кровью. Боже! Марина трогает лицо и облизывает губу; что это такое соленое – кровь, сопли, слезы?

– Дорогая, ты не ушиблась?

Хуже крови – смерть от стыда. С ней не сравнится даже эта невыносимая боль.

– Э-э...

– Вижу, что ушиблась.

Марина по-спортивному выдыхает воздух через сжатые губы и добавляет:

– Уф...

Как же больно! Ей, как раненому зверьку, нужно спрятаться, ощупать череп и немного повыть.

– Ни... ни капельки.

– Дурочка! – радостно говорит Гай. – А ну-ка, повтори!

– Гай, помолчи. Ты уверена? Судя по всему, тебе несладко пришлось.

– Все хорошо. Ох, угораздило же. Нет, правда, все хорошо.

По лицу миссис Вайни не поймешь, тревожно ей или весело.

– Совершенно не больно, – отчаянно уверяет Марина. Теперь сомнений нет: миссис Вайни улыбается. Марина глубоко и несчастно вздыхает. – Но лучше я...

– Ага, – говорит Гай. – Пошли. С ней все хорошо.

И он ведет ее в буфетную, где их ждут крем-суп из брокколи, бифштекс по-мексикански, картофельные крокеты и пудинг с сиропом. Миссис Вайни не пытается ее остановить.

Когда все пошло не так? Это ее вина? Что это – влияние родительских генов, сделавших ее слишком кроткой, чтобы вырваться из низов среднего класса и тем более преуспеть? Или ее отвлекли неосознанные потребительские надежды? Ведь в том, что все пошло не так, сомнений уже не осталось. Это не поздно остановить? Если быть очень сильной и благоразумной, жизнь еще может перемениться?

Каждый раз, когда раздается телефонный звонок, Лора думает: это он.

– Это я, – хрипло шепчет Алистер Саджен. – Знаю, знаю, мы договорились – никаких контактов, в семейном смысле. Но у меня новости.

Лора ретируется в прихожую, подальше от Розы, Жужи и их дражайшей подруги Шари Перлмуттер, только что вернувшейся с очень насыщенных похорон. Все трое шепчутся на диване, как героини Сопротивления, – та еще обстановка. Когда Лора, замерзшая и печальная, вернулась домой с работы, Шари поцеловала ее, пренебрежительно похлопала по бедру и тихонько сказала: «Ужасно». Они говорят вполголоса, будто Лора могла где-то выучить венгерский язык и забыть об этом упомянуть. То одна, то другая ежесекундно качает головой.

– Я, – бормочет Лора в трубку, прислонившись к шкафу с одеждой, – я и не думала, что ты в Лондоне.

– Кто? Не валяй дурака, это я. Думаешь, Фаркаш Розы узнала мой голос?

Ему нравится ставить фамилию перед именем на венгерский манер, иногда с акцентом.

– Сейчас... не самое подходящее время. – У Лоры вспотели ладони. Она весь день ждала весточки от Петера: каждая минута повышала вероятность события, как в русской рулетке. – Говорить неудобно.

– Придется. Можно приехать?

Безупречно янтарные волосы Шари – всего в трех футах от Лоры.

– Кра-со-та, – слышит она знакомое слово. – *Иген. Нодьон сен хос.* Вимбльдон-парк.

– *Йой*, – говорит Жужи.

– Нет! – вскрикивает Лора. – Боже... по-моему, это неразумно.
– Я подумал, не всегда же они сидят дома.
– Всегда. – Ей показалось или шепот на диване затих? – Ты же их знаешь, Дженни.
– Что? А, они слушают, понимаю. В общем, все очень запуталось. Мици хитра. По-моему, она могла про нас догадаться.
Лора будто наглоталась пыли.
– Продолжай, – говорит она. – Что ты...
– Может, придется ей все рассказать.
– Что? Нет! Нет-нет. Так нельзя! Не делай этого, пожалуйста, только не ради меня, то есть я хочу сказать...
– На самом деле попросить у нее прощения... это бы камень с души сняло. Встретаться тайком, изворачиваться – это не дело.
Даже сейчас, когда ей протягивают будущее, Лора исподтишка глядит на буфет – нет ли письма от Петера.
– Не дело?
– Конечно. Так даже лучше. Моя жена, знаешь ли, очень влиятельная. Пора взять и смести все начисто...
– Нет! Господи, нет, Джули, Дженни, это... нет, нет. Это ужасно не вовремя. Подумай о... детях. Нет, правда, не надо. Будь благоразумна...
– *Кивель бесель?* – шепчет Жужи.
– Дорогуша, – укоряет ее Шари по-английски, – а ты говорила, у нее нет подруг.

Марина стоит у Военного мемориала напротив окон мистера Стеннинга. Под взглядами павших в бою служителей Кум-Эбби она ждет, не промелькнет ли Гаева мама за шторами. Марину сильнее обычного тянет трогать стены и окна. Любая мелочь, любой случайный прохожий могут предопределить, увидит ли она миссис Вайни. Однако из общежития выходят лишь Лиза Черч и какой-то незнакомый первоклашка – пользы от них никакой. Только что на глазах у Марины мистер Дженкин, глава Объединенного кадетского корпуса, проверяющий, на что годятся его подопечные, без всякой причины скомандовал Уне «Пышке» Сквайр обежать кругом Научный корпус. Сотни мальчишек гогочут и злорадствуют. Нужно будет ее утешить, думает Марина, зная, что никогда на это не осмелится.

Что-то – назовем это инстинктом – заставляет ее взглянуть на главный вход в Перси. Ей навстречу по ступенькам спускается человек в деловом костюме. Громко кашлянув, он хмурится и смотрит по сторонам.

Марина недавно узнала, что в галерее Тейт есть портрет молодого Александра Вайни с супругой. Он тогда набирал популярность и носил длинные волосы, как Маринин отец, которого она знает по фотографиям. На том портрете мистер Вайни сидит на зеленой-зеленой траве, а Нэнси Вайни лежит рядом с ним на фоне тщательно выписанного забора высотой с дом. Марина разглядывала картину так долго, что сама перенеслась туда, ощутив под руками траву.

Пожалуйста, повернись. Заметь меня.

И он поворачивается.

– Ты ведь та самая... – говорит мистер Вайни. – Напомни-ка... А, ну да.

Крики, стук дверей и отрывка стихли; во дворе темно и спокойно. Марина потеряла счет времени, и, если не поторопится, опоздает к комендантскому часу – первый раз в жизни.

– Я тут проходила... – лопочет она, – то есть...

– Ну, здравствуй, – говорит он, шаря в карманах. – Где этот сраный ключ?

Вживую его голос интимней и глубже, чем в телевизоре. Марина хочет закрыть глаза.

– Не знаю, – отвечает она.

Воздух между ними искрится, будто шампанское. Возможно, он пьян. Теперь возвращайся в общежитие, приказывает себе Марина, но вместо этого спрашивает:

– Вы ужинали?

– Да.

– А... как вы здесь...

– Это скучная и запутанная история, в которой замешаны моя сентиментальная жена и друг ее молодости. Не стану тебя утруждать.

– Вы шутите?

– Нет, с чего бы? – Он направляется к Старому лабораторному корпусу. – Надо кое-что забрать из машины.

Марина его теряет. В смятении она говорит первое, что приходит в голову:

– Я ужасно рада, что мы снова встретились.

Да что с ней такое? Ошибка природы, ты что, не можешь взять себя в руки? Точно такие же интонации она слышит в голосах бабушек, когда те суеются вокруг отвратительной миссис Добош, лебезят перед докторами или с восторгом рассказывают, что жена какого-то политика купила в «Фемине» нейлоновые чулки. Впрочем, мистер Вайни, кажется, не

возражает. Его взгляд, как луч маяка, скользит по ее лицу.

– В самом деле? Превосходно. Расскажи больше.

– Я часто смотрела ваши передачи. Все мы смотрели. Это было потрясающе, – вежливо добавляет она, хотя сама едва помнит.

– Думаешь? Приятно слышать. Потому что мои коллеги... не знаю, представляешь ли ты, о ком я говорю: один носит галстук-бабочку, а другой – лысый. Так вот, они, э-э...

– А, эти... – говорит Марина, одолжив у Гая его самоуверенно-презрительную манеру. – Дураки, что с них взять.

Мистер Вайни стоит совсем рядом, скрестив руки на широкой груди, большой и горячий, словно медведь, ставший на время ручным. У него короткая стрижка и благородная седина – тем удивительней смотрится темная и жесткая, как проволока, растительность в вырезе рубашки: бесконечная волосатость мужчин.

В присутствии величия легко позабыть о комендантском часе и кастеляншах. Марина складывает руки на груди, прикрывая школьную блузку, сквозь которую просвечивают нежно-голубые парижские кружева, и напускает на себя умный и смелый вид.

– Ты замерзла, – говорит мистер Вайни. – Что у вас за форма – на дюрок похожи. Вот, держи. – Он отдает ей теплый, пахнущий мужскими гормонами пиджак, который Марина с благодарностью набрасывает на плечи. – Позволь поинтересоваться, – продолжает мистер Вайни. – Ты сказала, вы все смотрели...

– Да, то есть в моей старой школе. Здесь одни обыватели. Они предпочитают телеигры.

– Но ты, я гляжу, не такая?

У Марины колет в груди.

– Культурно влияешь на моего олуха? Вот что, – говорит мистер Вайни, касаясь рукой ее спины, – помоги-ка мне с машиной.

Фотографии не передают его профиль – в жизни он похож на мраморную статую из Национальной галереи. Морщинки вокруг ясно-синих глаз говорят об опыте и доброте. Под покровом темноты Марина запускает пальцы в рукав пиджака, шелковистый, будто изнанка его кожи, и очень медленно натягивает другой рукав вокруг спины.

У мистера Вайни большой серебристый автомобиль.

– А когда ваше следующее, ну, шоу? – вежливо спрашивает Марина, пока он отпирает багажник, в чьих таинственных глубинах хранятся какие-то щупальца, инструменты, бутылка с голубой жидкостью. Веревка.

– Мы снимаем новые серии в январе.

– А что...

Она внезапно замолкает. Навстречу им идет группа старшекласников с нотными папками. Одна из девочек, фантастически скучная Тэнзи Эдвардс, распевает гаммы. Рядом с ней шагает Саймон Флауэрс.

Марина заливается счастливым смехом – пусть знает, как прекрасно ей без него живется.

– Над чем ты хихикаешь?

Группа направляется к Гартским воротам. Как Саймон Флауэрс может не замечать Марину, когда она увидела его чуть ли не раньше, чем он появился из-за угла? Он уже почти рядом. Ей хочется улыбнуться, окружить вниманием и любовью его худые плечи и мутные очки.

– Что ж, – громко говорит Марина, пытаясь привлечь внимание к своему спутнику, – некоторые из нас будут их смотреть, я обещаю. Те, для кого культура – не пустой звук.

Мистер Вайни глядит на нее через плечо.

– Хера с два.

Она пытается спрятать потрясение за улыбкой.

– Но... это одна из лучших школ в...

– Эта? Чушь. Не будь она под боком, как жена хотела... и не будь Гай таким болваном, то и хлопотать бы не стоило. Есть масса школ попрличнее.

– Ох... Так вы думаете...

– Приходящие ученики, – кивает он вслед музыкантам (Саймон Флауэрс не обернулся и не заметил ее; надежда, как песок, утекает сквозь пальцы), – хилыки и пай-мальчики, которых здесь держат ради высокого рейтинга. Неважная альтернатива регбистам, как ты считаешь? Я часто замечал, – добавляет он, – что Иисус не полезен для кожи.

Закончив эту тираду, мистер Вайни вновь склоняется над машиной, не обратив внимания, какой моральный удар нанес Марине. А ведь он прав: Саймон Флауэрс не только приходящий ученик, у него еще и прыщи – один или два, возле губ. Раньше она пыталась убедить себя, что это даже красиво. Ничего красивого.

Мистер Вайни поднимает деревянный ящик из-под вина.

– Растения, – говорит он. – Стеннинг без ума от цветов. Их ему поставляет моя жена. Вернее, мой садовник. Чемерицу, георгины и бог знает что еще. Пионы. Ты, надеюсь, не увлекаешься этим дерьмом?

– Ни в коем случае. Терпеть не могу садоводство.

Затем, и только из-за того, что она помнит каждое слово, которое сказала мистеру Вайни или его жене – сказала, а после обдумала,

пощупала, оплевала в сердцах и опять осмотрела со всех сторон, – Марина густо краснеет.

– Неужели? – хладнокровно говорит мистер Вайни. – Значит, мы поладим. Теперь скажи... – Он запирает багажник и смотрит так, будто видит ее насквозь. – Чем ты увлекаешься? Историей? Историками? Вроде Стеннинга? – Он ухмыляется. – Или меня?

Марина издает глупый нервный смешок: ха-ха!

– На самом деле, – говорит она, бросив случайный взгляд на его брюки, – я не изучаю, ну, историю. Извините. Просто... не изучаю.

– Что тебе мешает?

– Я ее любила, очень, но... Пришлось бросить ради экзаменов в университет.

– И?

– И заняться естествознанием. Ну, биологией, химией. Но я сохранила литературу. Я люблю, – признается она, – гуманитарные науки.

– Естествознанием? Мать честная! Ну, если тебе нравится химия...

– Нет. То есть мне пришлось. Считается, что я буду изучать медицину в Кембридже. – Впервые ее не бросает в дрожь от этих слов. – Медицина намного...

– Полезнее. Можешь мне не рассказывать.

– Я... думаю о карьере.

– О карьере? Тебе сколько лет, сорок? Будешь хирургом хотя бы?

Марина морщится. Этого все от нее ожидают; она и сама рисовала таким свое будущее, пока училась в Илингской школе, и лишь теперь осознала, как плохо в семье представляют ее способности. Марина Фаркаш, которая успешно борется за место под солнцем с выдающимися и самоуверенными мужчинами? Это утопия.

– Я, я не уверена, – говорит она.

– А как же интеллектуальное обогащение? Ты будешь знать все о каком-то паршивом атоме, но станешь ли от этого культурней? О такой жизни ты мечтаешь?

– Знаю, – говорит Марина, готовая совершенно некстати расплакаться. – Я хочу быть культурной, конечно, хочу. Боже, я постоянно об этом думаю, ну, о книгах, и прочем. Но...

– И не говори мне, что печешься об общем благе. Такая, как ты, лучше будет творить великие дела за пишущей машинкой на чердаке, чем менять пенсионерам пеленки.

Марина глотает комок. Во всех своих фантазиях она представала в лабораторном халате – хмурая, но красивая; никаких человеческих

выделений там не было.

– Я могу заниматься исследованиями.

– Девочка моя, поверь: на меня пашет целая команда исследователей – проверяют факты, снимают копии; это хуже, чем лопатой махать. Мрачно, как в жопе. Мрачнее.

– Я думала...

– Брось эту кофлу и найди занятие по душе. Если есть хоть капля мозгов – не пропадешь.

Возможно, он прав. Перед ней открываются новые горизонты, культурный мир латинского языка, сонетов и ржанок, а в этом мире – Марина: эстет, джентльмен.

– По-моему, мозги у меня есть, – говорит она, чувствуя, как сердце разгоняет кровь.

– Пожалуй, что так.

Он мог бы стать ее покровителем. У тех, кто избран для великих свершений, всегда есть наставники. Марина прочитала столько книг о Хелен Келлер^[15] и Жанне д'Арк, что собственное избранничество кажется ей делом решенным. Время уходит. Сейчас или никогда.

Но нет, слишком поздно – он отворачивается. Не успев подумать, Марина говорит:

– Мне нужна ваша помощь.

Мистер Вайни громко хохочет.

– Прости. Меня обычно не просят так напрямик. Во всяком случае, дети. Помощь в чем?

– Я... не знаю.

– Слушай, мне надо идти. Чего доброго, решат, что я умер. Мы, – говорит он, стиснув ее плечо, – еще вернемся сюда в воскресенье. У Нэнси здесь учится крестник, скучный тип, нужно будет его забрать.

Марина шутливо округляет глаза.

– Почему бы и тебе не прийти – а там, глядишь, найдем минутку, поговорим.

– О, можно? Правда? Было бы здорово! Научите меня, пожалуйста! Все, что сочтете нужным.

Утренняя служба (хор капеллы) или пасторское напутствие, зал богословия, доктор Моллинг на тему «Природы щедрые дары»;
лакросс против монастыря Богородицы: 1/X и 2/X (А), 13:15;
нетбол против Клуба Кумских выпускников: 1/VII и 2/VII, Грир;
банкет для Клуба КВ, зал церковного суда, 19:30.

Имела место неприятная сцена. Вероятно, с утра, как раз перед тем, как Марина позвонила домой, миссис Добош и ее ужасная внучка Наталья нагрянули в Вест-стрит, намереваясь провести с ней все утро, а затем взять ее с собой и где-нибудь пообедать.

Марина отказалась.

Должно быть, это какое-то недоразумение. Розы, несмотря на акцент, прекрасно понимает английский на слух, но время от времени все-таки...

Нет. Никакой ошибки. Лору подзывают к телефону. Марина в самом деле отказала миссис Добош. Она хочет свести бабушку в могилу?

– Как я могла согласиться? – оправдывается Марина. – Нельзя же, ну, не делать уроки. Они у нас сразу после утреннего напутствия. Так положено. У меня были бы неприятности.

– Солнышко, мистер Дэвентри наверняка вошел бы в положение.

– Не вошел бы. – В ее голосе звенят слезы. – И потом, я терпеть не могу Наталью. Ты тоже. Помнишь скрипичный концерт крестьянской музыки в прошлое Рождество? Ты сказала, что больше никогда...

– Милая, но нельзя же было взять и отказаться. Ты не можешь, не знаю, догнать ее?

– Не могу.

– Почему?

– У меня... планы. Уже.

– Никто не будет возражать, если ты разок не появишься в столовой...

– В буфетной.

– Какая разница?

– Никакой, – говорит Марина. – Все равно с буфетной это не связано.

– А с чем это связано?

– Это, м-м-м, обед по поводу... биологии.

Лора чувствует во рту металлический привкус. «Марина, – думает она, – никудашная лгунья, в отличие от ее отца. В отличие от меня».

– Ясно, – говорит она наконец, притворяясь, что не замечает недовольную гримасу на лице Жужи. – Ты занята. Ясно. И ты им вежливо все объяснила? Я... конечно. Да, ничего не поделаешь.

– Нелепо, – фыркает Жужи, возвращаясь к газете. Розы на кухне гремит посудой; она будет вне себя от ярости. Одна Ильди встречается взглядом с Лорой, и та – чем ближе к полудню, тем отчетливей – понимает, что тетушка Петера хочет о чем-то ей сообщить, только не может сделать это с глазу на глаз. Лоре тоже есть что сказать. Вчерашнее послание, которое она приписала вымышленной школьной подруге, на самом деле от мужа. Встреча назначена – нет, вы подумайте! – возле гостиницы «Слон и замок» этим вечером.

Пока доктор Моллинг читает проповедь об опасности стереопроекторов, Марина ищет глазами Гая. Она очень нервничает. Вчера она подслушала историю о выпускнице, которая полгода назад, в летнем триместре, занималась настоящим сексом – каким-то образом усевшись на парня верхом, – как вдруг вошел декан Рэндольф и начал болтать с ними обоими, не замечая ничего подозрительного, потому что все закрывала ее длинная юбка. Такое технически возможно? Эта сцена не шла у Марины из головы. Ей приснился удивительно яркий эротический сон; содержание и участники стерлись из памяти, но некоторая липкость осталась. А также вина – Гая в этом сне не было. Марина опять оборачивается, но пятиклассников почти не видно из-за колонны; в поле зрения нет ничего похожего на его немытые недоблондинистые кудри и радостное лицо. Вдруг он забудет передать ей сообщение от своей мамы с подробностями насчет сегодняшнего обеда? Стоит ли ждать помощи от мистера Стеннинга? Марина со всех ног мчится в Вест-стрит, надеясь найти в гостинице тисненую карточку, но столик для писем пуст. Ханна Норт, единственная выпускница, к которой Марина чувствует приязнь, с улыбкой поднимает брови. Однако Марине не до разговоров.

– Что-то ищешь? – с притворным сочувствием спрашивает Айла Клюин, стряхивая шоколадные крошки с тапочек в виде кошачьих лап. Джемма Оллок заплела ее мокрые волосы в косу, а свои спрятала под тюрбаном из полотенца. Гостиная пахнет мылом с ароматом зеленых яблок. – Письмо из дома?

– Нет, – отвечает Марина.

Может быть, в спальне? Однако там она обнаруживает лишь припадающую на ногу Хейди, которая выдавливает из тубика и слизывает с пальца нечто под названием «Примула».

– Никто не заходил? – спрашивает Марина.

– Когда? – Хейди обожает чужие проблемы. – Кого ты имеешь в виду?

– Неважно, просто ответь. Быстро.

– Ты опаздываешь? Куда собралась?

Они смотрят друг на друга поверх письменного стола. Марина разжимает кулаки.

– Ответь на вопрос.

– Если скажешь, кого ты ждешь, я скажу, приходил ли он.

– Ладно, забудь.

Она молнией слетает вниз. Ханна Норт и Айла Ключин смолкают.

– Бедняжка, надеюсь, все хорошо, – воркует Ханна.

Что, если Вайни передумали? Я, черт возьми, не пошла на обед с миссис Добош, говорит себе Марина, поджаривая белый тост (уже пятый за день) и опять надевая бархатный жакет – на всякий случай. Нужно сбегать к Гаю, оставить ему записку. Утром Рози сказала по телефону: «В Кембридже не будут хотеть непослушную девочку». Знала бы она...

А может, и знает?

Марина любит бабушку и не хочет ее расстраивать. Пусть она будет наказана (наказуема? наказана), если это случится.

– Но дорогуша, – озадаченно говорит Рози, – как ты будешь с ужином?

Лора только что сообщила, что хочет увидеться с вымышленной школьной подругой, которая свалилась из ниоткуда и назначила встречу в центре города.

– Наверное, перекушу где-нибудь с... с ней, – говорит она, как убийца, придумывающий алиби.

Восемь часов до выхода. «Буду с шести», – гласила записка, но Петер может и подождать. Лора смотрит, как сестры, выпив кофе, разворачивают газеты: лица изрыты морщинами, руки дрожат.

– Дорогуша, хочешь *тру-фель*? – спрашивает Ильди. – Это от дочери Лотте, она приехала вчера из О-мерики, Квинс или Гарлем, где-то там. Ее муж – доктор, она идет увидеть нас из больницы. Бедная Лотте, она никого не знает теперь.

Лора протягивает руку к коробке и задумывается: взять или нет? Откуда ей знать, чего она хочет? Даже такой пустяковый выбор ставит ее в тупик. На Пембридж-роуд за окном мелькают ноги прохожих, и Лора

кричит – на помощь, на помощь! – невероятно громко, у себя в голове.

Марина идет в капеллу. Это разрешено – для тех, кто ищет поддержку. Вправду ли Бог снисходителен к людям, которые, несмотря на отчаянные усилия, до сих пор не смогли поверить в Него? Это так же сомнительно, как объедаться бесплатным сыром со стойки с пробниками – но, возможно, Он видит ее старания.

В капелле пахнет то ли историей, то ли гниением и царит полумрак: капеллан считает, что свечи располагают к молитве. Однако Бог и здесь не спешит обнаружить Свое присутствие перед Мариной – куда ей до Хейди, которая утверждает, что Христос является ей по ночам. И где же помощь? Разве Божьи слуги, викарии и тому подобное, не должны подойти к ней и предложить наставление? Марина всхлипывает – тихо, но достаточно, чтобы привлечь внимание, – однако никто, даже капеллан, ее не замечает. Ни одного заблудившегося туриста, который мог бы ее поддержать. Она ласково улыбается шевелящей губами старушке, воображая награду в виде дружбы с мая по сентябрь, но тут же отступает, запоздало поняв, что та не молится, а сердито бормочет.

Когда Марина возвращается в общежитие и находит письмо от Гая, времени у нее почти не осталось. В двадцать минут второго она наконец добирается до самого модного в городе ресторана под названием «Дуб». Она садится за столик, не рассчитав расстояние, и официант задвигает ее стул, как санитар, толкающий тучную пациентку в кресле-каталке. Подают медальоны из оленины и пудинг на тележке. Миссис Вайни мило беседует с семейством загорелых светловолосых мальчиков, учеников Кум-Эбби – прошлых и нынешних. Отец Гая излагает запутанную историю о путешествии по Америке. Его слушает Люси, которая опять ухитрилась сесть рядом. Они уже приступили к горячему: для Люси это жареная ягнятина с обескураживающим количеством жира. Гай рассказывает одному из загорелых мальчиков о сноубординге, и миссис Вайни обращается к ним:

– Бедняга Дигби катался на лыжах и сломал кость – лучевую, правильно? Где находится лучевая кость, Гай? Марина, милая, ты не знаешь?

– Она хочет стать врачом, – говорит мистер Вайни, и разговор тут же стихает. – Если уж она не знает, то храни нас Господь.

– Как мило, – смотрит на нее миссис Вайни.

– Ну и ну, – говорит Люси. – Это правда?

– И где эта кость? – спрашивает Гай. – В ноге?

– В руке, – бормочет Марина.

Как ни странно, это разряжает обстановку. Миссис Вайни, которую от Марины отделяют всего два человека, изящно втягивает ее в разговор с Блайтами и задает вопросы – о братьях и сестрах, об учебных планах. О родителях.

– Моя бабушка, – говорит Марина, – занимается предпринимательством.

– Правда? Чудесно. Какого рода?

– Э-э... белье, ну, вы знаете, дамское.

– Еще бы не знать, – соглашается миссис Вайни. – Нет ничего чудесней настоящего шелка. Что-то особенное?

– В-вряд ли. То есть немного шелка, немного... атласа, но все... ну, хорошей выделки, «Белла Фигура» и «Кастелл», примерно как в «Селфридже» и... не знаю, в «Фенвике», но в основном нейлон и... хлопок.

– Само собой, – утешительно мурлычет миссис Вайни, – сейчас только хлопок и носят.

Марина энергично кивает.

– У вас наверняка хранится, или складировается, или как вы это называете, что-нибудь из «Астона», – продолжает миссис Вайни. – По крайней мере, их пояса и перчатки того стоят.

– Простите?

– Как, ты не знаешь? Вот так сюрприз!

Марина смутно припоминает название: старая английская фирма, выпускающая стильные чулки и ночное белье, а также шерстяные носочки с рисунком из разноцветных ромбов, которые время от времени носят ее одноклассницы.

– Это фирма родителей Эла, ты не знала? Да, мы все здесь немного лавочки. А вы...

– Я уверен, – твердо говорит Александр Вайни, – что детям не обязательно это слушать.

Он одаривает их широкой улыбкой, но миссис Вайни тут же меняет тему.

– Хлеб, дорогой? – спрашивает она, и мистер Вайни, взяв большой кусок, отворачивается. Смущение растет, как лесной пожар; боже, думает Марина, они что, на грани развода? Почему-то – возможно, из преданности – она не в силах смотреть на мистера Вайни и вместо этого обводит взглядом темные, обшитые панелями стены «Дуба», его гравированные стекла, его...

Миссис Добош.

Миссис Добош сидит возле высокой пальмы в центре зала. У Марины, расположившейся под углом от нее – но не от внучки Натальи, – пересыхает во рту. Миссис Добош ест; могла ли она заметить Марину, не поворачиваясь всем телом? Может, и нет. Впрочем, хотя их отделяют три столика и подвижная винная стойка, что-то в недобром лице Натальи наводит на мысль, что та ее видела.

Марина боится шелохнуться. Она думает: я могу упасть в обморок. Другая, менее крепкая, так бы и сделала, но Марина застыла на месте – грузная, покрасневшая, как свинья.

– Я... извините, – говорит она.

Она сидит в туалетной кабинке и не смеет мочиться – вдруг миссис Вайни зайдет, чтобы мягко и настойчиво справиться о ее самочувствии. Однако никто не появляется. Зато, когда Марина выходит, в коридоре ее ждет мистер Вайни.

– Привет, – говорит он.

Нужно быть идиоткой, чтобы заплакать, но Марина ничего не может с собой поделать: словно какая-то волна с ревом проносится по ее телу и ударяет в голову. Мистер Вайни подталкивает ее к телефонной будке в конце коридора, где темнее и тише.

– Что такое, дурочка? – спрашивает он, однако его голос по-отечески добр, и от этого слезы льются еще быстрее и свободней, орошая манжеты и мочки ушей. Он протягивает платок.

– Оставь себе. Ну, теперь-то расскажешь, что у тебя стряслось?

Его руки у нее на плечах.

– Посмотри на меня, – говорит он, но разве Марина в таком состоянии сможет что-то ему объяснить? Плоский широкий ноготь, бугорок у основания пальца, волосы на фалангах и тыльной стороне ладони – больше она ничего не видит. Его рука движется вверх, поднимая ее подбородок.

– Я знаю, – говорит он.

Марина смотрит в его глаза – такие неожиданно голубые, с темным рядом нижних ресниц. Поры и щетина на коже – будто их общий секрет.

– Ну-ну, не плачь. – Его холодные пальцы у самых ее губ. – Я знаю, это тяжело.

– Что «это»?

– Жизнь подростка. Жизнь вообще. Разве нет? Совсем не похожа на то, что о ней говорят.

– Да, именно! И я не знаю... совсем ничего. С вами в детстве тоже такое было?

– Нет.

– Никто не понимает... Не смейтесь.

– Я не смеюсь. Правда. По-моему, ты очень... трогательная.

– Все советуют успокоиться и не думать о таких вещах, как, ну, Кембридж, и любовь, и все прочее, но я не могу не думать. Я слишком многого хочу.

– Можешь мне не рассказывать. Такое мало кто понимает, но я как раз из них.

– Да. Я вижу.

Зачем она это сказала? Это не он, а миссис Вайни ее понимает, но Марина хочет быть милой.

– Я тут недавно думал о тебе, – говорит он.

– Честно?

– Для девочки из Кум-Эбби ты явно неглупа.

– Вы так считаете? Спасибо, это очень...

– Не перебивай. Поэтому мне непонятно, зачем ты выбрала эту тягомотину? А? Зачем?

– Простите? А, в смысле, не историю?

– Не-историю, точно. Неприметная жизнь лаборанта, гланды и фолликулы – об этом ты мечтаешь?

– Я... наверное, нет.

– Ну еще бы. Тогда как история...

– Нет, правда, я хотела заниматься историей. Помните, я рассказывала?

– Не помню.

– Так вот, я хотела, но семья решила по-другому. Чтобы была польза, понимаете? То есть...

– Понимаю.

– И моя лучшая подруга, Урсула, и вся ее семья, они подумали, что гуманитарные науки – пустая трата... то есть, что это непрактично. Я только смогла их уговорить оставить литературу. И еще мне кажется...

– Что?

– Ну, что я недостаточно умна.

– «Достаточно» – понятие относи...

– Нет, по-настоящему. Я думала, чтобы заниматься историей в университете, нужно иметь блестящий ум. По крайней мере, в Кембридже.

– Что за глупости?

– Нет, правда. В науке, чтобы чего-то добиться, надо только работать как следует и вбивать знания в голову, хотя, конечно... Меня это ужасает вообще-то. Но история и филология – совсем другое дело. Отсюда на

исторический факультет поступают только мальчики, и вы бы их видели: они так уверены в себе. Ну, в своих способностях.

– Я считал, здесь все тугодумы.

Вот, значит, какого он о ней мнения. Маринины носовые пазухи вновь готовы наполниться слезами.

– Вы... вы же не думаете так о Гае, – говорит она. – Вы ведь не хотели вчера сказать...

– А, – уклончиво отвечает его отец. – Гай – не самый острый нож на кухне. Поэтому сюда и принимают умников вроде тебя – чтобы поднять рейтинг школы. Не делай такое потрясенное лицо. Это правда.

Однако, прежде чем Марина успевает осознать эту головокружительную концепцию и выяснить, в каком месте континуума «тугодумы-умники» обитает она сама, мистер Вайни спускает ее с небес на землю:

– В общем, ты ошибаешься. Никакой блестящий ум не нужен, и, разумеется, ты сможешь заняться историей, если захочешь.

– Но как?

– В каком ты учишься классе – в шестом? Гай, кажется, тоже...

– Нет, он пятиклассник, – говорит она, стыдясь за себя и за него.

– Что ж, у тебя полно времени все изменить. Ничего сложного. Поставь их в известность, а потом работай как черт, нагоняй программу.

– Правда?

– Правда.

Почему так трудно оторваться от его глаз? В груди распускается что-то нежное, что-то между болью и теплотой. Марина хочет сказать об этом мистеру Вайни, поднимает лицо, и он целует ее – мягко, почти по-отечески; а после отводит в зал.

Без двенадцати семь Лора входит в «Геркулес» на обочине Нью-Кентроуд. Это, как она и думала, обычная забегаловка. Тем лучше: значит, дальше конспирации его усилия не зашли. Зная Петера, можно предполагать, что он ее не дождался. Лору мутит – от гнева, конечно же. Она даже говорить с ним не будет, решает она. Полюбуется только на его корчи и оправдания, а потом развернется и уйдет.

За столиком возле бара сидит мужчина. Высокий, как Петер, широкоплечий, как Петер, но с осунувшимся и грустным лицом; пивного животика как не бывало, вместо пышных темных волос – полудюймовая поросль. Ни улыбок, ни прикосновений. Между ними серым зловонным пятном проплывает прошлое.

– Привет, – говорит он, – вот и ты.

– Я отказываюсь верить, – говорит Роза в Вестминстер-корте, – что Марина не образумилась. Она и думать забыла об этом дурацком школьном обеде, как только положила трубку. Она ведь любит миссис Добош и Наташеньку, просто решила показать нам свою независимость. Может быть, стоит позвонить и узнать, как все прошло?

– Нет необходимости, – отзывается Ильди, слушая с закрытыми глазами Жаклин Дюпре.

– Конечно, нужно позвонить, – говорит Жужи. – Мы должны первыми узнавать обо всех ее школьных приключениях. Марина для таких вещей до нелепого взрослая, но как знать, как знать. И до чего же я ей завидую: первый расцвет любви, поцелуи в вишневом саду... Помнишь, Роза, как я выбралась из домика лыжников на встречу с Кишем Иштваном у моста, и его...

– Хватит, – говорит Роза, переходя с венгерского на английский.

Поцелуи растут. Они расползаются по коже, как лишай, а ты тем временем меняешься изнутри, думая лишь об одном: что все это значило?

– И еще одно...

Лора вполне освоилась. Петер заказал ей бокал красного вина, потом стакан воды, потом еще бокал красного, больше первого, и каждый раз, когда Лора готова разрыдаться от жалости к себе (вот уж он обрадуется),

она вздергивает подбородок, отпивает глоток – и слезы отступают.

Все идет как по маслу. Между началом их семейной жизни – банкетом в отеле «Бейсуотер роял Эксельсиор» – и ее горьким финалом, развернувшимся к западу от Вестуэя, времени прошло всего ничего, так что Лоре не составляет труда в подробностях описать Петеру все его промахи. Их последствия – куда более богатый источник: унижительные долги, слухи, чувство вины, неопределенность, первичная детская травма. Сколько раз она мысленно повторяла эти упреки, представляя, как Петер ползает перед ней в грязи или обнаруживает свою никчемность. Оба сценария приносили ей облегчение.

Однако настоящий Петер не делает ни того, ни другого. Это сводит ее с ума. Он заладил одно – «прости, прости», – а Лоре нужно совсем не это. Он так не похож на мужчину, которого она знала: не пьет, не буйнит, не пятится к выходу с очередным своим вшивым дружкой. Одевается, как и раньше, по-идиотски: огромные ботинки, нарочито неказистая спецовка – этакий испанский кустарь, герой Гражданской войны. Жизнь успела потрепать их обоих. Ногти у него чистые.

Более того, он спокоен: кивает и строит гримасы, будто все это сделал с ней кто-то другой, а Петер по-дружески – ха-ха! – ей сочувствует. Хочет узнать о Маринином характере, о здоровье матери, но не узнает, не заслужил. Слишком уж легко – да Петер, похоже, и сам это понимает, будто хочет себя наказать. Отлично, пусть! Лора громоздит обвинения: припоминает ему и кладбище фотографий, за которым молча ухаживает Роза, и Маринины школьные сочинения на тему «Как я провела выходные», для которых она поначалу выдумывала экскурсии с папой, а потом перестала. Как он мог смеяться над странностями семьи, а потом бросить Лору на их милость?

И что он скажет в свое оправдание? Хотел прислать весточку, но боялся. Запутался. Не знал, как поступить, и чем дольше откладывал, тем трудней все становилось. Отсюда и непростое решение... ничего не делать.

Да, признает Лора, оправившись от такой наглости, им живется неплохо, учитывая все обстоятельства. Да, справляются. Нет, вряд ли что-то случилось за эти тринадцать лет, разве что преждевременный закат ее преподавательской карьеры, временно-постоянный переезд в дом его матери, смерть любимых тетушек – Китти в Детройте и Франци в Эдмонтоне, – воцарение миссис Добош и превращение их дочери («извини, моей дочери») в школьницу.

У него теперь короткие волосы – и до чего неуютно смотреть на этот большой красивый череп, на уязвимые виски. Лора хочет его ранить:

– Знаешь, когда человек исчезает, начинается разная канитель. Из банка приходят письма. Не счита, конечно, – у тебя их никогда не было. Но раз за разом говорить им, что я... понятия не имею, где... Что? Куда ты собрался?

Петер сует по карманам спички, кiset с «табачишком», папиросную бумагу с наполовину сорванной оберткой.

– Расслабься, – говорит он.

– Как у тебя язык... Ну да, в самом деле...

– Паб закрывается. Не заметила?

– Но...

Сколько ночей она репетировала эти монологи; и ведь ничего даже не успела сказать. Что теперь делать – назначить еще одну встречу, чтобы сорвать на нем злость?

– Я... Мне надо...

– Я не спихнул на тебя всю работу, – говорит он. – То есть я и сам им все расскажу.

– Отлично! Ха! Зачем тогда ты меня впутал? Я уже солгала им из-за тебя.

– Да. Но.

– Что «но»?

– Я подумал, лучше уж написать, чем вообще ничего не делать. Первый шаг. Ты хоть представляешь, каково это – ненавидеть себя столько времени?

Придунок. Лгать ради него? Ну уж нет! И вообще, разве он не должен сперва отчитаться за все, что делал, где и как часто? «У меня, – думает Лора, – есть право знать». И еще ей до сих пор не представился случай упомянуть об Алистере Саджене, а это важно. Петер должен знать, что его покинутая жена пользуется успехом.

– Пошли, – говорит он.

Старик в опасно застегнутых штанах выбирает этот момент, чтобы прошаркать через порог «Геркулеса». Лора и Петер только что вышли в переднюю и вынуждены посторониться. Между внешней и внутренней дверями – крошечный закуток, обтянутый блестящей красно-коричневой анаглиптой. Петер так близко, что Лора чувствует жар его тела. Почему он никогда не носит пиджак? Мятая серая рубашка, затылок в трех дюймах от Лориных глаз – все это невыносимо раздражает. Шнурки развязаны, брюки в грязи, и все же он выглядит лучше, чем того заслуживает. Как его клетки смели обновляться, когда она так страдала? Она, Роза, Марина – и не рассказывай, как скучал по нас, думает Лора: ты сам это выбрал.

Сердце учащенно колотится, сотрясая все тело, будто готово разбиться в любую секунду. Гормоны или эндорфины – знакомый Петеров запах – оживляют ядовитые споры, все эти годы дремавшие в спячке. О нет, думает Лора. Только не все сначала.

Затем в лицо ударяет холодный воздух. Нет. Нет, черт возьми! Это всего лишь пот и грязь – он, может быть, нарочно их выпускает. К тому же вполне вероятно, что Лора впервые за долгие годы слегка пьяна. Они идут бок о бок мимо закрытых забегаловок и цветочных клумб. Петер очень высокий, не чета своей усохшей родне или изящному Алистеру Саджену; он единственный, рядом с кем Лора не чувствует себя жирафой. Что-то плывет между ними – призрак их общего прошлого.

Не поворачивайся. Не смотри на него, он этого не заслуживает. Лора яростно ускоряет шаг, чтобы заставить себя догнать, но Петеру, с его армейской походкой, это почти не стоит усилий. Она вспоминает... Когда это было, в канун Нового года? Семьдесят первого, ты только подумай! Они встречали его в компании всех своих знакомых, и Петер прошептал ей на ухо слова, которые Лора никогда не забудет: единственное, что у всех них общего – это секс. «Мы все этим занимались, – сказал он. – И знаем об этом». Он был прав – этот забавный и щекотливый факт по-прежнему ее удивляет: липкие тайны ночи.

Прекрати! Сколько новогодних ночей он с тобой провел?

– Так с ними правда все хорошо?

– Я же сказала. Почему ты за весь вечер не выпил ни капли?

– Завязал.

– Что, серьезно? Взял и бросил?

– Мне это только вредило, – мягко говорит он.

– Можешь не рассказывать, я-то своими глазами видела... То есть хорошо, конечно. Ты... по-другому выглядишь.

– Еще йога. Вегетарианство. Работал на ферме в Уэльсе, стал чище. Я теперь новый человек.

Лжец. Если бы это было правдой – а это неправда, – он бы разрыдался и упал перед ней на колени. Он бы, черт его подери, весь вечер молил о прощении. А Лора, не сказав никому, что он в Лондоне, жив-здоров, стала его соучастницей.

Они должны обо всем узнать. Лора смотрит на его профиль. Она им расскажет, как только придет домой.

– Метро тут рядом, – говорит он, сворачивая в мощный проулок. На другом конце, за бетонными тумбами, в вихре света проплывают автобусы и машины «Скорой помощи».

«Когда дойдем до них, – говорит себе Лора, – я велю ему оставить нас навсегда. Вот что я сделаю».

– Что? – спрашивает Петер через плечо.

Сама не зная зачем, она садится на тумбу.

– Я... – говорит Лора. – Это было так... Когда ты собираешься им рассказать, черт возьми?

Петер склоняется и смотрит ей в глаза. В груди что-то оседает, подтаивает и падает, как айсберг, отколовшийся от материка.

– Знаю, – говорит он, – я... просто... это нелегко. Она часто обо мне вспоминает?

– Вот это эго! – Лоре так смешно, что почти не хочется плакать. – Прости, мы говорим о дочери, которую ты бросил, или о твоей матери?

– Я про Розу. Черт, я не...

– Нет, если хочешь знать, практически не вспоминает. Потому что иначе расплачется. А ты чего-то другого ждал? Подумай, как это было унижительно для нее, кроме прочего. И в разводе-то ничего хорошего нет, а уж это...

– Бедная Роза, – говорит он. – Ну и скотиной же я был... С тобой тоже, старушка.

Последние остатки самообладания и достоинства рассыпаются в пыль. Лора погружается в пучину жалости к себе, горькие волны несчастья бьются о ее голову. Она осталась одна.

Нет, не одна. К ней, увязнувшей в болоте стыда, тянется чья-то рука; палец, проплыв у лица, отводит прядь волос, соблазнительно прилипшую к губе. Лора закрывает глаза.

И тут же их открывает. Какого черта он делает? Она поднимает голову, чтобы сказать Петеру – пусть оставит ее в покое, да как он смеет даже думать...

Он ее целует.

Понедельник, 6 февраля

Нетбол против Саутгемптонского колледжа: VII (А), 15:15;
экскурсия во Флоренцию для пятиклассников; разговор о карьере с Хилари Бертеншоу, ККВ: «Государственная служба», 18:00.

Марина, совершенно измотанная после вчерашнего пылкого, суматошного вечера, просыпается в понедельник и находит записку от кастелянши:

ФАРКИСС М. (6-й кл.): позвонить матери.

Она так напугана, что с трудом набирает номер. На этой неделе ее день рождения – и вот она сирота. К телефону подходит Жужи.

- Что случилось? Кто звонил? Что с мамой? – выпаливает Марина.
- Не будь смешной.
- Но мне сказали...

Однако у Жужи накопилось столько вопросов о школе, что проходит немало времени, прежде чем они добираются до сути.

– Твой милый обед с миссис Добош вчера, – говорит она, – ты не рассказываешь нам.

- Миссис... о боже!
- Маририка!
- Но я же сказала...
- Марина. Я не знала, что ты такая глупая.

К телефону подходит Роза. Она очень спокойна, и от этого только хуже. Мамы даже нет дома («Она рано идет в приемную, – говорит Ильди в свой черед, – Лора много работает»), так что, когда трубка возвращается к Жужи и та спрашивает: «Но зачем тебе этот дурацкий научный обед?», Марине неоткуда ждать помощи. Стоит ли рассказать о «Дубе» на случай, если миссис Добош ее заметила? А вдруг не заметила?

- Я... – мямлит Марина, – я...

Жужи понижает голос – ее шепот звенит у Марины в ухе:

- Дорогуша, я тебе не верю. Скажи, это мальчик?

Маринина кожа еще помнит поцелуй Александра Вайни, реальный теперь не менее, а то и более, чем вчера. Не в силах сдержаться, Марина внезапно спрашивает:

– Помнишь Гая?

– Конечно!

– Оказалось, у него знаменитый отец.

– Правда? Прекрасно! Очень хорошо.

– Тот историк, Александр Вайни. Знаешь его?

Пауза. Затем яростный шепот:

– *Хихетлен. Нем эртем.* Это неправильно.

– Нет, правда, – говорит Марина дрогнувшим голосом. – Почему? Это же хорошо, разве нет?

Жужи не отвечает. Ее даже нет на линии. Похоже на какой-то очередной их выверт, вроде пожизненного отказа слушать Брамса или посещать графство Суррей.

Впрочем, все это странно.

Все Лорины мысли только о смерти. Проснувшись, она точно знает, что делать.

По понедельникам приемная закрыта до обеда: Алистер разбирает накопившиеся бумаги в крошечной кладовке, где хранятся старые весы и записи об усопших. Это, как он выражается, дает Лоре и Марг – старшему секретарю – «достаточно времени для решения административных вопросов», с которыми они обязаны управляться еженедельно и без сбоев. В последние дни Лора успевает даже меньше обычного. Марг с ней не разговаривает, поскольку Лора мало того, что два дня подряд забывает чистить туалет, так еще и заказала по ошибке тридцать шесть органайзеров в черепаховом пластике, не подлежащих возврату. На просьбы о помощи Марг не ответит. Она сидит к Лоре спиной, почесывается, флиртует с курьерами и не утруждает себя работой – только раздает псевдомедицинские советы на все случаи жизни. Почему Алистер ее не уволит? Страх, сексуальное рабство, шантаж – или его превосходящее невежество?

И вот, пока Марг сочиняет очередную чушь насчет зернистого гастрита, Лора быстро и неряшливо (для того чтобы получить работу, она соврала, будто знает десятипальцевый метод) печатает письма с ужасными новостями для храбрых вдов и измученных отцов. Попытки раздобыть ушной термометр взамен неисправного провалились; она звонит специалисту по паразитическим заболеваниям и узнает, что тот взял отпуск

по семейным обстоятельствам в связи со смертью беременной жены.

В одиннадцать, дойдя до предела, Лора разглядывает последнее напечатанное слово – «Саджерорн» – и думает: штрих-замазка тут не поможет, повторный набор – тем более. Она отодвигается от стола. Для начала нужно выкинуть из головы Петера.

Может, если быстро передумать мысли о нем, станет легче? Лора отправляется в туалет, садится, спустив для достоверности трусики, утыкается лбом в ролик туалетной бумаги – и вместе с запахом стариковской мочи ей в голову приходит решение всех проблем, ясное, как сама истина. Не нужны ни река, ни поезд. Можно устроить все проще, неоднозначней и быстрее, пока она все не испортила. Главное – не откладывать.

Она проворно и очень тихо пробирается в приемную. Марг по-прежнему болтает по телефону и не видит, как Лора подходит к шкафчику, где хранятся скрепки, напальчники и тесемки для документов. Она выдвигает ящик.

Внутри лежит ключ.

Зажав его в кулаке, Лора обретает уверенность, однако перед дверью в кабинет Алистера ей опять становится не по себе. Марг за спиной сообщает кому-то: «А я говорю: “Надеюсь, это было манго!”». Алистер в любую минуту может выйти из кладовки и потребовать чаю. Мици может нагрянуть с уборкой. Действуй быстро, по-военному командует себе Лора. Она поворачивает ручку, закрывает за собой дверь и встает посреди комнаты, вдыхая запах «Эластопласта».

Это все равно что забраться к хозяину кабинета в черепную коробку. В комнате тускло: Алистер всегда держит шторы задернутыми, будто развешанные по стенам сертификаты и планы замков Национального треста нужно беречь от солнца. Лора до боли в ушах вслушивается в тишину, проводит дрожащим пальцем по подоконнику, трогает край кушетки, ячейки для инструментов. Только Марг позволено наполнять их свежими хирургическими пинцетами, деревянными ложечками, интимными лубрикантами, толстыми пачками презервативов, одноразовыми перчатками. Лору охватывает странное возбуждение. Ей хочется что-нибудь украсть. Боже, кем она стала?

Она хорошо знает шкаф. Ей не позволено отпирать его – только стоять рядом, когда это делает Марг. Генеральный медицинский совет вряд ли одобрил бы его состояние – впрочем, это касается большей части их оборудования. Можно взломать его тюдоровским ножом для бумаг, но ведь есть ключ – ждет, когда его пустят в дело. Лора отпирает дверцу. Внутри –

две узкие металлические полки, три ряда коричневых пузырьков. Наверняка переписаны: об этом она не подумала. Если исчезнут разные виды, это повысит шанс, что пропажу никто не заметит? Будет ли один тип таблеток... эффективней? Быстрее? Или, чтобы не осталось сомнений, лучше взять всего понемногу? В волнении Лора берет пузырек и тут же ставит его на место, нарушив стройный ряд. Может быть...

Из коридора доносится шум. Быстро и неуклюже Лора хватается сверху три пузырька флуразепама, захлопывает шкаф и, сунув добычу за пазуху, бежит к двери.

Нетбол против Королевской школы, Тонтон, VII/1 и VII/2 (Н), 16:30;
ежегодный обед с Полком стрелков Кум-Эбби: почетный гость – кавалер ордена «За боевые заслуги» подполковник Уэльского гвардейского полка Стивенс (для учительского состава), комнаты Бэзила Пилкингтона, 20:00.

Марине нужно немного: все ее мечты – о мистере Вайни, который спасает ее из капеллы в духе финальной сцены из «Офицера и джентльмена», или о дружелюбном письме от его жены. Днем ее желания прямолинейны, но стоит занять горизонтальное положение, как они оживают, мраморными шариками выкатываются из мозга и образуют странные комбинации.

Возможно, отчасти в этом виноват кофеин. На время приготовления уроков им запрещено посещать кухню, и Марина перебивается быстрорастворимым кофе, который заваривает горячей водой из-под крана, а также курагой и лакричными леденцами. Она не выносит, когда за ней наблюдают, поэтому читает, пока Хейди не погасит настольную лампу, и лишь затем принимается за работу. И не только за работу. Марина стала восприимчивей к знакам. В семье язвительно относятся к суевериям; дома она отмахивалась от них, как от приставучей собаки, но в школе они тут как тут. Даже изучая свойства сжиженных газов или раздумывая над сочинением об иронических приемах в «Отелло», Марина настороженно ловит признаки надвигающейся беды.

В этом триместре выяснилось, что с помощью «Малого оксфордского словаря» в двух томах, подаренного гордой семьей, можно контролировать или, по крайней мере, угадывать будущее. Случайные слова исполнены смысла. Они в основном касаются здоровья и болезней в Вестминстер-корте, но иногда дают и другие подсказки: что думает о ней миссис Вайни, поступит ли Марина в Кембридж и позовут ли ее когда-нибудь в нетбольную команду, хотя бы во вторую лигу. Хотя бы в третью.

Однажды начав, остановиться непросто. Вдобавок к этой привычке Марина приохотилась проверять этимологию четырехсложных,

трехсложных, а потом и некоторых двухсложных слов; а поскольку почти каждое слово греческого или англосаксонского происхождения, если взглянуть на него под определенным углом, означает что-нибудь плохое, приходится тут же искать другие, чтобы уравновесить дурное воздействие.

Сегодня это затянулось дольше обычного. В два часа ночи окоченевшая и вконец перепуганная Марина заставляет себя захлопнуть словарь, но уснуть не может. Она хочет домой, к маме – вся горит от тоски по ней. Она думает: «Позволь мне вернуться».

Внезапно в розоватом полумраке комнаты материализуется мистер Вайни. «Неприметная жизнь», – говорит он. Об этом она мечтает? Лаборатории? Больничные койки? В его голосе был намек – больше, чем намек, – будто в науке есть что-то... неприглядное. Низкое. Возможно, он прав. Если подумать о запахе формальдегида, о некрасивых учебниках, даже о фотографиях в медицинских проспектах из Кембриджа, то что в них такого волнительного? Разве не сильнее бьется сердце при мысли о классе истории, о мистере Вайни, который наставляет Марину в изучении Тюдоров? Если бы он в самом деле помог ей измениться...

Однако биологию не бросишь – мистер Понд не позволит.

А химию?

Марина думает: химия ей даже не нравится. Мистер Кендалл одной ногой в могиле. Представь, что вместо ядерного деления ты изучаешь эпоху Елизаветы Первой, вообрази себя частью этого мира, мира семейства Вайни, где все такое старое и красивое. Что ты сейчас? Маленькая уродливая дешевка. А мистер Стеннинг...

Сердце на секунду замирает, а потом разгоняется с новой силой. Мистер Стеннинг, главный школьный историк, – друг семьи. Друг миссис Вайни.

Лоре несказанно повезло. Воровства никто не заметил. День за днем она всматривалась в лицо Марг: не появится ли там что-то помимо обычного сочетания презрительной скуки, раздражения от изжоги и недовольства больными людьми, которые почем зря донимают здоровых.

– Слушали бы лучше специалиста, – любит та повторять, а Лора с улыбкой кивает, пытаясь представить, что бы Марг посоветовала в ее случае.

Скоро, утешает она себя, рассеянно глядя на сутулую секретарскую спину, я окажусь там, где меня не настигнет ни чувство вины, ни тем более наказание. И все-таки каждый раз, когда Марг встает (она любительница чаевничать), у Лоры екает сердце. Она потеет, волнуется, ерзает, как

обычный человек, который хочет жить и быть свободным. Что ж, по крайней мере, ее мысли теперь не заняты Петером, а он больше не пытается с ней связаться. Да, несколько не заняты. Он последний, о ком она думает.

Как людям удастся найти время и место, чтобы покончить с собой? Нет, это решительно невозможно. Я, думает Лора, не могу. Завтра четверг, она возьмет на работе отгул и поедет с семьей в Кум-Эбби, на день рождения Марины. А затем – короткие каникулы, вся семья соберется вместе. Может, после них появится больше времени.

В среду вечером, когда Лора упаковывает Маринины подарки, появляется Жужи в *пондюле*.

– Дорогуша, – хрипло шепчет она. – Нам нужно поговорить.

Лора глубоко вздыхает.

– Вообще-то я как раз думала... – говорит она, – те клипсы, они очень милые, но, по-моему... я хочу сказать, она может пораниться.

– Не будь смешной. Нет, это мальчик.

Скрестив на груди руки, Жужи яростно хмурится, но в ее лице есть что-то еще: триумф? интерес?

– Мальчик? – повторяет Лора. – Который?

– А есть еще?

– Нет! Я имела в виду... ох, лучше начнем сначала.

Выясняется какая-то несурезица. По всему выходит, что с мальчиком, который был на дне рождения у Розы, не все ладно: Жужи он больше не нравится.

– Передай ей, – настаивает она, – это запрещено.

Почему? Жужи не скажет. Для Фаркашей и Каройи в этом нет ничего удивительного, но Лоре что прикажете делать?

В день рождения Марина надеется получить: подарочный купон на прокол ушей, увлажняющий крем, слегка обтягивающие джинсы, аудиокассеты, велосипед, канцелярские принадлежности, темно-розовую блузку, носочки с цветным ромбовидным узором от «Астона», домашнего питомца, прозвище, Саймона Флауэрс и обратно ее старую жизнь.

Они приехали рано, чтобы сделать Марине сюрприз. В этот день семнадцать лет назад в общей палате госпиталя королевы Шарлотты на свет появилась Лорина дочь.

В Лондоне они продрогли от холода. В Кум-Эбби их встречает

весеннее солнце.

– Какая *по*-года, – говорит Роза.

Лора, накутавшаяся и навьюченная, как мул, бежит вслед за ней по краю двора, или каре, или как это здесь называется. У нее зудит кожа на лбу. Ни высокие мальчики во фраках, без пяти минут мужчины, ни девочки – златогривые, как лошадки, в отвратительных акриловых блейзерах – не обращают на нее внимания. Прошлой ночью, когда остальные спали, Лора, распластав свои посиневшие конечности по полу в темной гостиной, потратила несколько минут на различные упражнения. И какой в этом прок? Посмотри на их лица, на их молодую кожу. Рядом с ними ты все равно что покойница.

– Марина, наверное, на уроке. Вообще, нам никто не разрешал ее искать... и ей может не понравиться...

– Не будь глупой, – отвечает Роза, расстегивая дождевик стремительным движением, как охотник, свежую кабана.

Марину, впрочем, нигде не найти. Преподаватели и школьники, которые попадают им на пути, ничем не могут помочь. «Можно было подумать, – мысленно рассказывает Лора Петеру, – будто мы туда на руины приехали поглазеть и вовсе не платим им тысячи фунтов за обучение».

Роза все сильнее прихрамывает, Ильди киснет на глазах; великолепная Жужи с фальшивой золотой лисой на шее начинает громко повторять: «Ужасно». Она способна и в класс ворваться.

«Но я не могу без Марины, – думает Лора. – Верните мне дочь».

– Вот что, – говорит она, – я сбегая и найду Марину, а вы... может быть, посидите здесь? Я ее приведу.

Оставив их на скамейке причитать по-венгерски, Лора проносится под каменным сводом и утыкается в тупик; жметя к наружной стене Бьюта, пропуская двух стариков, которые, пришаркивая, несут голубые мешки с постельным бельем; замечает стайку совсем маленьких мальчиков, одетых как армейские офицеры и марширующих по двору, и наконец, разгоряченная и взъерошенная, добирается до Вест-стрит, где девицы в гостиной, ухмыляясь, объявляют, что Марину не видели.

– Что же мне делать? – в отчаянии спрашивает Лора. – Мне нужно знать...

– Я покажу вам ее комнату, – говорит бледная девочка с плохой кожей. – Мы соседки. – И она ведет Лору сквозь нескончаемый лабиринт пожарных дверей, попутно сравнивая Вест-стрит – бывшее общежитие для рабочих – с собственным милым домом в Суссексе, где есть лошадиный загон, двухместный гараж и водобойное озеро, что бы это ни значило.

Спальня, которую она делит с Лориной дочерью, ужасна. В ней три двери: одна ведет в коридор, другая – к пожарной лестнице, третья – «в комнату Билли и Симонетты; вы о них, конечно, наслышаны». Лора кивает. Девушка, Хейди, не сводит жадного взгляда с ее лица. Половина комнаты – это сама Марина: пуховое покрывало от «Лоры Эшли», которое они покупали вместе, подушка, которую так хочется вдохнуть полной грудью, счастливая деревянная ложка от Урсулы, открытки на стене, наполовину загороженной столом.

Тут Лора кое-что замечает. Фотографии в изголовье кровати: Урсула, Кэтти и Кейт на каникулах, любимая мисс Кавердейл из Илинга – с цветами, которые ей дарили, провожая замуж в Канаду, откуда она позже вернулась. А где же снимки семьи?

В школе Марина смущенно помалкивала о своем дне рождения, но после того, как родные прислали ей открытку размером с поднос в специальном, проложенном пленкой конверте, новость быстро распространилась. Провести здесь этот священный день кажется кощунством, хотя некоторые одноклассницы с ней любезны: Ханна Норт, например, сделала для Марины открытку, а Дженнифер де лос Сантос настояла на том, чтобы именинница стала сегодня хранителем Тоффи, вест-стритского талисмана – бледно-голубого котенка в футболочке.

И все равно день рождения должен быть не таким. Марине семнадцать, а она все еще не рассталась ни с медициной, ни с девственностью. Семья прибудет к обеду, после сдвоенной биологии и новой попытки – лакросса, в котором, как оказалось, нет никакого очарования старины, зато есть тяжелый грязный мяч, летающий на уровне лица. Вполне возможно, что она не доживет до обеда; я даже не уверена, думает Марина сквозь слезы, что хочу. А еще Том Томсон, который то и дело ставит девочек на колени, – каждый раз эта сцена ужасно ее расстраивает, что лишний раз доказывает, как плохо Марина приспособлена к здешним порядкам. А еще Урсула и ее письмо с поздравлениями: оно состоит в основном из похвал в адрес остроумнейшей миссис Тайс; им так весело на уроках истории Нового времени, и они пили чай у нее дома в Рэйвенскорт-парке, и услышали от нее историю о девочке, чьей-то старшей сестре, совершенно им незнакомой, которая в свой последний день в школе, на церемонии вручения наград, пробежала голая сквозь толпу. «Наверняка она лесбиянка», – заключила Урсула.

Марина только что пережила утренние классы и идет в кондитерскую за утешительным шербетным леденцом, как вдруг оборачивается – женский

инстинкт. Из Северных ворот появляется Саймон Флауэрс: папка для нот в руке, трогательно-худые плечи. Рядом с ним шагает одноклассница, при виде которой Марина впадает в такое отчаяние, что не сразу замечает третьего человека позади парочки. Это Лора, ее мама.

Когда Лора возвращается, Жужи подновляет губную помаду.

– «Эсте Лаудер», – сообщает она проходящим мимо школьникам. – Тоже Венгрия.

Лора растерянно кивает. До чего глупо вышло – Марина разозлится за то, что она позволила родне свалиться ей на голову.

– Может, нам лучше... – говорит она, и тут сердце чуть не выпрыгивает из груди: ее дочь, ее кровинка, смущенно бежит к ним по краю газона.

Лора, чудом не выронив сумки, торопится ей навстречу. В школьной форме девочку не узнать. Лора сама себя пытается убедить, что Марина счастлива их видеть. Только ради этого и стоит жить.

– Вот она, – говорит Роза. – Лора, ты купила эту юбку? Ужасно. Дорогуша, – пронзительно кричит она через газон, – мы ждем!

Марина, словно губка, которую окунули в краску, стремительно пунцовеет.

– Я... А почему вы так рано? Что-то случилось?

– Смешно, – говорит Ильди. – С днем рождения!

Марина целует бабушек, потом маму. Лора неуклюже наклоняется и кладет руку дочери на плечо, пытаясь подбодрить ее, излить на нее свою большую, неуправляемую любовь – и с тем упуская шанс вдохнуть запах ее волос, о котором мечтала с самого Рединга.

– Но почему...

– Мы, – говорит Лора, – Роза... Решили, что неплохо приехать пораньше. Они решили. Это же ничего, солнышко? Если нет, мы запросто можем...

– Потрясающе, – сияет Ильди, извлекая на свет второстепенные дары: недельный запас морковки, брошюру о первой помощи, баночку шпината со сливками и экземпляр «Интересной жизни» с автографом автора, леди Ренаты Кеннеди, прославленной хрустальными ежиками.

– Дело в том, – поворачивается Марина к Розе, – что я не могу...

– Дорогуша! Я, Жужи, Ильди и Лора приехали из Лондона. Сейчас мы идем в город, находим милое кафе и что-нибудь немного едим.

– Но... Мне нельзя. Я правда не могу. У меня... испанский язык – я теперь учу испанский, ведь здорово?! – и другие уроки, и репетиция пьесы,

и домашние задания...

Сумка качается у Лоры в руках. Почему она не рада нас видеть? А еще эта странная история с миссис Добош...

Марина всегда была патологически честной – Лора прежде в этом не сомневалась. К тому же в Вестминстер-корте дети уважают взрослых и никогда, никогда не лгут. Она смотрит на дочь и видит по лицу: та знает, что Лора знает. «Но что я знаю?» – думает Лора. И что будет дальше?

Дело ведь не в том, что ей обо мне известно? Или именно в этом? Боже! Что, если Марина как-нибудь видела родителей вместе?

– Я думала, мы встречаемся в «Марио», – говорит Марина. – Так мне отпрашиваться у мистера Дэвентри?

– Я не хочу, чтобы у тебя были неприятности, – хмурится Лора.

– Не будь смешной! – встревает Роза. – Я ему скажу.

– Нет! – протестует Марина.

– Солнышко, – говорит Лора, – мы были бы только рады, но если ты думаешь...

Не так-то легко занимать высоты морали, извалявшись в грязи; когда не прошло еще и недели с тех пор, как ты напилась с бывшим (а формально – нынешним) мужем и предала всех, кого знаешь и любишь, когда...

– Мам, – говорит Марина.

Когда...

Снова оно, это чувство: словно погружаешься в болото или зыбучий песок – такую смерть всегда было просто представить. Все безнадежно. Лучше уже не будет. Все ниже, и ниже, и я...

Тут она останавливается. Интересно, что сейчас делает Петер?

За обедом всё, как всегда, беспокойно. Жужи громко сообщает, что официант – идиот, они поют «С днем рожденья тебя», у Марины дрожат губы при виде подарочного книжного купона, но все это ерунда по сравнению с моментом в самом конце, когда Лора подает дочери школьный розово-синий шарф и видит на ярлычке слово «ВАЙНИ».

Она делает вид, что забыла перчатки, и возвращается в Вест-стрит вместе с Мариной. Та похожа на ходячий фейерверк – искрится и тлеет, – но вдаваться в расспросы опасно. Лора набирается смелости лишь у дверей общежития:

– Как дела?

– Ты знаешь. Мы говорили.

– А Гай?

– А что с ним?

– Ни... ничего. Кажется, милый мальчик. Просто...

– Что?

– Ну... – Лора мнется и, войдя в гостиную вслед за дочерью, смущенно улыбается ее одноклассникам. Те утыкаются в телевизор, по которому идет австралийская мыльная опера.

– Мы можем где-нибудь поговорить? – спрашивает Лора.

– Здесь негде, – отвечает Марина трагически монотонным голосом. – У меня нет своего места.

– Ладно. Может быть, здесь? – Лора открывает дверь на другом конце комнаты, где под лестницей стоит таксофон. – Уже почини... м-м-м. И не скажешь, что он был сломан.

– С чего ему быть... – говорит Марина и осекается. – То есть был, на прошлой неделе.

Холодные пальчики ужаса сжимают Лорин желудок.

– Но... солнышко. Есть что-то, о чем я не знаю?

– Нет. С чего вдруг?

Так начинается одна из худших и благодаря жилищным условиям в Вестминстер-корте немногочисленных ссор в их жизни. Лоре не удастся ничего выяснить. Поскольку она понятия не имеет, отчего Жужи невзлюбила Гая, то не может запретить Марине видеться с мальчиком, который ходит с ней в одну школу. Когда она пытается узнать хоть что-нибудь об этом его отце, историке, возмущению Марины нет предела:

– Ты хочешь уничтожить единственный шанс твоей дочери...

– Шанс? – спрашивает Лора. – Какой шанс?

Однако Марина не хочет ничего объяснять, а Лора по ряду причин (ее ждут Фаркаши, ей мешают снующие по лестнице Маринины одноклассницы, а дочь не признаёт над собой ее власти) не может ее заставить. Не самый подходящий момент, чтобы выяснять, счастлива ли девочка в школе; а после нескольких темных намеков на то, что Марина дома никому не нужна («Вы меня просто спихнули»), и совсем уж туманных речей о филистерстве и противостоянии Искусства и Науки возможность упущена окончательно. Марина так похожа на Петера: глядя на ее лицо, невозможно сосредоточиться. Да и есть ли смысл ее ограничивать, когда Лора сама так неискренна?

– Я, может, и не собираюсь становиться врачом, – говорит Марина. – Медицина – еще не все. И вообще, если хочешь знать, это именно мистер Вайни...

– Подожди, – перебивает Лора, – ты что, говорила с ним?

– Разве это запрещено? – Марина краснеет, как рак. Лора наседает:

– Наедине?

По ответному молчанию становится ясно, что она зашла чересчур далеко.

– Если и так, ничего страшного. Для меня то есть. Розы – другое дело, сама понимаешь.

– Но...

– Проблема в том, что... Ты не могла бы держаться подальше от этого Алис... Александра Вайни?

– Но почему?

– Я, я не уверена, – бормочет Лора. – Может, это все пустяки. Ты же их знаешь.

Кросс-кантри: 23-й заезд для мальчиков и 1-й заезд для девочек, Питерсбридж, 14:30;

нетбол против Эпсомского колледжа: VII/1 (Грир), 14:30; чемпионат по гребле в помещении между школами Дорсета и Сомерсета, колледж Святого Стефана, Борнмут, 15:00;

концерт факультета Фицджеральд, зал богословия, 19:00;

киноклуб: «Добрые сердца и короны».

Ильди входит в комнату в тот самый момент, когда Лора вешает трубку.

– Ой, – вздрагивает та, – я не знала, что вы слушаете. Вот. Э-э...

Можно было сейчас же сказать: «Это Петер звонил». Ей нет оправдания. Лора уже три недели знает, что племянник Ильди жив, и до сих пор хранит это в тайне. Если они считают Петера мертвым, то она, по сути, раз за разом его убивает.

– Но, сэр... – говорит Марина, вцепившись в дверную ручку. Разговор происходит сразу после утренних уроков: в это время мистер Дэвентри обычно свистит на площадке для регби, и Марина планировала оставить ему записку. – Неужели для одного предмета нужно разрешение? Это довольно слож...

Мистер Дэвентри сидит во флотском командирском кресле и постукивает перьевой ручкой о большую медную чернильницу: такую мог бы в приступе ярости запустить в кого-нибудь адмирал. Его окружают, словно ангельский сонм, фотографии регбийной команды – портреты, групповые и одиночные, сверкающие мускулами динамичные кадры.

– Очень может быть, – говорит он, – но вы, мисс Фаркаш, не исключение из правил. Что бы вы о себе ни думали.

Мистер Дэвентри считает девочек необучаемыми: брат Люсинды Прентис сам от него это слышал. Возможно, он прав. Марина действительно чувствует себя глупой. Может, если она проявит интерес к его морским макетам...

– Какая... какая это лодка?

– «Королевский ковчег». И это корабль. Не трогайте.

Нужно быть душой, чтобы расплакаться у него на глазах, но Марина до сих пор не оправилась от ссоры с матерью.

– Конечно, корабль, – говорит она, разглядывая картину маслом, изображающую морское сражение. – Да, здесь у него более... корабельный вид.

– Это Трафальгарская битва. Вы показываете на «Устрашающий». Это какая-то шутка?

– Нет, вовсе нет. Я... извините. – Марина озирается в поисках новой темы для разговора. Большой барометр – или это часы? Парусник в огромной бутылке. По виду не скажешь, что хрупкий, но... Она вовремя отдергивает руку. – Ого, бинокль! Я люблю смотреть на созвездия. Можно взглянуть? Отсюда видно игровое поле, или...

– Может быть, закончим на этом? – Мистер Дэвентри прячет бинокль в ящик стола. – У меня много дел.

– Но... Значит, если я не получу разрешения у ма... у родителей, то не смогу поменять предметы?

– Именно так. Разве я непонятно выразился?

Учитывая, как в семье относятся к мистеру Вайни, Марина вряд ли сможет позвонить домой и все объяснить – родным от нее и так сплошное расстройство. Выбора нет: придется изучать медицину. Если уж она побоялась признаться, что скатилась на четверки с двумя плюсами (и даже получила одну без плюсов), то как убедить их в своем желании поменять предметы? Все это, говорит она себе, и затевалось лишь для того, чтобы она стала врачом.

Но...

Что, если она их удивит?

Что, если мистер Вайни прав? По-настоящему образованный человек обязан разбираться в истории. Ильди и Розы всегда были равнодушны к Искусству и Культуре; Жужи и та вечно вспоминает о Риме их юности и о старом дурацком *Musee d'Orsay*^[16].

Тогда как в Кум-Эбби царит бескультурье, особенно среди тех, кто изучает естественные науки. Неделю назад, на химии и биологии, она придумала блестящую шутку о Феликсе Холте^[17], Свободном радикале, и никто не засмеялся, даже учителя! Один мистер Вайни ее понял – сказал, что Марина умна, разглядел в ней потенциал. В конце концов, это отец (она решила не думать о нем как о «папе» или «Петере») хотел, чтобы Марина стала врачом; и хотя в детстве она немного боготворила его и мечтала, как

он будет ею гордиться, в последнее время вспоминает о нем все реже. Возможно, стоит довериться мистеру Вайни.

Это Петер во всем виноват. Лора не хочет опять с ним встречаться, тем более в Блумсбери-сквер – будто проститутка эпохи Регентства, убажывающая клиентов за стакан джина. Он сказал: «Нам нужно поговорить». О чем?

Воскресным днем она торопливо шагает по Бедфорд-плейс, мимо «Селуэй-Альгамбры» и гостиницы «Креста». В груди закипает злоба – на Петера и на мужчин вообще, вечно уверенных, что ты прибежишь по первому зову. «Мне нужно, – решительно думает Лора, – сосредоточиться на других заботах. На благополучии дочери, например».

Наконец ворота... закрыты. Черная деревянная табличка гласит: «ЧАСТНЫЕ САДЫ». Как это типично.

Лора толкает створки. Ворота широко открываются.

Миссис Вайни тут ни при чем. Марина о ней совершенно не думает, когда поднимается по лестнице (с пульсом, явно нездоровым для ее возраста) в комнату мистера Стеннинга. К деканам не принято заявляться без приглашения – вот бы одноклассницы удивились, – однако Марина следует высшему зову. Когда мистер Стеннинг, чуть взъерошенный и без галстука, открывает дверь, Марина думает: секс; но при виде гостиницы обо всем забывает. Прежде всего здесь красиво: почти всё – кремового цвета, включая ковер, так что невозможно представить где-то поблизости близнецов мистера Дэвентри или мускулистые ляжки Билла Солтера. Со стен смотрят настоящие картины и миллион книг по искусству. Бедный мистер Стеннинг, думает Марина. Холостая во всех смыслах жизнь; только миссис Вайни, подруга, в которую он, может быть, тайно влюблен. Марина, если бы не была занята, сама бы им увлеклась.

Чтобы ничего не забыть, она при первой возможности зарисует план его комнаты. Мысль о том, что, пока она скучает в Вест-стрит, миссис Вайни сидит на этом белом диване или на стуле у пианино, почти невыносима.

Мистер Стеннинг готов ей помочь. Услышав, что она знакома с семейством Вайни, что это, собственно, мистер Вайни подал идею, он выглядит удивленным (Марине на удивление), но соглашается.

– Я, наверное, – говорит он, – поговорю с Клайвом.

– С кем, простите?

– С Клайвом. Темплером. Заместителем директора. Помните?

– Да, извините. Но...

– Нет, против рекомендации Александра Вайни он возражать не будет.

С ним я тоже поговорю.

Вот он, потайной сад, мир Вайни; место, о котором Марина мечтала.

– Правда? О, пожалуйста!

– Да, если не забуду.

– Я... могу я... вы мне скажете, что он ответил? Мне бы очень хотелось знать.

– Не сомневаюсь. – Мистер Стеннинг по-взрослому глядит на Марину. – Вы, разумеется, поставили в известность родителей? – Он переводит взгляд на окно. Марина издает неопределенный звук.

– Что вы будете изучать, медицину?

– Да. То есть я ведь могу...

– Вряд ли. Нужен экзамен по химии. Вы не знали?

– Но...

– Ничего страшного. Старине Кендаллу будет до лампочки, говоря откровенно.

Марина смотрит на мистера Стеннинга открыв рот, а потом быстро его захлопывает.

– Да, – говорит она, сглатывая комочек, – наверное.

– Значит, решено. Поздравляю, мисс Фаркаш. Вы приступаете завтра.

– Привет.

– Это большая ошибка. Нет, правда. Если бы на этой чертовой лодке был телефон, я бы все отменила.

Он улыбается.

– Могла бы не приходиться.

– Ну, я...

Зачем она здесь – отменить события прошлой встречи, наказать его? Убедить в том, что нужно поговорить с матерью?

– Погоди-ка... – Петер наклоняется и разглядывает кусок гравия под ногами. Давняя привычка, вспоминает Лора; отсюда, наверное, и происходит Маринина любовь к ископаемым. Лора смотрит на его макушку и думает о прогулках в Кенсингтонских садах, где ее дочь часами копалась в песочнице. В этот момент недобрый ветер, подув сквозь розовые кусты, подхватывает феромоны Петера и бросает их ей в лицо.

Нет! Никогда! Он все такой же подонок. Лора не позволит себя провести. Плевать на прошлый раз – она тогда сошла с ума. Отныне и навсегда Петер ничего для нее не значит. Даже химия умерла.

– Вроде кварц, – говорит он. – Но всяко бывает. Один мой приятель нашел в Престон-парке алмаз.

– Не будь идиотом.

У него на затылке новая складка, нежная бледная кожа – должно быть, пахнет пустым гардеробом. Одна эта мысль заставляет Лору вздрогнуть и резко выдохнуть.

Петер смотрит на нее. Нет-нет, она обещала себе, что этому не бывать. Она человек, а не бланманже. Он причинил горе всем женщинам, которых знал, даже их дочери, черт возьми. Ладно, думает Лора, отходя к чешуйчатому, будто в стружьях проказы, розовому кусту. Вот так.

– Повернись, – говорит Петер.

Лора дергает ветку – судя по виду, мертвую.

– Нет. – Она запечатывает себя, дышит ртом, опускает веки. Свет густой, как первобытный бульон. Если бы можно было сбежать...

– Ну же, – говорит он.

Безнадежно. Она его чувствует даже отсюда – воздух стал маслянистым от капсул секса. Петер не должен к ней подойти. «Пожалуйста, – думает Лора. – Спаси».

Его шаги шуршат по гравии. Лора прижимает пальцы к глазам, пока не появляются оранжево-серые тени и мягкая боль, и, исполнившись ненависти, судорожно вздыхает. Феромоны делают свое грязное дело. Он кладет руки ей на плечи.

– Лора, – говорит он.

Я, думает Марина на биологии, совершила чудовищную ошибку.

Что скажет бабушка... Завтра начнутся короткие каникулы и Марина поедет домой – одна.

Когда Розы или кто угодно другой увидит ее, они обо всем догадаются. Марина поступила ужасно, предала их мечты о ее врачебной карьере – и ведь понятия не имеет, как изучать историю. Что на нее нашло? И что теперь делать?

Нужно сказать мистеру Стеннингу, что она полная дура и передумала.

Нет, невозможно. Нет ничего хуже позора, даже ярость Розы меркнет в сравнении с ним. Мистер Вайни обо всем узнает и расскажет жене, а то и дочери. При одной мысли о том, что Марина – ее странность, ее неудача – станет темой для обсуждения, пальцы ног впиваются в подошву от стыда.

Хуже того: если даже думать об этом невыносимо, то каково будет вернуться в Илинг?

Это ее самый большой секрет, дающий ростки по ночам. С приближением коротких каникул ее все сильнее одолевает мысль о побеге. Как заставить себя вернуться в Кум-Эбби после того, как она неделю проведет в кругу семьи?

Подходит к концу практическое занятие по биологии, но Марина не может найти свиную печеночную артерию, не говоря уже о нижней поллой вене. Едва перевалило за полдень, а она уже так устала, будто всю ночь работала в реанимации. В последнее время она не ложится раньше двух – слишком многое нужно успеть. И речь не только о сочинениях. Марина сидит допоздна и обезвреживает скверну, которая дает себя знать через зловещие предсказания толкового словаря; часами блуждает в кромешной тьме, соблюдая необходимые ритуалы – их становится все больше, будто в новой, ей одной понятной религии.

А утром, стоит открыть глаза, тревога и отвращение тут как тут.

– Сэр, – доносится сзади голос Айво Уильямса по прозвищу «Мамонт», – у меня в кармане слизь.

Класс хохочет, а Марина замирает со скальпелем в руке. Внезапно она понимает: из Кум-Эбби можно уйти, если школа сгорит дотла или здесь случится какой-то скандал. Другими словами, если не останется выбора. Но если скандал – то какой?

Этот раз не похож на прошлый – никто никого не целует. Так даже лучше: Лорины руки не ложатся вдруг на его затылок, не стискивают плечи; он не прижимает ее к груди – только приобнимает, и они застывают так на какое-то время, словно пара, потерпевшая кораблекрушение и наблюдающая, как последняя спасательная шлюпка идет ко дну.

Наконец Лора замечает, что стоит на клумбе, спиной к дереву, которое трется о ее спину грубой корой, как большой отчаявшийся зверь.

– Что мы делаем?

Петер улыбается.

– Я по тебе скучал, – говорит он. – Очень. Думал, ты меня так ненавидишь, что...

– Правильно думал.

– Марина не захочет меня увидеть?

– Нет, – отвечает Лора, впиваясь ногтями в ладонь.

– И я не знаю, как быть с матерью. Никакого проку от меня, да?

Ее мозг топчется в нерешительности, как лошадь перед барьером. В голову не приходит ничего умнее, чем:

– Пожалуйста! Нам правда нельзя.

– Что?

– Сегодня. Нам. Встречаться вот так. Петер, пожалуйста. Задумайся.

– Почему? Все ведь отлично.

– Не отлично. Как у тебя язык поворачивается? Я...

– Я не в том смысле... Нет-нет, не надо слез. Иди ко мне.

– Нет, не пойду! Я не расстроена – я, если хочешь знать, злюсь.

– Все честно.

– Зачем ты говоришь эту чушь?

– Слушай, я... Когда я вернулся в Лондон, я не знал, что делать. Встречаться ли с тобой и как.

– Что? Ты еще сомневался? Это...

– Я не знал, как быть. Подумал, ну, от мамы далеко, Лондон большой – вот что я подумал.

– Я тебя не искала.

– Знаю. Просто я решил, что можно, ну, сказать «привет». Написать тебе на мамин адрес. Я знал, что ты там живешь.

– Откуда? Знал? Что еще ты знал?

– Мало что. Слухи доходили.

– Кто тебе говорил? Ничего себе, за мной еще и шпионят?

– Нет, конечно. Ну, там, ребята. Из Лондона, из прошлого, сама знаешь. Кое-что слышал время от времени. Знал, что все чуток... В общем,

я по тебе скучал.

– Зачем тогда бросил?

Сумасшедший, думает Лора, другого объяснения нет. Он страдал? «Пропавший человек», – всплывает вдруг в голове.

Нетнет, нужно бороться с жалостью. Он ее не заслуживает.

– У тебя, наверное, было полно подружек, – раздраженно говорит Лора.

– Ага, – соглашается он, и еще один горячий кусок, оторвавшись от ее сердца, падает на гравий. – Но... – Он пожимает плечами. Лора ободряюще поднимает брови. – Сама знаешь, как бывает.

Лора вдруг очень ясно видит со стороны, как вышибает себе мозги.

– Нет, не особенно, – говорит она. – У меня на это не было времени. Я воспитывала нашу дочь. И потом, это же ты от меня устал, помнишь? «Лораберетизмором» – так ты говорил.

– Черт... Что, правда?

– Да. Господи... Как ты можешь...

– Вот я козел.

– Это даже не... ладно, проехали.

– Вот-вот. Когда об этом думаешь, хочется убежать обратно, так что... это самое большее, на что я способен. Быть здесь. Пытаться познать дзен. Вообще, я хотел тебя спросить: что мне теперь делать?

Лора вздыхает.

– Вряд ли я... Понятия не имею. Найти работу, наверное? На что ты живешь?

– Скопил денег в Уэльсе. Я был, – улыбается он, – садовником.

– Ну, садовником так садовником. С чего-то начинать надо. Или, не знаю, возвращайся туда. Что бы ты здесь ни искал, это...

– Нет, я имел в виду, что делать с другими? Я должен их увидеть. Розы и остальных. Я подумал, что надо, ну, извиниться. Но боюсь сделать им еще хуже.

– Господи, Петер, я...

– Нет, правда. Я собой не горжусь. Но стараюсь измениться. Вроде бы. С тех пор, как бросил пить, я, ну, ходил на курсы.

– Неужели? Учился ремонтировать вагоны? Нет, это вряд ли.

– Серьезно. На терапию. Так и знал, что будешь смеяться. Мужская дружба. Шаманизм, тантра, медитации; ерунда в основном, не спорю – просто удобный повод для самовлюбленных скотов пожалеть себя и продолжить ходить налево.

– Я тебя умоляю.

- Но это помогло.
- Что «это»? Что в этом было сложного? Что...
- Не кричи.
- Это какой-то сумасшедший сон.
- Ага. Суть в том, что теперь я себя *прзн...*
- Прости?
- Прзн.
- Я не слышу. Ты себя что?

Петер поднимает на нее взгляд.

– Я себя признал, – говорит он, и по его лицу разливается легчайший румянец.

- Ты...
- Я понял, что собой представляю.

Лоре ужасно хочется его ударить. Она еще раньше обняла себя руками, а теперь, будто рефери на ринге, усилила хватку.

– Правда? Наконец-то. Только вряд ли ты представляешь, какой...

– Безответственный, эгоистичный, бла-бла-бла. Ну да, все так. Чистая правда. Был и остался.

– И гордишься? Этому тебя научили на курсах? Господи, ты невыносим.

– Знаю. Но быть мужем, извини меня, хорошим сыном, отцом – после того, что случилось с моим папашей... Я не смог. И чем хуже становился, тем сильнее ненавидел... ну, это и так понятно. Так что подумал: слиняю, и дело с концом – но стало только хуже. А, к черту!.. Я получил по заслугам. И знаешь что? Я все равно думаю, что так было лучше всего.

Лора содрогается от ярости.

– Что?

– Знаю, было нелегко. Но я бы попортил крови, если б остался. Вам... обеим.

– Ха-ха.

– Я хотел быть подальше от тебя. Зря я тебе написал.

– Да, тут ты прав, – говорит Лора. Она подхватывает сумку и думает: «Этот чокнутый кобель у меня уже в печенках сидит. Утешает лишь мысль о тусклых пузырьках с таблетками в сахарной облатке».

– Есть еще кое-что, – говорит он.

Другая женщина. Может, десятки. Как глупо, думает Лора – вернуться из страны мертвых и остаться ни с чем.

– Что?

– А может, и нет. – У Петера, по его меркам, почти серьезный вид. –

Скажу в другой раз.

– Другого раза не будет. Это самый дурной и самый глупый поступок в моей жизни. Я не только... Я...

Она думает: «Я могла бы сказать ему, что была плохой матерью – тогда он, возможно, меня заменит. Разве будет хуже?»

– Не знаю, – неуклюже кашляет он. – Нет, давай забудем. Так будет лучше.

– Пит, ты уже начал. – Ей хочется остаться наедине со своим огромным несчастьем. – Ради бога, хватит драматизировать. Выкладывай.

На его лице появляется странная кривая улыбка.

– У меня типа рак, – говорит он.

Часть вторая

Выпускники Кум-Эбби во все времена были большим разочарованием. Слабая склонность к либерализму, скромный целевой капитал, пожалованный родичем тучной королевы Анны, примечательная уродливость старых строений и запоздалость всех новшеств, от лабораторий до женского образования, – вот причины, по которым школа никогда не блистала учениками, как Регби или Мальборо. Тем больше здесь ценились знаменитые выпускники или те, кого можно объявить таковыми: разведчик, непопулярный заместитель премьер-министра послевоенных лет, автогонщик, исключенный из подготовительного класса, а также, как ни странно, один или два автора второсортных детских романов, по нынешним временам слывущих двусмысленными.

Впрочем, школе, как ни крути, нужна история, и еще больше – деньги. Три директора тому назад финансово неблагонадежный капитан Портес изобрел почти все ее древние традиции. Их кульминацией в конце зимнего триместра, незадолго до капитанского дня рождения, стал День основателя: череда концертов, регбийных матчей, вечерних служб, денежных сборов, пиров, а под конец праздничной недели – до неловкости пышная церемония, в ходе которой мальчики, наряженные в костюмы известных исторических деятелей, обходят Луг основателя и присоединяются к марширующему оркестру. На этом торжестве и зиждется репутация Кум-Эбби как «чрезвычайно артистичной школы». Ученикам неустанно напоминают, что «совместная работа есть традиция, освященная временем». Независимо от наличия голоса и актерских талантов, участвовать обязан каждый. Бывалые старшеклассники сообщат вам, до чего это скучно, однако менее опытные, вроде Марины, возлагают на День основателя, до которого теперь остается месяц, большие надежды. Родители и крестные будут рядом: хороший повод покрасоваться. К тому же всякий праздник приносит известную долю неразберихи. Чего не бывает в такие дни! Можно расстаться с девственностью.

Воскресенье, 12 февраля

Утренняя служба: капелла, 9:00, его преподобие Джонатан Хитч, пастор Мелкумского прихода, гимны 285, 57, 297;

начало коротких каникул.

Наконец-то Марина дома. Она пережила еще полтриместра в Кум-Эбби, чуть не сошла с ума от тоски по родным и готова упасть в мамины объятия, забраться к ней в карман, заплывать в рот, как малек зубатки. «Я, – торжественно клянется Марина, – никогда не буду сердиться ни на семью, ни на перетопленные батареи, ни на любопытных венгерских знакомых, которые расспрашивают о месячных, – никогда!»

Надолго ее хватает? На десять минут? На пять?

В первый же вечер бабушки наперебой предлагают ей: сделать стрижку, выпить чаю у леди Ренаты, щегольнуть красотой в «Фемине». Все внушает ей чувство вины. Если кто-нибудь спросит о химии, правда выйдет наружу.

Однако никто ни о чем не спрашивает.

Дома совершенно нечем заняться. Короткие каникулы в Илинге начнутся только через неделю. Трудиться на крошечной кухоньке рядом с мамой, видеть каждую ее черточку – волосы в муке, руки в сахарной пудре, передник в петрушке – невыносимо. Марина переводит взгляд от ее затылка на сковородку и печально вздыхает. Надежды на переписку с матерью Гая оказались бесплодными, но можно, думает она, написать еще раз. Вдруг миссис Вайни ее пригласит. Вдруг она только и ждет удобного случая.

– Мне точно никто не звонил? – спрашивает Марина.

– Никто, солнышко.

– Потому что я жду звонка от, м-м-м, подруги, насчет домашней работы. Просто подруги. Ее зовут Нэнси.

Марина знает, что несет чушь, и чересчур нервно перемешивает томатный соус, но маме, как видно, довольно и этого. Нет, правда, можно подумать, она сама хочет, чтобы ее обманули.

В понедельник мама и бабушка идут на работу, Ильди – в библиотеку, а Жужи встречается с Шари Перлмуттер в бассейне («Маринака, не хочешь похудеть?»). Ей оставили на обед суп из фасоли с сосисками, мясной рулет и апельсин, дали денег на новую выставку Пикассо и запретили кусать губы («Потому что, – сказала Роза, – ты похожа на сумасшедшую девочку»). И, что самое ужасное, сегодня День святого Валентина. Разве такое возможно – ходить в школу со смешанным обучением (а по сути, в школу для мальчиков) и не получить открытки? Марина боится, что возможно. Ей никогда не дарили настоящую валентинку. Если мама Гая или его сестра спросят, что она получила в этом году, Марина соврет.

В ожидании почты можно сойти с ума. Она тайком ищет Венгрию в атласе, но вместо Паласлани в Карпатах находит только русский Польслав. Вдруг ее пригласят в «Стокер» и мистер Вайни опять заведет разговор о географии?

Интересно, что сейчас делает мистер Вайни? А миссис Вайни? Думают ли они о Марине?

В наши дни многие врачи уверены: осведомленный пациент – счастливый пациент. Они держат в приемных полезные схемы и анатомические макеты, которыми их охотно снабжают торговые представители фармацевтических компаний. Это несложно.

Однако Алистер не из их числа.

Как же Лоре узнать то, что ей нужно? Маринины учебники биологии не помогли: из них, похоже, вырезали все упоминания о болезнях, будто какая-нибудь ряска важнее человеческой слабости. Где-то в приемной может найтись информация, способная спасти Петера или по крайней мере ответить на вопросы, которые Лора не осмелилась задать, – и она тайком листает устаревшие справочники, внимательней обычного выслушивает жалобы пациентов, ждущих осмотра, и наконец перед самым закрытием находит в глубине картотеки маленький пластиковый макет человеческого торса.

– Ты выписала направление для миссис Трент? – напоминает Марг. – Главный спрашивал.

– Секунду, – отвечает Лора, – я только... я...

Как после стольких лет можно прийти в замешательство при виде внутренних органов? Эти красные фасолинки, наверное, и есть почки. Лора касается одной из них пальцем – на самом деле гладит. Вот бы, думает она, посмотреть на них, как смотрят в мексиканских церквях на металлические сердечки и ножки, и одним взглядом исцелить человека. В безнадежных обстоятельствах иногда случаются чудеса; но вдруг ты исчерпаешь отведенный тебе запас, а потом не сумеешь помочь своему ребенку?

В автобусе по дороге домой Лора устраивает себе разнос. Нельзя пять недель жить мечтой о каникулах, а с их приходом бродить, как в тумане, с ужасом ждать, когда Марина снова покинет дом, и при этом всеми силами ее избегать. Разве прошлым вечером ты утолила тоску по дочери, пока была рядом? Проявила терпение и снисходительность, увлеклась ее историями о скучном мистере Кендалле и жестоком мистере Понде? Нет, нет и нет.

Только на Москоу-роуд она понимает, что забыла отправить дочери

валентинку. С ней такое впервые. Раньше Марина всегда получала открытку: и в детстве, когда для счастья хватало материнской любви и тисненых котят, и подростком, когда Лора терялась в раздумьях, какая подпись заставит дочь поверить в будущую любовь и не внушит ей ложных надежд, что открытка пришла от какого-нибудь прыщеватого школьника или, хуже того, от отца. В этом году ей кажется, что обычный компромисс:

? [мама]

не сработает. Марина так легко выходит из себя; с возрастом она становится все раздражительней. Что ж, думает Лора, отпирая входную дверь, теперь-то поздно – не станет же она подделывать штемпель.

– Есть кто дома? – кричит она с порога.

А потом видит цветы.

На обеденном столе благоухает, по крайней мере, десяток пухлых нежно-кремовых роз. Марина по-заячьи недоверчиво смотрит поверх букета. У Лоры пересыхает во рту. Она едва смеет спросить:

– Что это?

Марина громко сглатывает комок и краснеет.

– Я... ты знаешь, что сегодня День святого Валентина?

Лора кивает.

– Я догнала человека, который их принес, – говорит Марина. – А он только ухмыльнулся. Так грубо – как будто это не мое дело. Я... ты не ждала ничего такого?

– Нет, конечно, – немного резко отвечает мама.

Будет странно, если она их коснется? Выпуклые лепестки похожи на женские груди. При виде букета ей сразу подумалось: Петер. Бывают же глупые мысли! Нужно выкинуть его из головы.

– Солнышко, – неуклюже говорит Лора, – ты должна знать, кто их тебе прислал.

Маринино лицо расплывается в улыбке.

– Ты думаешь, это мне?

– Кому же еще?

– Да, больше никому.

Лора изображает восхищение.

– Какие красивые! – говорит она. – Наверное, они от того мальчика, Гая?

– Ты думаешь? – поникшим голосом спрашивает Марина.

– Но ведь больше не от кого? Хотя, чем гадать, лучше посмотри.

– Я не...
– Разве карточки не было?
– Чего не было?
– Глупенькая, – говорит Лора, – вот же белый конверт.
– Ой, я подумала, это счет. – Конверт норовит выскользнуть у Марины из рук, и она разрывает его зубами. – Сейчас посмотрим, – говорит она и вдруг меняется в лице. – Ой...

Лора благопристойно отводит взгляд, но разве в ту же секунду в ее собственном сердце не загорается искра надежды? Будем считать, что нет: ведь она мать. Она берет открытку и видит:

*Edes Zsuzsi,
Virag viragnak.
Imre.*

У нее за спиной с треском хлопает дверь Мариной спальни. Лора затворяет свое сердце.

От Петера ничего не слышно. Он сказал, что выйдет на связь, когда появятся новости, а это может означать что угодно. Воображение рисует все более причудливые картины: призрачное сообщение на телеэкране посреди шестичасовых новостей; конверт, который сбросит на ее печатную машинку пролетающий голубь. Лора по сто раз на дню решает вернуться на лодку или послать письмо. Петер все время рядом: дышит ей в ухо в битком набитом автобусе до Бейкер-стрит или, блестя каплями пота на лбу, обнимает ее в ванне – грудь к груди, губы к губам.

И все же каждое утро, когда Лора просыпается на диване с ощущением зуда от вековой пыли, ее раз за разом огорошивает тот факт, что Петер болен. Или это не факт? Нет ли ошибки или надежды на излечение? Невозможно сосредоточиться на работе, когда на тебя со всех сторон льются потоки чужих болезней: подробности от врачей-консультантов, урологические отчеты, исследования ужасных опухолей кишечника, гортани и языка, над которыми она раньше могла украдкой всплакнуть и к которым теперь стала невосприимчива.

Разве рак почек намного лучше? Петер сказал, что да. Что означает ремиссия: это только на время или болезнь отступает? Лора с трудом смогла его об этом спросить. Петер говорит, что «засранца» вырезали и все будет хорошо, «если ничего не осталось», а так это или нет, его хирург узнает на днях.

Как, во имя всего святого, рассказать об этом Розе и остальным?

У Лоры чуть ли не впервые в жизни пропал аппетит. Она рассеянна, даже когда Марина рядом. Мици Саджен приносит мужу питательную говядину и ячменный суп, а у Лоры нет сил даже для ненависти. Все равно ее скоро уволят – если не за таблетки, то за плохую работу, – и как тогда они выживут?

Марина стоит в телефонной будке возле станции метро «Куинсуэй» и набирается духу перед звонком. Сбежать было непросто. Розе вознамерилась взять ее на прогулку с миссис Добош и Натальей. Марина всего лишь добилась отсрочки до завтра.

Разговор запланирован давно. Дрожащие пальцы сжимают автобусный билет, на котором Марина набросала темы для беседы – на случай, если трубку возьмет мистер Вайни. Или миссис.

Впрочем, когда Гай подходит к телефону, забыто все, даже простые любезности.

– Ты всегда такая сварливая, – говорит Гай.

– Ничего подобного, – отвечает Марина. – Это голос такой.

Однако она действительно не может с ним говорить – после поцелуев забыла, как это делается, и вообще разучилась вести себя в обществе. Марина вешает трубку и слушает, как за стенами будки завывает ледяной ветер разлуки. «Пожалуйста, – думает она, – не бросай меня. Иначе как я опять увижусь с твоими родителями?»

– Это Лора, – говорит Лора по телефону, сидя в приемной и не сводя глаз с двери. – Я... Мы с Петером... Мне очень нужно, чтобы он мне позвонил.

– Не знаю, – отвечает Сьюз, девушка Йенсена. У нее как раз такой американский акцент, к которому благоволят красивые скандинавы со склонностью к случайным половым связям. – Я позже его увижу. Может, тогда попробуете.

– Но... нет. Нет. – Слово садится между ними на телефонной линии, мрачная единица мощности. – То есть мне нужно сейчас. У меня только десять минут, перерыв на обед. Потом я не смогу. Пожалуйста. Петер сказал, что можно связаться с ним через вас. Он так сказал.

– Ну, что тут поделаешь? У меня йога, я не могу выйти в сад и...

– Подождите, он в саду?

– Нет, конечно. За садом. На лодке.

– Не понимаю. Его лодка за вашим садом? В смысле, припаркована?

– Пришвартована, да. Моя йога...

– Так. Извините. Значит, вы живете рядом с рекой?

– Да. В большом доме. Мой бывший муж – музыкальный продюсер.

Лора знает людей, которые одним усилием воли могут заставить других, незнакомых, им подчиниться. Роза это умеет. Марина однажды научится.

– Послушайте, – говорит Лора, – я знаю, что у Петера... рак. И мне нужно выяснить, что сказал его врач. Пожалуйста. Очень нужно. Поэтому, если вы можете... – Голос дрожит, но она продолжает: – Найдите его и попросите подойти к телефону. Пожалуйста.

И Сьюз говорит:

– О'кей.

Люди, размышляет Марина, похожи на кольца для салфеток: на одних есть проба, на других нет.

В жизни каждого человека должны быть моменты, которые поддаются научной оценке – и сразу ясно, кто чего стоит. Если в каком-то возрасте – скажем, в семнадцать лет – ты не достиг определенного роста, или не можешь пробежать мило за восемь минут, или не получил ни одной валентинки, разве из этого не следует официальный, практически медицинский факт: лучше уже не станет?

Утренняя почта: ничего. Дневная, на которую Марина, мечтая о судьбоносном письме, всегда возлагала особенные надежды: пусто. Дома никого нет. Она протыкает иголкой кожу на ладони и думает: мне феерически скучно. Эпически скучно. Катастрофически...

Это не помогает. Марина погуляла с Ильди в Кенсингтонских садах, приготовила Жужи прекрасную чашку кофе и согласилась отнести голубцы «бедным девочкам» из седьмой квартиры, мужеподобным миссис и мисс Фиш, получив в награду жесткую карамельку и часовой допрос. Теперь она печально возлежит на диване, как викторианская поэтесса. Марину мутит от всякого воспоминания о Кум-Эбби, а все детские удовольствия, которые могли бы ее отвлечь – комиксы о Снуппи или звонок Урсуле, – утрачены безвозвратно. Теперь, когда она начала постигать глубину своей социальной неадекватности, нельзя терять ни секунды. Прошлым вечером она взялась за «Возвращение в Брайдсхед», заставившее ее рыдать от досады и на книгу, и на саму себя. Может, стоит прочесть то, что приглянулось бы миссис Вайни; в «Стокере» Марина видела на прикроватном столике «Винни-Пуха» в тканевом переплете, захвачанном несколькими поколениями аристократических детских ручонок. Где-то в Вестминстер-корте есть старое издание «Ветра в ивах» – может, в буфете у нее за спиной, где мама хранит старые письма и детскую обувь. Через минуту, думает Марина, если никто не объявится на пороге и не предложит ей руку и сердце, она посмотрит.

Однако запах Жужиных роз ее отвлекает. Квартира полнится звуками, в другое время слишком знакомыми, чтобы их замечать, – тикают часы-тарелка, шелестят вешалки для одежды в соседней химчистке, бьется в агонии холодильник – и ни один не утешает, как раньше. Семья к ее страданиям невосприимчива.

Тем временем в Стаурпэйне, округ Блэндфорд-Сент-Мэри, Саймон Флауэрс проводит каникулы в лоне семьи – ест булочки, любит

полевыми цветами и, надев черный галстук-бабочку, упражняется за роялем. Марина представляет, как стоит рядом, переворачивая страницы, или даже чудесным образом подыгрывает на втором инструменте, ярко-белом, – и от несбывшейся любви щемит в горле. Почему она так запуталась после знакомства с Вайни? Ей открылось, до чего ложными были ее ориентиры, насколько сама она вульгарна и далека от изящества. Если люди вроде миссис Вайни не видят внутренней красоты в таких, как Саймон Флауэрс, то они, возможно, не так уж не правы? Что, если, вяло размышляет Марина, музыканты не так обаятельны, как ей представлялось?

Может, пора от него отказаться?

Во вторник, в конце долгого паршивого дня, к Лоре подходит Ильди с книгой в руке. Роза ушла на благотворительную встречу, Марина и Жужи сидят по комнатам. Лора думает: «Господи, она хочет, чтобы я ей почитала». Днем на работе Марг подошла к телефону и проворчала на всю приемную: «Тьфу ты, трубку повесили». – Лора уверена, что звонил Петер. Ситуация совершенно безвыходная. Он говорит, что объявить остальным о приезде в Лондон – его забота, но не торопится, а ложь тем временем растет. Не придется ли самой им признаться?

А поверх всего, будто слой пепла, одна мысль: через четыре дня Марина вернется в школу.

Ильди протягивает ей книгу.

– Что это, дорогуша?

– Простите, понятия не имею. Мне не было писем?

Обычно, сделав что-то плохое, люди либо раскаиваются, либо слепо продолжают грешить. Как это им удастся – вести себя за руку от преступления к преступлению с той же легкостью, с какой гуляют по лугу, вытаптывая цветы? Она, Лора, знает, что тайные встречи с Петером – ужасное злодеяние, но ее это не останавливает.

Ильди, похоже, ее не услышала.

– Это важно, – говорит она, беспокойно оглядываясь на дверь Марининой спальни. – Я искала словарь и находила это на полке Маринаки. Я не знаю, что делать, и жду тебя.

Лора опускается на стул. Радиотерапия-радиотерапия – слова звенят в голове, будто имя любимого человека. Несмотря на обрывочный секретарский опыт, ей почему-то трудно запомнить те скудные факты, которые сообщил ей Петер: что именно с ним делали до операции и что еще сделают, если новости будут плохими. Она может вообразить его

облысевшим и измученным болезнью, может представить его могилу; однако эти мысли нелегко отделить от воспоминаний о матери, когда та умирала – и могла бы поправиться, если бы Лора или персонал больницы при Эстон-парке проявили больше усердия. Почему, размышляет она, так хочется спать? Положить бы голову на стол...

– Дорогуша, – говорит Ильди. – Пожалуйста.

Лора, только чтобы ей угодить, берет книгу и смотрит на обложку.

– А, Александр Вайни. Это ведь по учебе? Это не тот... Боже, Ильди, что случилось?

Милая Ильди морщит кукольное личико и всхлипывает – тихо и вежливо, как героиня Джейн Остин, получившая трагическое известие. Лора, как ни старается, не может ее утешить.

– Ничего не понимаю. Что Марина наделала?

Лора не помнит, что ей полагается знать. Может, сказать, что Жужи к ней уже обращалась?

– Это неприемлемо, да? – Он довольно привлекателен – во всяком случае, на фотографии. И что может быть оскорбительного в исторической книге? – Неприемлемо? Вообще-то я...

– Нем, нем, – говорит Ильди, разыскивая в карманах платок. – Нем ту дом. Просто... Просто...

– Вы же не из-за войны так расстроились? И не знакомы с ним, нет?

– Нет! – оскорбленно отвечает Ильди. – Я? Нет, вовсе нет.

– Что ж, если честно, – говорит Лора, листая страницы, – я не вижу причин... ой, здесь что-то есть. Смотрите-ка, автограф. Как мило: «Марине, моей пылкой поклоннице». «До...» – тут неразборчиво. «Всего самого, Александр Вайни».

– Мерзость, – говорит милая Ильди.

– Слушайте, пока мне не скажут, в чем дело... Это что-то личное?

Наверняка личное, что-то из прошлого, с содроганием думает Лора. Это еще одна ее слабость. До нее не раз доносились обрывки историй, невыносимо ужасных даже в цензурованной версии для детских и английских ушей. Конечно, стоило подойти к вопросу с умом: тактично расспросить обо всем, а после аккуратно передать дочери факты пополам с утешениями. Лора этого не сделала. Даже то небольшое, что ей было известно, она из трусости и эгоизма похоронила в глубине памяти, как неопытный расхититель гробниц, который закапывает чудовищную находку – нечто бледное, мокрое, мягкое – обратно в яму.

В комнате Розы вдруг замолкает радио.

– Скорее, бери, – шепчет Ильди. – Выброси в мусор, снаружи. И скажи

Марине...

– Я не могу! Я ничего не понимаю...

– Никогда в этом доме. Ничего о нем. Ты должна сказать ей. Это будет убивать Розы. Нельзя позволить ей знать.

Марина пишет Гаю замысловатое письмо. Все должно быть на высшем уровне; ни в одной мелочи – от цвета чернил до облизанной марки – нельзя допустить ни намека на то, что у Вайни зовется безвкусицей. К сожалению, подручные материалы оставляют желать лучшего. Не взять ли в «Фемине» почтовой бумаги с водяными знаками? Марина трижды забывает написать букву «е» в виде греческой «ε». Гай может и не заметить, но от миссис Вайни такое не ускользнет.

Содержание письма продумано давно, но тон подобрать непросто. Миссис Вайни будет интересно услышать о сельскохозяйственной выставке в Музее Виктории и Альберта, хотя Гай скажет, что Марина выпендривается. Не впечатлят его и Маринины мысли о романе «Положитесь на Псмита» и о малоизвестных работах Э. Ф. Бенсона. Гай даже не станет обсуждать, стоит ли его отцу согласиться на профессорство в Эксетере – Марина слышала в «Стокере», как мистер Вайни говорил об этом с везучей Горацией.

Как узнать, что он решил? – беспокоится она, рассеянно отрывая ноготья на пальце ноги. Это ведь скажется на ее собственном будущем. Кембридж для истории не годится, слишком далеко, да и мистер Вайни не одобряет: «чересчур много выскочек». И потом, у него там враги: кто-то занял его законную кафедру. А Оксфорд – старомодная рухлядь. Его собственные слова.

Марина ужасно подавлена, будто ее отругали. Она притворяется, что устала, и подолгу лежит в постели наедине со своими тревогами. Всякий раз, когда она думает о Кум-Эбби – о заразе, которую распространяет, о грядущем туда возвращении, – на глаза наворачиваются слезы. Марина наполняет ванну. Если мама зайдет справиться о дочкином самочувствии, она ей все расскажет.

Однако мама не приходит. Она даже не замечает, что ее единственный ребенок беззвучно рыдает под водой почти полтора часа.

Тогда Марина решает последовать бабушкиному совету и идет в парк. Здесь хорошо, думает она, отдирая от платана лоскут коры. Ей нравится свежий воздух. Потом, у статуи Питера Пена, она замечает миссис Загуши с внуками и прячется за деревом, пока они не уходят. Вечером, посреди ужина, Марина раздражается плачем.

– Что случилось? – спрашивает Жужи. – Хочешь радио? Музыка?

– Н-нет.

– Дорогуша, – говорит Ильди, – я буду готовить что-либо другое. Суп?

Но Марина, выдавив улыбку, протискивается мимо двоюродных бабушек и вокруг стола – к маме.

– Что, милая?

– Я...

Она встает рядом, потом всем телом прижимается к маминому плечу, но та, хотя и гладит ее по щеке, ничего не понимает. Да, наверное, и не может понять. *Sunt lacrimae rerum*^[18], думает Марина, и слезы бегут по ее лицу.

Когда все отходят ко сну, Лора в узорчатой поликоттонной ночнушке – леди Макбет Бейсуотерского района – тихонько стучится в дверь Мариной спальни.

Суетливый шум, хлопает ящик комода.

– Войдите, – отвечает Марина, будто директор школы, и Лора украдкой переступает порог. В темноте она садится на край кровати и испуганно улыбается, глядя на пятно черноты – должно быть, волосы. Всякий раз, целуя спящую дочь, она представляет ее убитой на черной от крови подушке. Марина молчит. Лора тянет руку – неуверенно, будто навстречу покойнику.

– Что? – спрашивает Марина. У нее обескураживающе теплая кожа. В глазах маслится отблеск уличного фонаря. – Ты забыла купить теннисную ракетку. Моя слишком старомодная, такими сейчас никто не играет.

– Сходим в «Лиллиуайтс», – шепотом обещает Лора. – Я не хотела тебя будить, только проверить зашла.

Почему Марина не спит? Ей грустно? Она сомневается в маминой любви? Лора могла бы рассказать ей, что такое любовь. Она бы сказала: «Когда мы не вместе, даже думать о тебе почти невыносимо; костяшки пальцев, плечи – все болит, не переставая. Иногда, в автобусе, приходится прятать глаза под солнцезащитными очками. Отпустить тебя в Кум-Эбби – самый ужасный поступок в моей жизни. Ну, почти. А когда ты узнаешь об отце, я опять тебя потеряю».

– Мам, мне пора спать, – говорит Марина.

– Конечно. Прости. Прости. У тебя много уроков? Ты счастлива? Счастлива там?

– Сама знаешь, что много. Я говорила.

– Да. – Она застенчиво гладит Маринину руку под одеялом. Почти все

избыточные проявления ее материнской любви продиктованы мыслью, каково ей будет, если она отложит их на завтра, а Марина внезапно умрет. «Условная жизнь» – называл Петер эту робкую разведку территории, о которой нельзя помыслить. Он вежливо удалился, так и не открыв Лоре, куда это может ее завести. Возможно самое худшее: что, если завтра Марину собьет автобус, или (потому что ее маму всегда ужасали истории о подростковых побегах, а неистовая душа дочери внушает ей страх) что, если Марина выскользнет из квартиры и растворится в ночи? Лора ищет в ее лице признаки невыносимой тоски по дому, но Марина не делится чувствами. Единственная зацепка – ее желание, чтобы мама всегда была рядом, но полагаться на это нельзя. В любом случае лучше держать дистанцию. Наверное, думает Лора, этого она от нее и ждет.

«Останься, – думает Марина. – Пожалуйста, пожалуйста, останься». Мама носит затертую до дыр ночную рубашку, которую Розы хочет пустить на тряпки. Марина решает: она ее сохранит. Она придвигает пальцы к руке, которая гладит ее по плечу – ближе, ближе. «Останься со мной».

– Кстати, – неуклюже, как неопытный соцработник, произносит Лора. – Там... там у тебя на полке новая книга по истории, и я подумала: откуда она? – Марина напрягается. – То есть можешь не говорить, если...

– Стоп. Ты что, рылась в моих вещах?

– Что ты! Нет-нет. Я...

– Как же тогда?

– Это не я ее нашла. По-моему...

– Это моя частная собственность!

– Ш-ш. Да, я знаю, но...

– Кто? Жужи?

– Я... Послушай, мне всего лишь нужно узнать, откуда она.

Стремительно откинув одеяло, Марина садится.

– Тебе-то что? – шипит она. – Это личное, мое личное дело. Я не обязана отчитываться.

– Но...

– Ты ничего не знаешь о моей жизни, – говорит Марина плаксивым голосом. – Даже не представляешь.

– Милая... – Лора снова тянется к ней, но Марина отдергивает ногу. – Все совсем не так. Просто я обещала...

– Что? Ты меня обсуждаешь у меня за спиной?

– Я...

– Так вот, не смей!

– Солнышко, ну пожалуйста! Они... я сама не понимаю, почему они так волнуются, – вероломствует Лора. – Наверняка какая-нибудь глупость, но деваться некуда: им не нравится книга или автор. Помнишь, мы говорили об этом в школе: Александр Вайни...

– Он потрясающий человек.

– Хорошо, хорошо. Не отталкивай руку. А ты что, писала ему? Нет-нет, это нормально. Я в свое время осаждала письмами Кристофера Робина, обрывала телефон в его книжном ма...

– Что значит «не нравится»?

– Ну не сердись. Может, это и правда плохая идея – вступать в переписку со знаменитыми авторами. Мужчинами. Хотя вряд дело в этом. Розы... то есть, они этого не одобряют. Лучше не надо. Или это было, когда вы, когда вы встретились?

– Нет, это неслыханно, – говорит Марина. – Господи, да я могу общаться с кем захочу! Я взрослая! Что значит «не надо»? Мне и без этого проблем хватает.

Лора начинает терять способность к сочувствию. Неужели, проносится у нее в голове, она не видит, как ей плохо? Может, единственный ребенок единственного ребенка всегда к этому приходит: замыкается на себе как центре вселенной? Едва ли не впервые за все время, что они живут вместе, Лора чувствует отторжение.

– Милая...

– Слушай, отстань от меня со своими вопросами!

И Лора отстает.

– Молоко?

Это даже забавно – все равно что, боясь акул, купаться только в гостиничных бассейнах, а потом взглянуть вниз и увидеть треугольный плавник.

В последний день коротких каникул, который Лора провела, борясь с желанием позвонить Петеру, доктор Алистер Саджен с супругой зашли на чашечку кофе. Фаркаши, возвращаясь с выставки Дюрера, встретили их в метро и пригласили в Вестминстер-корт. Какой приятный сюрприз! Алистер неуклюже откинулся в углу зеленого дивана; Мици сидит на обеденном стуле.

– Я не есть торт, – сообщает она, разглядывая свой миниатюрный синий жакет и высокие каблучки. – Очень жирный. Я храню фигуру, имея столько детей, *нем?*

Лора с силой прижимает руки к бокам, сдерживая позывы к убийству. Покончить с Мици было бы даже несложно: всего-то и дел, что обхватить ее талию и передавить, как осу.

– А, – говорит Алистер Саджен, – Ло-о-ора, ты так добра.

Трагедия всей его жизни в том, что он не европеец. Алистер произносит Лорино имя с акцентом при каждом удобном случае.

– Чутьочку сливок, если можно.

– Итак... – Мици чувствительной рукой художницы вертит блюдце. Глядя на нее, Лора всегда думает о блокаде Ленинграда: Мици с одинаково безразличным лицом продавала бы вам еду или сама бы вас ела. – Как фарфор из Херенд. Узор Баттальяни. Золотые листы. У моя бедная семья был такой... – Она передергивает плечами. У Фаркашей на глаза наворачиваются слезы.

Алистер не сводит с Лоры задушевного взгляда. Та смотрит под ноги, потом на него – человека, чей *membrum virile*^[19], как он сам его называет, ей доводилось держать; смотрит и думает: если он попытается заговорить со мной на кухне, я закричу и выбегу из квартиры.

– Вы, случайно, иметь изменитель сахара? – спрашивает Мици. – Сахар не хорошо. И молодая Марина будет маленький доктор, я слышать?

Йой де эйдеш!

Я бы, думает Лора, многое отдала, чтобы узнать, был ли этот акцент таким же заметным, когда она только приехала в Лондон.

– Прекрасно. Благородный профессия.

– Да-да, – соглашается Ильди. – Она хорошая девочка. *Надьон эйдеш.* Очень милая девочка.

Марина слабо улыбается. Она ведь больше не дуется из-за той книги? Удивительно, сколько в ней уязвленного самолюбия: до чего сильным и односторонним может быть влияние генов.

– Я поищу сахарин, – говорит Лора и сбегает на кухню.

На Марину снизошло откровение. В ней кипит праведный гнев на семью – из-за книги, из-за того, что они суют нос в ее жизнь. Однако кроме гнева есть любопытство. Их одержимость Гаем и его отцом не похожа на обычное недовольство. Наверное, внезапно осеняет Марину, здесь что-то личное. Возможно, разгадка затеряна в тумане времен? Что угодно: помолвка, расторгнутая у самого алтаря, любовные девичьи письма из «Земледельческой армии»...

Или что-то более зловещее?

«Я ведь знала бы, – размышляет Марина, – если бы это было связано, ну, с войной?»

Для своего возраста Лора невероятно наивна. Побег на кухню, конечно, никак не мог ее спасти. Она недооценила Алистера.

– Наполнить чайник? – спрашивает он с порога.

– Спасибо, но... здесь очень тесно.

– Ничего. Позволь-ка.

Лора пятится, Алистер тянет руку и прижимается к ней. Вид у него постаревший, усталый: идеальная пара для Лоры, если бы не его жена.

– Нам нужно еще раз встретиться, – шепчет он.

Лора трясет головой.

– Надо поговорить, – шипит он ей в ухо.

Господи, думает она, неужели флуразепам? Между ними и пятью парами венгерских ушей – только виниловые обои «под плитку» и календарь «Шедевры Букингемского дворца».

– Пожалуйста, не сейчас.

– Это важно. Только на пару слов, если позволишь.

Он сцепил руки за спиной, как сериальный детектив, готовый раскрыть ужасную тайну. Лора озирается в поисках емкости для

подкатившей тошноты или поверхности, на которую можно сесть. «Сознаюсь во всем, и пусть увольняет», – решает она и уже открывает рот, но тут Алистер откашливается.

– Дорогая.

– Что?

– Доро... – повторяет он.

– Я уже слышала, но... господи, Алистер, она в соседней комнате.

Он хмурится:

– Ты меня избегаешь?

– Интересно, как?

– Ты знаешь, о чем я. О том, что у нас было. Украденные минуты.

Простые удовольствия.

– Я всего лишь, – твердо говорит Лора, – пыталась делать мою работу.

– Это все замечательно, но с того разговора прошло две недели, если не больше, а...

– Какого разговора?

– Что? Лора, я тебя прошу, не играй со мной.

Она, как ребенок с врожденным идиотизмом, нюхает локтевой изгиб, чтобы успокоиться. Разве за эти недели, полные скорбных мыслей о Петере, они с Алистером говорили о чем-то, кроме маточных мазков?

– Я тебе звонил, – напоминает он. – Сюда, в твой дом.

– В квартиру. И она не мо...

– Честно говоря, я рассчитывал, что ты серьезнее к этому отнесешься.

Я тебе душу излил. Я сказал...

– Ах, это!.. Да, прости.

– ...сказал, что так продолжаться не может. Склонялся к решительным действиям. Если помнишь, – он понижает голос, но недостаточно: – Я думал уйти от миссис Саджен.

– Да! Да, я помню, – шепчет Лора, знаками показывая ему успокоиться. – Господи, только не говори, что ты это сделал.

– Конечно, нет. Я хотел знать наверняка. Но рассчитывал, что ты хотя бы обдумаешь мои слова как следует.

Лора тяжело вздыхает. Все это может далеко завести. Она мечтала сказать: «Все кончено». Или: «Алистер, у меня есть другой. Оставайся с женой, я никогда тебя не любила. Мне нужен Петер, что бы он мне ни принес, а после или вместо него не нужен никто». Мечтала – но разве такое скажешь? Он ее уволит – он или Мици. Фаркаши будут голодать.

И вот, пока она дрожит перед ним, кое-что происходит. В толще лондонской глины, сквозь ржавые трубы и устричные ракушки

пробивается крошечный росток прагматизма. Он раздвигает фундамент Вестминстер-корта, бетонный пол и потертый линолеум, касается ее туфель, проникает под кожу. Всего два простых слова – «я согласна», – и ее судьба переменится: у Марины появится дом, Лора станет Петеру бывшей женой и опорой, но не больше того, а его мать и тетки будут спасены от горя и нужды. Она может сделать разумный выбор – сейчас.

Алистер ждет. Именно это и нужно сказать. Будущее стекает с кончиков пальцев. Выбирай, говорят в один голос флуразепам, диафрагмы и скальпельные лезвия. Выбирай.

Окончание коротких каникул; пансионерам отчитаться перед комендантами до 14:00.

Они сидят в поезде и молчат. Пасмурно снаружи, пасмурно внутри. Лора подтирает яблочное пюре с краев неплотно закрытой баночки и гадает, что на уме у Марины. Обе не притронулись ни к бутербродам с салями, которые Роза с любовью собрала в дорогу, ни к помятым апельсинам, ни к отбракованным белесым конфетам, отщепенцам шоколадной семьи. «Я хочу, – думает Лора, – имбирного печенья». Они проносятся мимо исхлестанных дождем детских горок и лесенок, мимо кустов сирени и голых березовых рожиц, мимо грязных запасных путей, где скрываются преступления. Лора представляет, как где-то там прячется сбежавший из дома ребенок, и на глазах выступают слезы. Это Англия, которую так любят Фаркаши. Лора придвигается к окну, следит за мельканием рельсов и мечтает о крушении поезда, милосердном финале. Она думает: «Во что ты только одета! Марине будет за тебя стыдно – должно быть стыдно. Нужно заговорить о школе, но как это сделать, когда мы уже в пути, да еще после вчерашнего вечера? Я все испортила. Что я скажу Бриджет Тайс – что мне не хватило духу для серьезного разговора? Сейчас ведь поздно? Я слишком долго откладывала».

Марина кипит от возмущения. С ней, думает она, обращаются как с ребенком. Она уже сексом может заниматься, а они покушаются на ее личные вещи. Пусть даже книга «Нити золота: финансовая история Тюдоров и Стюартов», говоря строго, не конфискована, тот факт, что ее приходится прятать в вещевом мешке, доказывает их преступное отношение к частной собственности. Как может семья, которая верит в культуру, запрещать ей читать?

Она выглядывает в окно, надеясь заметить кролика, но там никого: ни лисиц, ни кабанов. Барсук бы сгодился – Марина хочет поделиться этой мыслью с мамой, но вспоминает: она с ней не разговаривает.

Про химию она так и не рассказала – и о чем только думала все каникулы?

Ей лишь теперь открылась страшная истина: каникулы потрачены впустую, тусклые дни прошли, не успев начаться. Она рассчитывала, что будет варить бабушкам кофе и вести себя, как хорошая внучка, но на деле это случилось только однажды. Марина тогда присела на корточки рядом с Ильди (пожалев, что в доме нет скамейки для ног) и попросила ту рассказать о детстве. Хотелось записать разговор на кассетный плеер, но Ильди некстати вспомнила историю о Жужи с велосипедом и принялась хихикать, а потом пришли остальные.

Они уже в Дорсете – поезд проносится мимо Блэндфордского вокзала. Небо с утра голубое и свежее, как на рекламном проспекте.

Марина притворяется спящей, а сама подглядывает за матерью, упиваясь горем и мыслями о предстоящем расставании. У нее всегда были такие старые руки?

Вот они и в Вест-стрит. Мама спрашивает:

– Помочь тебе разобрать сумки?

– Не нужно, – отвечает Марина из своей ледяной глыбы. Хейди тут как тут, наблюдает за ними, словно спермацетовый кит за охотой. Общежитие переполнено чужими семьями: мать Лизы Черч в кожаном наряде карамельного цвета, сёстры Эли – симпатичные близняшки, которых, как ягнят на заклятие, приведут в Кум-Эбби на будущий год. Мама уходит – ей, похоже, нисколько не интересны страдания дочери. Марина вынимает из сумки чистую пижаму, мандарины, тубик сыра *кёрэзёт*, коробочку с контактными линзами и мешочек десятипенсовиков... А когда, позабыв обиду, бежит за матерью, ее уже не догонишь; остается стоять и смотреть, как она становится все меньше и меньше – с ладонь, с палец, с ноготь, – а потом пропадает из виду.

В Вестминстер-корте время тянется медленно. Ильди узнает о существовании кофе без кофеина. Розы по приглашению миссис Добош отправляется в «Садлерз-Уэллз» на «Тщетную предосторожность», а в итоге оплачивает такси до дома. Однако под внешней безмятежностью растёт напряжение. До Дня основателя осталось всего три недели. Фаркаши строят планы.

Лора пытается изображать интерес. Ей не терпится увидеть Марину – а как же иначе! – однако Алистер ждёт ответа. Мици продолжает приносить в приемную термосы с кофе и заезжать за ним после работы. А где-то за Чизвиком лодочка мягко качается на волнах и болезнь Петера набирает или теряет силу.

Лора пытается его забыть, переключить внимание или

сосредоточиться на собственной жизни, за которую ей вроде как положено держаться. Все без толку. Тогда она находит спасение в пытке.

Кто-то морит себя голодом, кто-то предпочитает плетки. У Лоры есть для этого Лондон. В разговорах с пациентами непременно всплывает какая-нибудь городская достопримечательность, связанная с очередным эпизодом короткой семейной жизни, когда Петер Фаркаш обманывал Лорины ожидания. Она подхватывает это чувство стыда, изучает его, перекачивает во рту; купается в целебной ванне собственной глупости. «Однажды ты влюбилась в придурка», – повторяет она себе, пока фраза не звучит как стихи, не пристаёт намертво, как навязчивая мелодия. Бывает, человек, сильнее других погрязший в пороке, начинает любить свое наказание. Лора упивается гневом и унижением, пока до последних подробностей не вспоминает измены, за которые только дура могла бы его простить.

Сьюз звонит на работу. Лора договорилась с Петером, что сам он не будет пытаться выйти на связь – в прошлый раз трубку поднял недоверчивый доктор Саджен, искавший в приемной канцелярские скрепки.

– Он велел приходить в четверг, – сообщает Сьюз.

– Куда? – жадно спрашивает Лора, представляя чудесную вечеринку или тайный побег в Уэльс, от любовника к мужу: похищение наоборот. Сьюз грубо обрывает ее мечты:

– На лодку. На мою лодку, куда же еще?

Как Лора ни планировала, как ни предвкушала встречу, а все же, когда в четверг она выходит из метро на станции «Стэмфорд-Брук», время поджимает. В прошлый раз было темнее: она не видела робко зеленеющих деревьев и не слышала церковных колоколов. Сейчас не по-февральски теплый ветер обдувает ее лицо и губную помаду, которую Лора носит неумело, как алую букву.

«Мастерская на островке», как и прежде, изобилует илом и скрипами, но пугает теперь куда меньше. Каждая лодка на Лорином пути – то пестрая, как шутовская фантазия или цыганский табор, то по-военному серая, то собранная из какого-то мусора – намекает на другой мир: несчастливый, как видно, но интересный.

Одна «Вивьен» среди них лучше приспособлена к темноте. Кажется, что она (он, оно?) держится на воздушной подушке из ивовых листьев и скомканных пластиковых пакетов – того и гляди утонет или растворится. Вся в гирляндах канатов и веревочных обрывков, она похожа на игрушку младенца-великана, наспех склеенную из того, что попало под руку.

Почему Лоре так неуютно? Рак не добавляет человеку ни святости, ни достоинства. Дожевав губную помаду, она поднимается на борт.

Левая нога. Правая. Сегодня, напоминает Лора, хватаясь за поручень, нужно решить, что сказать его матери; Петер просит совета, и поэтому она здесь. Нет причин волноваться – только извращенец стал бы замышлять что-то против человека, который... тяжело болен.

Стучи. Стучи, идиотка. Нет? Тогда считай: три, дв...

Но что ее ждет? Со встречи на Блумсбери-сквер прошло почти две недели; он, должно быть, побледнел и осунулся. Все, хватит: пять, четыре, три...

Когда человек умирает, он цепляется за прошлое или торопится жить? Чего захочет Петер?

Лора закрывает глаза, делает судорожный вдох: грязь, водоросли, гниение, сточные воды, ил. Десять, девять, восем... пять, четыре...

Она стучит в дверь.

– А каждый день у нас с тобой будет маленький обед. Скажи нам где.

– На самом деле, – говорит Марина в трубку вест-стритского таксофона, – мне кажется, во время праздника у нас, ну, все равно будут уроки – у тех, кто не занят в спектакле. Триместр ведь продолжается. Нам нельзя весь день быть с семьей.

Хотя взрослые ни за что в этом не признаются, время для праздничной недели выбрано неудачно. В школе который год ходят слухи, что члены Ассоциации директоров договорятся и перенесут День основателя на конец летнего триместра, чтобы матери учеников могли щеголять в легких платьях и шляпках, а не дрожать от холода в стеганых жилетах. Впрочем, шестнадцатое марта – хоть и вымышленный, но все же официальный день рождения основателя, а, как говаривал капитан Портес: «Что есть Человек без Традиций?»

В этом году кульминация праздника выпадает на четверг, последний день зимнего триместра. Роза постановила, что партия Фаркашей – Каройи прибудет в школу на две ночи: так как «Фемину» придется закрыть в середине рабочей недели, большего они позволить не могут. Утром в четверг старушки вернутся в Лондон, оставив Лору на церемонию вручения наград, откуда она привезет Марину после обеда. Это значит, что они пропустят постановку «Микадо» вечером в понедельник, зато – нет худа без добра – успеют на «Венецианского купца».

– Не будь смешной, – говорит Роза. – Конечно, ты будешь есть с нами.

– Дело в том, что...

– Я тебя не слышу.

– Я имела в виду... Вы точно хотите приехать? Я боюсь, вам будет неинтересно.

– Почему?

Марина вздыхает. Дело не только в Вайни, хотя она до сих пор не решила, как поступить: свести всех вместе, чтобы семья увидела, какие они чудесные, или же, по более приземленным причинам, не позволить им встретиться. Кроме этого она обязана защищать родных. Кум-Эбби – это чумная яма. Ночами, полными мрака, печали и горького кофе, Марина все глубже проникает в тайные связи и способы, которыми каждый предмет, каждый человек – даже каждая мысль – отравляют или защищают ее семью.

– Вы привыкли к Лондону, – с отчаянием в голосе отвечает Марина.

Недавно на уроке истории говорили о власяницах, и с тех пор средневековые монахи не идут у Марины из головы. Если они, борясь с грехом, носили вериги и колючие пояса, почему бы ей не взять с них пример? Идея обзавестись постоянным напоминанием о собственной порочности показалась сперва интригующей, потом – разумной. Не обязательно ведь утыкать себя шипами: сгодится и Жужин пояс по моде шестидесятых, который придется впору любой семнадцатилетней школьнице. Марина поддевает его пальцем и чувствует мимолетное облегчение.

– Галереи, – продолжает она, – пьесы. Честно говоря, сомневаюсь, что вам понравится. То есть я совсем не обижусь, если вы останетесь до...

– Какая чушь! – отрезает Роза. – Это прекрасно. «Венецианский скупец». Мы будем видеть тебя.

– У меня роль продавца апельсинов, даже слов нет.

– Не важно. Ты будешь сидеть с нами и выходить на свой маленький разговор. Гостиница уже заплачена, поэтому решено.

– Они... вели себя вежливо?

– Не будь смешной. Совсем нет. Глупые люди, но это не важно. Мы будем там. Мы рады за тебя. Теперь я передаю трубку Жужи. Я люблю тебя, дорогуша.

– Я, я тоже тебя люблю.

«Маленькая изменщица. Скоро они узнают, что ты солгала, бросила химию и никогда не станешь врачом – и что тогда будет?» В последней посылке из дома пришло не только туалетное мыло и медицинский справочник, но и настоящий докторский халат с вышитым на кармане именем: Марина Фаркаш. Так и не решившись его надеть, Марина отправила халат под кровать, за компанию с окаменелыми бейглями и прочими следами позора, и теперь по ночам чувствует его под простынями.

Она даже толком не знает историю, а за полтора пропущенных триместра много чего случилось: Век Разума, например. Викторианскую Англию преподает миссис Три, директорская жена, которая сама ничего не смыслит в предмете и поэтому в основном читает вслух из учебника. Совсем не то, что учиться у Александра Вайни. Почему Марина этого не предвидела?

– Прекрасно, что ты играешь на сцене! – кричит ей в ухо Жужи. – Как я в консерватории. Я была Борис Годунов. Я уже говорила миссис Добош, она хочет фотографию. Как жалко, что мы не будем жить ближе.

Жужи возмущена, что их, или хотя бы ее одну, не пригласили в Кум-

Эбби, в роскошный номер для гостей, если не в частные апартаменты доктора Три.

– Скажи мне, дорогуша, ты живешь хорошо? Как мальчики?

– Ты про...

– Не про этого ужасного Габа, Гиба, Гоба...

– Гая?

– Да. Про других. Ты встречаешься с ними?

– Ну...

– Очень хорошо. Ильди думает, что у тебя не должно быть много мальчиков, но она старомодная. Я говорю – прекрасно! – Жужи, кажется, совершенно серьезна. – Значит, мы будем их видеть? Мы будем все про них узнавать. И знакомиться с их семьями!

Прежде всего, здесь воняет. Лора была готова к определенной доле холостяцкого хаоса, к носкам на полу и грязной посуде, но не к этому кислому запашку, будто все содержимое унылой каюты – гниющее дерево, облезлую пробковую плитку, подтекающие баллоны с бутаном и хромым, уродливых кошек – то и дело окунают в речную воду, не давая обсохнуть. По углам шныряют чешуйницы. Под половицами тоже что-то мелькает.

– А, это, – говорит Петер, – нет, это какие-нибудь сережки или ключи. – За его лондонским акцентом слышатся интонации матери; это подбадривает Лору, хотя не должно бы. – Сложить их некуда, вот и теряются.

Под раковиной, в тазу для грязной посуды, сидит раненая утка – должно быть, сушится. Перед мутными иллюминаторами натянута веревка для белья. Солнца нет. За окном накрапывает дождик, запах усиливается: это и правда нечистоты. Очень холодно. И все же они беседуют.

Лора пытается подвести разговор к тому, как несправедливо Петер обошелся с родней. Он начинает плакать – с достоинством, без всхлипов и воя: закрывает глаза, откидывается на спинку стула и позволяет слезинкам катиться по лицу и сдержанно падать на фуфайку с эмблемой Африканского национального конгресса. Он говорит:

– Я не знаю, как это сделать. Чувствую себя убийцей.

– Я тоже. Но ты должен.

– Как? Как, скажи. И Марина... Кошмар. А если им еще хуже станет, когда выяснится, что я все это время был жив?

– Хуже, чем считать тебя мертвым? Хуже этого?

Петер выдерживает испытание. Лора видит, что от мыслей о дочери ему больно, и думает: так и быть.

– Учитывая, что ты болен...

– Да.

– Да.

Ей нужно больше узнать о раке. Разве это неудобное, заросшее плесенью место подходит человеку в его состоянии? Холод усиливается. Свет то и дело мигает. Похоже, кто-то – Петер или мифический Йенсен – протянул проводку от дома Сьюз: незаконно и смертоносно.

– Прямо по клумбе? – спрашивает Лора, выглянув в засиженный пауками и мухами иллюминатор. – Это несерьезно. А если дождем зальет?

– Не страшно, – отвечает Петер. – Изолента.

Лора провожает взглядом плывущее по реке нечто, завернутое в хозяйственный пакет.

– Но...

– Не рановато за меня взялась? – спрашивает он с улыбкой, которая может означать что угодно.

– И все же, кто такой этот чертов Йенсен? Ты хоть знаешь, как плавать на этой развалине?

Петер, судя по виду, снова готов расплакаться. У нее к нему столько вопросов: «Это хороший рак или плохой?», или «Сколько тебе осталось?», или «Это генетическое?», или «Покажешь, где у тебя шрам?» – но все они неподъемны, а он пытается сменить тему, будто боится ее реакции или считает, что Лора недостойна откровений. Всё, и операция в том числе, произошло прошлым летом – она никогда не узнает, где и кто был с ним рядом. А здесь он не потому, что сбежал из Уэльса, – нет, он «захотел» «вернуться».

– Но почему? То есть почему сейчас?

Он молчит.

– Ты мог объявиться и раньше.

Он смотрит исподлобья. Лора рассказывает о работе и чуть не упоминает об Алистере, который ждет от нее ответа. Если уж благодаря бесконечному терпению, всепрощению или комплексу жертвы она собирается водить дружбу с бросившим ее мужем (а к этому все идет), то посоветоваться с ним не помешает. Формально у Лоры всего сутки, чтобы принять решение.

И все-таки она не может себя пересилить и вместо этого спрашивает:

– Будет... радиотерапия?

По всему выходит, что нет. Странно – возможно, врачи ошибаются? Что, если он умирает, а никто этого не заметил?

– Не сходи с ума, – говорит Петер, сворачивая самокрутку на липком

кофейном столике. – Со мной все нормально.

– Я не схожу с ума. Просто волнуюсь.

– Ло...

– Знаю, знаю. Ты этого не заслуживаешь.

– Вот именно.

И все-таки каждый раз, когда их беседа должна прерваться, когда он мог бы обидеться, а она – вспылить, разговор идет своим чередом. «Мне, – думает Лора, – нужно только кое-что выяснить». Наконец, когда за окном темнеет, а в Вестминстер-корте вот-вот начнут беспокоиться, куда она подевалась – у нее ведь не может быть личной жизни, – Лора набирается смелости и заводит разговор о его будущем.

– Опухоль осталась, – отвечает он, – просто не растет. То есть хуже не становится. Док говорит, я, скорее всего...

– Поправишься?

Он отводит взгляд.

– Нет... ну, ты знаешь, они по-другому выражаются. Буду жить.

– Ох. Ну... Хорошо. – Горло сдавило, но она не заплачет. «Соберись», – командует Лора себе, и это, как ни странно, помогает. – Значит...

– Может быть, год.

– Господи...

– Нет, нет, ну... Может, два. Потом пять. Сама знаешь, вероятность.

Ей на голову будто надели мешок, водолазный шлем: невозможно увидеть, услышать или почувствовать ничего, кроме собственного оглушительного дыхания. Он может умереть. Он может выжить.

– Я не знаю, что делать, – говорит она голосом до того жалобным, что самой неприятно. – Чем тебе помочь?

На его месте она сказала бы: «Останься со мной». Но Петер этого не говорит. Он говорит:

– Хрен его знает.

Вздых, молчание. Всюду пыль, мухи и смерть – все как-то резко переменялось.

– Что ж, может, мне...

– Пора, ты хочешь сказать?

– Да.

Он нахмурился или ей показалось? Поди пойми в такой темноте, но Петер не говорит «Пожалуйста, останься» или «Ты мне нужна». Он вообще ничего не говорит.

– Пит?

– Я не хочу быть... – неуверенно начинает он и, кажется, сглатывает комок.

– Хочешь, чтобы я ушла?

– Если думаешь, что так надо... На самом деле, да, точно. Пожалуйста. Уходи.

1-й класс: поездка в Рим; 5-й класс: дружеский кружок Кумских нестипендиатов;

кросс-кантри: школьная лига Дорсета и Сомерсета, Дорчестерский колледж, старшие и младшие мальчики, незанятые девочки, 14:30; фехтование: чемпионат частных школ, Кристал-пэлас (весь день).

Вторая половина триместра еще хуже и суматошнее первой. Возможно, во всем виноваты дурные приметы, но Марина совсем раскисла: ей некогда спать, ее гложет совесть, а вдобавок к тоске по родному дому она теперь грустит и по «Стокеру». Мысли часто уносят ее туда, на залитую солнцем лестничную площадку, к миссис Вайни, которая ответит на любой Маринин вопрос – только дайте им снова встретиться.

Рози нашла бы выход. У нее железные нервы, не то что у ее подлой, трусливой внучки. По ночам Марина размышляет, не доведется ли ей, как часто бывает в книгах, себя проявить? Она соберет смелость в кулак (хотя это все равно что пытаться пригвоздить к скале медузу), спасет ребенка или станет политической мученицей – и все это с мыслью о предках, которые нарушали границы, подделывали визы и не терялись в присутствии знаменитостей. Она будет сильной.

Случай может представиться на День основателя. Да, убеждает она себя, вот и ответ. Осталось меньше двух недель; я сделаю что-нибудь выдающееся и сама не замечу, как окажусь на Пасхальных каникулах в «Стокере». Тогда-то и станет ясно, против чего так бунтует Роза. Тюдоры, случаем, не отличались какой-то особенной ксенофобией?

И все-таки, что, если эта история связана с войной?

Марина помнит, как Роза по вечерам – когда сделаны все уроки и отложена виолончель – не раз позволяла и даже приветствовала просмотр исторических программ. Отсюда следует захватывающий вывод: здесь наверняка что-то личное. Правда, со временем неувязка. Мистер Вайни старше своей жены, но, даже если ему пятьдесят, он никак не мог влюбиться в Розу. Или мог? Или, учитывая его привлекательность, это она в него влюбилась?

По ночам, изнуренная листанием словаря и сексуальной жизнью (воображаемой, но отнимающей много сил), Марина пытается представить, какие обстоятельства, кроме любовных, могли свести вместе Розы и мистера Вайни? Голова пухнет от напряжения. Не мог ли он влезть перед ней в магазинную очередь? Или оскорбить миссис Добош?

Потом, поздно вечером в понедельник, когда Марина пишет сочинение о Петре Великом, а в колонках чуть слышно играет Чарли Мингус, ее сознанию, блуждающему по заснеженным горным проходам, внезапно открывается истина.

Бабушка, если верить кузену Фюлопу, когда-то была коммунисткой. Говорят, она училась то ли в Вене, то ли в Будапеште; это меньше похоже на правду, однако Розы всегда отличалась умом – факт, которым все они очень гордятся. Во всяком случае, коммунизм – уже что-то. Марина слышала историю о прадедушке, владельце фабрики... впрочем, нет, это вряд ли. Возможно, он был бригадиром. Так или иначе, рабочие (или крепостные?) устроили забастовку, совсем как шахтеры. Розы была отчаянной девушкой примерно Марининых лет, поэтому отец отправил ее на переговоры с бунтовщиками. Предполагалось, что Розы убедит их подчиниться, но, вернувшись, она сказала отцу: «Они правы».

Вот и доказательство, разве нет? Итак, предположим, примерно в 1938 году Розы была хотя и не самой старшей, но самой умной и харизматичной из сестер Каройи. Над их трансильванской деревней разносился перезвон бубенцов и веселый смех доярок: война туда еще не пришла, как и англичане. Оно и хорошо, потому что Розы тогда училась в Будапеште. И вот изящный английский офицер (мистер Вайни – отсюда и его знакомство с теми краями), путешествуя по окончании университета, останавливается накормить лошадей и... Здесь все в тумане, но, очевидно, не обошлось без Любви. Видны декорации, но не история. Вокзал. Губная помада. Снег. Романтика войны, только без страданий – о них Марина боится думать.

Да, Розы влюбилась, но была отвергнута по причине выдающегося ума, и потом... потом... нашла утешение в Золтане. Бедный Золтан. Все, что Марина знает о семье со стороны бабушки – это что его отец был фабрикантом, производителем седел. Можно предположить, что Золтан, обаятельный и в то время еще богатый, по-рыцарски спас Розы.

Все это более чем возможно, если сойдутся даты, что вряд ли. Когда Хейди уходит мыть голову, Марина достает из-под матраса «Нити золота». «Александр Вайни, – сообщает обложка, – родился в 1944 году, стипендиат Вестминстера и Оксфорда».

Подожди-ка.

Если это не он, то кто? Брат, отец? Или все случилось раньше, в Первую мировую? Да, непростая задача. Марине нужен удобный чердак, полный тайников с письмами, или старая няня с историей наготове. Ильди могла бы все объяснить, но Марина не хочет, чтобы из-за нее плакали. Розы? Слишком страшно. Жужи?

«Жаль, что ты ничего мне не рассказал, – думает она о дорогом дедушке, хотя лицо его видит смутно. – Я, – говорит она себе, – оказалась меж двух воюющих семей, но останусь верной Монтекки. Или Капулетти? В общем, кому-то из двоих».

Лорины потайные таблетки вызывают к ней. Сервант как будто пульсирует; когда кому-то из тетушек требуется чистый платок, Лора вскакивает и приносит его сама. Она вся издергалась. Может, принять одну для успокоения?

Петер бы знал, что делать. Да, Петер; словно зуд, словно тик, мысли возвращаются к четвергу. Она была готова посвятить жизнь уходу за смертельно больным, а ее выставили за дверь. Щелк – и конец, а она, как дура, стоит посреди моста, наполовину ушедшего под воду.

Идиотка, думает Лора. Могла бы и предвидеть.

Она обновляет адреса на работе: кто-то умер после продолжительной болезни, кто-то мудро сменил практику. Каждое слово – впустую потраченная секунда, которых у Петера осталось так мало. Лора думает: «Уилфред Бантинг, я тебя ненавижу. Это ты, с бородавкой? Что с моей памятью? Привет, Маргарет О’Рили, самая лысая женщина из всех, кого я знаю. О, Ирен Саксл (ум.), Куинсфорд-гарденз, Запад, 8, бедная миссис Саксл, я снова люблю Петера Фаркаша».

Боже...

Она пристально смотрит на карандаш: мягкое дерево, металлический блеск. Вот оно что. Она так и знала. Любовь и не думала уходить.

Почему, интересно Марине, шестиклассники так радуются при всяком упоминании о Дне основателя? Каждый раз, когда доктор Три объявляет техническую репетицию или просит предупредить родителей, что билеты на «Микадо» скоро закончатся, по капелле пробегает волна возбуждения – от малышни у алтаря, через пятиклассников и, по нисходящей, к задним рядам. Это из-за того, что половина не видит родителей из месяца в месяц?

Про Фаркашей такого не скажешь: они начали планировать поездку с конца сентября, если не раньше. Вчера вечером Марине пришлось обсуждать по телефону, нужно ли Жужи брать с собой маникюрный набор.

Меньше чем за две недели, по рекомендации кастелянши миссис Лонг, они бронируют номера в привокзальной гостинице «Брэгарольд», поскольку все прочие слишком дороги. Их ждет большая развлекательная программа: выставка керамики, представление барабанщиков, выступление бродячих актеров, дебаты семиклассников («Этот Факультет считает, что Успех – сам по себе Награда»), парад Объединенного кадетского корпуса – и не только. Они купили билеты (четыре фунта каждый, возврату не подлежат) на «Венецианского купца», камерную постановку «Сирано де Бержерака» от Общества основателя и оркестровый спектакль «Все о джазе» с участием Саймона Флауэrsa (классическая гитара). Никто толком не знает, должны ли родители платить за учеников, поэтому Роза на всякий случай взяла билеты с запасом. Марина боится, что День основателя окончательно разорит семью.

Вообще, чем больше она об этом думает, тем больше падает духом. Случиться может что угодно. Ее родственники слишком своенравны – на них и в супермаркете нет управы, не то что в Кум-Эбби. Они будут разгуливать по территории, запросто отломают ветку *маг-нолии*, чтобы украсить гостиничный номер, или сядут рядом с Мариной в буфетной и станут резать для нее куриную ножку. И потом, в школе опасно. Вдруг они вдохнут воздух, который выделяет Симонетта? Или встретят семейство Вайни? Марина приведет их к гибели. Каждую ночь, оставив еще один день позади, она лежит в постели, изнывая от подкрепленных кофеином желаний, и в голову лезут колючие ветки паники. Нельзя ли сфабриковать письмо, которое известит семью об отмене праздника? Она обязана что-нибудь предпринять. Нельзя сидеть сложа руки.

Лоре скоро придется что-то решать. День основателя приближается, как поезд, а она раскорякой привязана к рельсам. Алистер ждет ответа. Петер умирает или, как вариант, выздоравливает и ходит налево. А влюбленная Лора тем временем будет три дня сопровождать пенсионеров по третьесортной дорсетской ярмарке.

Сегодня в обеденный перерыв она сама не заметила, как забрела в аптеку Бута, прошла мимо незнакомых приспособлений для наведения красоты, ортопедических аппаратов, детских бутылочек и наконец, притворяясь приличной женщиной в поисках шампуня, добрела до раздела планирования семьи. Отвратительно. Грязная девка, вот она кто. В наказание Лора вернулась на работу без сэндвичей.

По крайней мере, через восемь ночей она увидит Марину. С ней ведь все хорошо?

Восемь ночей. Семь. Она обрывает себя.

– Это нормально, – говорит Гай.

Вечер вторника, они сидят в его спальне. Он заверил, что пока мусорная корзина стоит в коридоре, никто, даже мистер Стеннинг, сюда не войдет.

– Но так делать запрещено, – возражает Марина. – Нельзя закрывать дверь, когда ты, ну, наедине с девочкой. Все это знают. Такое правило.

– Не для меня, детка. Ну так что? В понедельник вечером? Во вторник? Могу обеспечить по крайней мере час. Или два. Нам может и больше потребоваться. Можно и на всю ночь.

– Это безумие.

– Все так делают.

– Но разве...

– Это же День основателя, дурочка. Учителя в основном пьяные. Родители тоже.

– Только не мои.

– Нечего обижаться. Все чуток выпивают.

– Я, – с достоинством говорит Марина, – никогда не видела никого из членов моей семьи пьяным.

– Отлично, – говорит Гай. – Но остальные будут. Так что мы потихоньку смоемся, и я сорву твой бутон.

Марина теперь спит не больше пяти часов в сутки, укрепляет силы «Про-плюсом», который в Илингской школе считается чуть ли не героином, а также ежевечерне поглощает яблоки, изюм и сухие мюсли. Она себя ненавидит. Что-то внутри ее тикает, как в крокодиле из «Питера Пена».

– Гай, – говорит она, слегка морщась, когда его рука заползает к ней в трусики, – твои родители будут на празднике?

– Простите, – говорит Лора, согнувшись в Жужиной спальне над телефоном. – Я... он не мог бы... я...

– Это Лора? – спрашивает Сьюз.

– Я... да. Как он? То есть Петер.

– Я знаю Петера, – зачем-то сообщает она. – С ним все нормально.

– О, хорошо! Я, понимаете, мы не... я подумала... Простите, все-таки нормально или так себе?

– Нормально.

– Но... О'кей. О'кей. Значит...

– Можете с ним поговорить. Он тут рядом стоит.

- Что? Рядом? Но...
- Лора?
- Да! Это я. Где, как...
- Я думал, ты на мне крест поставила.
- Я?
- Знаешь что? Приходи.
- Но...
- На лодку. Завтра. Пожалуйста. Приходи.

Во время службы в капелле, несмотря на неудобные контактные линзы, Марина принимает два важных решения. Во-первых, если на праздничной неделе ей удастся отразить Гаевы поползновения, то в каникулы она позволит ему сделать все что угодно. Нужно сказать спасибо, что хоть один человек согласен лишиться ее девственности. Предыдущее поколение, прочитала она в одной сексуальной статье в «Харперс энд куин», теряло невинность гораздо раньше – на охотничьих балах.

Во-вторых, она проведет расследование. Пожилая родня – по крайней мере, ее родня – всегда чем-нибудь недовольна, и если какое-то недоразумение мешает Марине видеться с Вайни, этому нужно положить конец. Разузнать бы причину, а дальше все образуется; она даже сможет сказать маме, что будет встречаться с Гаем. Наиболее вероятное, хотя и наименее романтичное объяснение состоит в том, что Роза перепутала мистера Вайни с кем-то другим. Такое уже бывало. Или она чересчур опекает внучку. А если во время войны и случилась какая-то любовная история, то не пора ли о ней забыть? Возможно, у Гая есть вдовый дедушка: он мог бы познакомиться с Ильди и найти свою любовь.

Правда, есть одна сложность: ей никто ничего не рассказывает; это нелепо, до чего мало Марина знает о семье. Она даже не помнит, из какого города приехала Роза, а от самых невинных вопросов – о родине, о фабрике их отца (или что у него было – пасека?), о родителях и сестрах – бабушки немедленно начинают плакать, будто протекший кран. Впрочем, недавно ее посетила блестящая мысль: если мама привезет на День основателя дневники или, скажем, семейные документы, Марина могла бы показать их мистеру Вайни. Будет неловко, но это можно перетерпеть; мистер Вайни знает, что искать, а когда найдет, два враждующих дома наконец-то объединятся. Почему ей раньше не пришло это в голову?

Она станет счастлива и забудет о возвращении в Илинг. Роза все равно не позволит, а если и позволит, Марина сторит от стыда. Нельзя никому говорить, что она скучает по дому: у мамы и так от нее сплошные проблемы – не довести бы ее до могилы. Марина чуть выпрямляет спину, отчасти чтобы пояс для истязаний не так давил. Страдание полезно, но она

еще слишком слаба.

Очевидно, придется сказать семье, что она историк. Кембридж переоценен: Марина выбрала другое будущее. Ее родные любят знаменитостей; неужели они не придут в восторг, когда познакомятся с мистером Вайни, ее наставником? К тому же (Марина решила это внезапно, посреди: «О, Иисус, я обещал») она полностью исцелится от Саймона Флауэrsa. Она вцепляется в стул и запрещает себе искать его глазами. Мистер Вайни был прав: приходящие ученики – совсем не то. Теперь, когда она бросила медицину, а то и Кембридж, что у них может быть общего? Ничего.

Однако ей не везет. Какого бы бога она в настоящий момент ни боялась, он к ней недобр; возможно, Марина поставила не на того. Когда она медленно выходит из капеллы, чувствуя себя так, будто забыла сердце на скамье шестиклассников, на плечо ей ложится рука.

Дверь в каюту «Вивьен» открыта, как Сьюз и обещала. Было бы легче и не так страшно устроить встречу в теории, по телефону. Вот и с жизнью так же: в детстве можно было все выходные мечтать о будущем – муж, дом, собака, сад, дети, спешащие из соседней школы к любимой семье, – насколько не соотнося эти планы с реальностью. Неужели все женщины, думает Лора, проводят жизнь, пытаясь примириться с действительностью? Или ей просто не повезло?

На диване сидит девица: нордический тип, загар, сексуальная самоуверенность – на таких всегда западают мужчины. Это, конечно, Сьюз.

– О, – говорит Лора. – А.

В руке у Сьюз лениво тлеет сигарета. Лора опускает взгляд на свои пальцы-сосиски. Она дрожит.

– Садитесь, пожалуйста, – говорит Сьюз. Лора садится.

Проходит время. Вонь от канализации и гниющей древесины хуже, чем ей запомнилось с прошлого раза; к запаху карри и курительных палочек примешиваются богатые аммиачные тона. Утиное убежище пропало, теперь на полу расстелено кухонное полотенце, на котором сидит и что-то грызет полосатый кот. Сьюз листает журнал – не уютное «Домоводство», а какой-то немецкий модный глянец. Лодка скрипит, колышется и истекает водой, как тающая льдина. Лора с дурацкой улыбкой изображает непринужденность.

– Ты ведь Марина Фаркаш?

Вблизи Саймон Флауэрс красив: так должны выглядеть (но не

выглядят) шахматные гроссмейстеры или концертирующие пианисты. Саймон Флауэрс, здесь и сейчас, перед ней, на холодном каменном крыльце – улыбается.

Марина ослеплена. У нее пересохло во рту; она выдыхает, раз, другой, по-овечьи резко. Слабо пахнет фимиамом или камедью. Из чего сделана его кожа – из алебаstra или простого фарфора? Сейчас он предложит ей руку и сердце. Марина хочет поскорей оказаться за пределами этого мига, чтобы его оценить. Быть внутри выше ее сил.

Встреча лицом к лицу пошатнула ее решимость его забыть. Ну же, думает Марина. Будь сильной.

Нужно что-то сказать. Люди ждут.

– А что? – спрашивает она. Кто-то за спиной хихикает. – То есть, что ты хотел...

Он худой, с крошечной щербинкой на стеклах очков. Ее сердце мечется, словно кролик. Если бы упасть в обморок или трагически погибнуть – это избавило бы от разочарования, которое обязательно ждет впереди. Одна половина ее мозга напоминает: ты никто, надеяться глупо. Другая говорит: в этой школе нет пары ближе вас двоих. Сделай что-нибудь, покажи ему. Это твой шанс найти свое счастье.

Однако инстинкт никогда не был Марине другом. Послушавшись его, она оставила маму, поступила в Кум-Эбби, сопротивлялась притязаниям Гая, пыталась быть собой. Пустила все под откос. Ясно ведь, что такие люди, как Вайни, лучше разбираются в жизни. Ей повезло иметь перед глазами пример – он станет ее религией. И Марине известно, что родители Гая думают о мальчиках вроде Саймона Флауэрса.

Он отступает на шаг и кусает губу. О, эти губы: когда-то Марина часами размышляла, какие они припухлые и как нужна им гигиеническая помада. Теперь она отводит взгляд. Саймон пускается в путаные объяснения – что-то насчет клуба по вторичным вечерам, – но Марина не слышит. Она сосредоточенно дышит носом, словно поднимает тяжести. Нет, говорит она себе, хотя тело кричит – да, пожалуйста, да! – и тянется вперед, как металлическая стружка к магниту. Марина вдыхает мужской аромат, сжимает зубы и мотает головой.

– Я... – Она откашливается. Язык – как комок шерсти; она облизывает губы, забыв, что это мощный сексуальный сигнал. – Вообще-то у меня совсем нет времени на факультативные... занятия.

– Уверена? А Монти решил, что тебе понравится.

– Прости, но...

– Он думал, общеизвестные факты – твой конек. Ну, ладно, ничего

страшного.

– Подожди, ты хочешь сказать... Боже, ты про команду? Ты, ты тоже там?

Он ласково ей улыбается.

– Вообще-то я капитан.

– Ничего себе!

Где-то в глубинах Кум-Эбби, за секретной лестницей и потайным коридором, все это время был уголок для таких, как она. Место, где можно помнить среднее имя Коула Портера или знать, что такое «синекдоха», и не бояться насмешек. Где можно завести настоящих друзей. С ума сойти!

– В следующем триместре, ты имеешь в виду? – спрашивает она. – Не сейчас?

– Нет, правда, приходи. Попытка не пытка.

Вот же оно, перед ней: судьбоносное мгновение, которого она так ждала и к которому всегда была готова, зная, что остальное – лишь неприятная тренировка, серия испытаний, призванных отточить ее способности и укрепить силы. Будущее простерлось перед ней ковровой дорожкой. Затем в воображении возникает картина: они вдвоем, держась за руки, стоят в вестибюле «Стокера» среди сапог, и Марина знакомит Саймона с миссис Вайни.

Пояс впивается в бок, напоминая, что быть взрослым не значит потакать своим слабостям, что простая достойная жизнь, полная культуры и воздержания – вроде той, которую вел Монтень в своей башне из книг, – требует жертв.

Марина выпрямляет спину. Она хочет крикнуть: «Возьми меня», хочет, чтобы ее приняли в мир приходящих учеников с его портфелями и замотанными скотчем очками, – но разве это желание не доказывает, что нужно сопротивляться? В ней говорит ее низость. Вайни укажут ей путь.

– Как вы думаете, – спрашивает Лора у Сьюз, – когда Петер вернется?

Ее все сильнее охватывает странное чувство. Поначалу она приняла его за морскую болезнь – но откуда взялись кипение в животе и жар по спине и шее? Что это, живительный и праведный гнев на мужа, который появился из ниоткуда и ждет, что Лора возьмет на себя все заботы?

Она уже готова уйти, но в дверях появляется Петер. Выглядит он довольно паршиво: спецовка промокла, хотя Лора не видела за грязными иллюминаторами дождя, короткий ежик на голове из интересного стал слегка угрожающим, как у контуженого советского солдата. Вслед за Петером входит высокий блондин, предположительно Йенсен, который

кивает Лоре, будто она здесь затем, чтоб надраить палубу. Петер с гордостью извлекает из хозяйственного пакета два банана, нарезанный белый батон и пачку чего-то, похожего на гравий.

– Адзуки, – сообщает он Сьюз. – Аминокислоты.

– Ты сказал, – напоминает Лора, – прийти до полудня.

– Черт, прости...

– Нет, – возражает Сьюз, – он сказал «после полудня». Я слышала.

– Почему же молчали? Я ждала...

Петер тяжело болен, а она скандалит на пустом месте. Как безнравственно. Все удивленно смотрят на Лору, будто набитое чучело вдруг заговорило.

– Неважно, – говорит она. – Извините.

Петер улыбается, и Лора нечаянно отвечает улыбкой. Пока остальные заваривают себе особенный хиппи-чай и ополаскивают емкость из-под рассады, она живописует свои курьезные попытки выбраться утром из Вестминстер-корта, а потом, сама не заметив как, заводит рассказ о Дне основателя.

– Что? – говорит Петер. – Три дня? Черт, как ты только выдержишь?

– Знаю, знаю. Это странное место, Кум-Эбби. Чудовищное, честно говоря.

– И в Дорсете?

– Да.

– Ненавижу деревни. Всюду холмы, коровьи лепешки. Там правда так ужасно?

– Не то слово. – Она не одергивает себя, а тычет его носом в подробности, наблюдая, как произнесенные слова обретают вес. Как же она ненавидит эти свои сомнения!

– И чья была идея? – спрашивает Петер и машет на прощание друзьям, которые, накрашив лица, идут на детскую вечеринку (кажется, это основной заработок Йенсена). Лоре ужасно трудно быть с ними вежливой, но она себя заставляет. В конце концов, здраво рассуждает она, эти двое заботились о Петере, а она нет. Они купали его, видели шрам...

– Детка? – говорит Петер.

– Ее идея, Маринина. Полностью. Хотя остальные ее поддержали. Сам знаешь. Просто...

– Что?

Она некрасиво шмыгает носом.

– Я... мне не хватило смелости...

– Сказать им «нет»? Я тебя не виню. Черт, надо же было придумать...

– Ты никогда не даешь договорить. Не в этом дело.

Ей нужен платок. Она осторожно тянется за спину, к кухонному полотенцу, потом отдергивает руку и утирается ладонью.

– Не хватило смелости, не знаю... Сказать, чтобы она осталась, потому что нужна мне.

– Эй, эй...

– Отойди.

– Не отойду. Лучше сяду, вот так.

– Перестань. Хватит меня успокаивать.

– Лора. Ну и козел же я был...

– Это точно.

– Говнюк.

– Да, но...

– Сраный говнюк.

– Вот чего мне не хватало – крепкого словца.

– Мудак.

– Ну...

– Не спорь.

– Не спорю.

– Я бы хотел...

– Интересно... – не подумав, говорит Лора, – у тебя были... А, неважно. Конечно, были.

– Что?

– Сам знаешь что.

– Не знаю. Черт...

– Посмотри на меня. Нет, даже отвечать не нужно

– Что?

– Миллионы. К гадалке не ходи, миллионы случайных баб – Дейзи, Сэфрон и так далее.

– Поверь, ты не хочешь знать.

– Хочу. Хочу, черт возьми. Я хочу тебя ненавидеть.

Тогда он ей рассказывает, и ответ выходит совсем не такой, какого она ожидала, совсем не такой.

Почему-то она раздета.

Ну, почти. И что с ней такое? Дверь может открыться в любую минуту, кто угодно может войти. Даже если забыть о последствиях, мысль о том, что эта бледная, мерзкая, широко раскинувшаяся плоть предстанет перед чужими глазами, невыносима. Тогда придется уйти, сразу и навсегда.

Петер сохранился лучше ее: это несложно. О чем он думает: внутренне содрогается и из вежливости молчит или слишком занят, чтобы заметить? Лора не ожидала, что это случится. А он?

Или ожидала? Она побрила ноги, надела свой единственный соблазнительный лифчик с нейлоновой ажурной оборкой. Ему бы не мешало помыться, но резкий запах вызывает у Лоры извращенное возбуждение, а кроме того, служит утешительным доказательством, что Петер тоже ничего не планировал. Это не западня, а ее собственный выбор: совсем другое дело.

Как необычно видеть его – эту мягкую кожу и волосы в секретных местах – без одежды.

Они лежат на кровати, его рука у нее на шее. Лора с трудом глотает. Почему у мужчин такие тяжелые конечности? Петер еще не спит – просто очень расслаблен; зато Лора напряжена и во все глаза смотрит куда-то мимо его плеча, не в силах поверить, что они только что это сделали.

Два дня позади: сексуальная пустыня. Оба боятся, что их застукают раньше времени, и потому решили не общаться. Петер все равно почти не уходит с лодки. Потом настает середина марта, самая ужасная пора, когда Лора обязана помогать с весенней инвентаризацией «Фемины».

Что в этом ужасного? Всё. Запах подсобки: старый парфюм, Ильдины польские *ле-денцы*, Жужины сигареты и пыльный душок из каждой коробки. Коричневые наклейки на чемоданы и крошечные бумажные этикетки, на которых старательно выведены цены; печатная машинка для писем клиентам; картотека всех заказов от начала времен. Фотографии Марины в детстве, еще до того, как между ними что-то пошло не так, и школьный снимок внучки миссис Добош, Натальи, похожей на поросенка с косичками. Буклеты и чайник. Жестянка с нитками – потому что клиенты ждут, что миссис Фаркаш перешьет их покупки, и миссис Фаркаш, несмотря на артрит, берется за иглу. Хозяйкам не по душе перемены. А хуже всего – пожелтевшие пачки товаров (полупанталоны, пояса «Спирелла» на резинках и эластичное белье «Берли»), которые невозможно продать и которые не выбрасывают, потому что Роза уверена: «Однажды кто-то будет хотеть».

Выбора нет: приходится помогать. Роза пишет даты как «'976» и «'989»; говорит на русском, чешском, немецком и бог знает на каких еще языках, но не может без ошибок написать по-английски слово «колготки». Поэтому с ней стоит Лора – отмечает непроданные удлиненные термокофточки и совсем не думает о Петере.

– Мне кажется... – говорит Лора чуть позже.

– Что?

– Ничего. Это твоя вина. Если бы ты, не знаю, сам пошел и увиделся с ними, как и должен был, то мне не пришлось бы звонить и просить тебя это сделать. И все кончилось бы совсем по-другому.

Это неправда. Лора думает о его бритой голове: бархатистая она или колючая? До чего он осунулся: кто на ее месте не захотел бы узнать, что еще изменилось? Она столько лет энергично противилась всяким

воспоминаниям о его теле, о мускулах и огромных костях, о трогательных изъянах – и чего добились? Ничего. Все на месте, стоило лишь отдернуть завесу. Лора знала, что так и будет.

Они лежат на останках дивана. Рядом, на стуле, мерцает неизбежная свеча, и выхлопы тепловой пушки из самодельного патрона согревают Лорину ступню и два или три пальца.

– Мне неудобно, – говорит она.

– Мне тоже.

И все же они лежат. Холодно, и хочется в туалет, и Лора видит свои бесчисленные изъяны, как, должно быть, видит их Петер, – чудовищно увеличенными. Она думает: нужно спрятаться, нужно уйти – но не уходит, потому что боится расплескать восхитительный жар между бедер, тупую боль и негу в запястьях и коленях; боится остаться ни с чем. Она никогда не забывала это чувство – просто не думала, что ощутит его снова.

– Все это неправильно.

– Знаю.

– Мы плохие.

– Очень.

– Неправильно.

– Да.

– По сути, преступники, – говорит она ему в ухо, и он фыркает. – Что? Я не шучу.

Он смеется: над ней, над ними обоими.

– Перестань, – говорит она. – Seriously. Хватит. Я тебя еще раз спрашиваю: когда ты им все расскажешь?

Вторник, 14 марта

Праздник в честь Дня основателя

10:00–12:00 – **выставка керамики** (также среда, 10:00–12:00), Рэдклиффская библиотека (вход свободный).

12:00 – **дебаты семиклассников** («Европа: друг или враг»), старая библиотека, 3 фунта.

16:30 – «Моя любовь – босанова»: **барабанное попури** в исполнении «Кумских музыкантов», шатер во Дворе основателя, платный бар, 4 фунта.

18:00 – «Венецианский купец», монастырский внутренний двор, 4 фунта.

Фаркаши, разодетые и кокетливые, собираются вместе в пять. К этому часу родители тех, кто участвует в постановке «Венецианского купца», приглашены к директору на коктейли. Хотя помощница секретаря, запутавшись в семейных обстоятельствах Марины, упорно адресует все письма «мистеру и миссис Фаркаш», Лоре все же удалось вымолить приглашение не только для себя, но и для Марининых бабушек – родной и двоюродных.

Большинство матерей, подозревает она, приезжают из Йовила и Солсбери каждый день или отдыхают здесь всю неделю с друзьями вдали от супругов, спровадив молодежь в пиццерию. Они снимают номера в «Дубе» и «Редженси», а не в шотландском до неприличия «Брэгарольде». Лора с семьей – единственные его постояльцы. Утренняя столовая будет в их полном распоряжении.

Впрочем, в комнате Розы и Жужи – той, что попросторней, – они вчетвером чудесно проводят время: сидят на покрывалах из темной шотландки, хихикают и пьют быстрорастворимый кофе из дома. Атмосфера пьянит, словно перед битвой.

– Мы здесь, – объявляет Жужи в огромных солнцезащитных очках, – хотя Пали Клейн звал меня на балет. «Щелкунчик». Очень жалко – зато семья вместе. Прекрасно! Все для Мариныки.

Розы раздобыла открытку с фотографией школы и при свете

прожектора пишет миссис Добош отчет о последних событиях. Ильди и Жужи раскраснелись от смеха, кровати ходят ходуном. Лора улыбается, как деревянная. Сегодня Петер идет к врачу, станут известны новые результаты; какие именно, она из его путаных объяснений не поняла, но это важно. Лора не без труда передала ему телефонный номер гостиницы. Петер согласился, что в случае новостей «может, я, может, Сьюз» оставят ей сообщение – но сдержат ли они слово? И что будет значить молчание? А тем временем на работе, откуда Алистер прошлым вечером отпустил ее в путешествие, обнаружатся какие-нибудь потерянные отчеты или недостача флуразепама.

Когда Жужи открывает пачку «бисквитных пальчиков», Лора решает действовать.

– Пойду поищу мою, э-э... – говорит она и сбегает по лестнице – объяснить хозяйке отеля, что если женщина по имени Сьюз от имени общего друга оставит ей сообщение, то его нужно передать Лоре с глазу на глаз.

Миссис Казинс не впечатлена. Она и без того недовольна их посиделками и уже дважды поднималась в номер с наказами: не шуметь и не тратить понапрасну гостиничное мыло.

– Это приличный дом, – говорит она. – Другие гости нашими услугами очень довольны.

– Да, все прекрасно, абсолютно. Я только... простите, моя подруга не может иначе со мной связаться. Это насчет... медицинских результатов, – говорит Лора, чувствуя жжение в глазах. – Они станут сегодня известны.

Повисает долгая пауза.

– У нас так не принято. Мне это не нравится. Придется поговорить с мистером Казинсом. И если из-за этих результатов вы решите выехать раньше, возмещение не предусмотрено.

– Спасибо.

– Хм...

– Да, – через силу добавляет Лора, – еще кое-что. Если подруга позвонит, пожалуйста, не говорите ей мой, ну, вы знаете. Лучше позвоните меня. Это как бы сюрприз.

Она взбирается по лестнице, с трудом переставляя отяжелевшие ноги и чувствуя на спине подозрительный взгляд. За темным дверным проемом с надписью «Службное помещение» прячется телефон. Что, если Петер нуждается в ней?

Что, если нет?

Коктейли у директора – действительно коктейли и ничего больше. «Ни печенья, – думает Лора Розиным голосом, – ни орешка». Впрочем, настоящая Роза ничего такого не говорит. Лора вылавливает из своего крющона газированный апельсин, Жужи раздает шоколадные пастилки. Несмотря на сумерки и совсем не теплую погоду, вечеринка проходит в саду возле дома доктора Три – цитадели в стиле викторианской готики за аккуратной шестиметровой изгородью. Окна, выходящие на лужайку, обильно освинцованы, так что внутрь не заглянуть – разве что увидишь штору до пола или отблеск серебряной рамки на крышке рояля. Миссис Три (видимо, тоже преподаватель) скользит меж гостей, как жирица в узорном платье с рельефным воротником, ловко обходит подвыпивших отцов и целует избранных матерей. С какой-то далекой репетиции доносится слабое эхо стоголосого хора.

– Прекрасно, – соглашаются старушки у столика с коктейлями.

Лора ищет признаки жизни; да, Жужи разочарованно трясет головой, провожая взглядом очень широкобедрую даму в платье из мадраса, потом другую, в джинсовой блузке, а после переключив внимание на мужчин в блейзерах с золотыми пуговицами, ярко-горчичных брюках и броугах из коричневой замши. Она права, думает Лора. Не ей их судить, с ее-то нарядом – и все-таки родители здешних учеников выглядят чудовищно.

Главы семей размахивают внушительными фотокамерами. Столы завалены фляжками и складными панамами. Встречи кумских отцов с кумскими сыновьями наводят на мысли о домашнем насилии: все молотят друг друга по плечам и кричат что-то невразумительное.

А где же дети? Пьеса начнется через полчаса. Остальным, похоже, хорошо и без них, но у Лоры руки дрожат от жажды: по Марине, ее затылку, ароматным щекам. Все места уже заняты. Ильди застенчиво ковыряет пальцем бетонного грифона. Роза забыла свой «Кодак». Петер в Лондоне уже знает, есть ли у него будущее.

– Красиво, – говорят Фаркаши, и Лора кисло кивает. Наконец после тягостной речи, посвященной благотворительным турнирам по гольфу и обедам для выпускников Линкольнс-Инн^[20], им приказано поднять бокалы в честь школы «и тех, кто идет под ее парусом». А когда стихают крики восторга, открывается боковая дверь и появляются дети.

По крайней мере, чужие – в ярком гриме, в золотых парчовых костюмах. Семья Марины ждет.

– Здравствуйте, – говорит чей-то голос. – Вы ведь миссис Фаркаш?

Рядом с Лорой стоит бледная напудренная девочка, превращенная в старуху с помощью гребня и морщин, намалеванных карандашом для

подводки век.

– Хейди, – сообщает девочка, словно они встретились на какой-нибудь конференции. – Подруга Марины из Вест-стрит. Мы с вами знакомы.

Она тут же извещает Лору о своей легкой нетбольной травме, без пяти минут победе в межфакультетских дебатах и успехах в изучении неорганической химии.

– А, ты ведь одноклассница Марины? Как она... у нее все хорошо, ты не знаешь?

– У Марины?

– Да!

– Хм...

– Что? Что-то случилось?

– Дорогуша! – слышит Лора и, облегченно вздохнув, поворачивается к старушкам, которые воркуют вокруг невысокой темноволосой девочки в несуразной тоге. Секунду спустя Лора узнаёт дочь, ждет, пока бабушки закончат трепать ее щеки, и спрашивает:

– Все хорошо?

– Да, – отвечает Марина, и мама видит, что она лжет.

Марина с дрожью ожидает сигнала. Через две минуты, перед неуместной дракой на шпагах, она выйдет на сцену с левой, с правой, нет, с левой стороны и, продавая черни апельсины, с криками уйдет за кулисы влево. Нет, вправо. Она все боится выбежать не туда; в последнее время ее голову осаждают неистребимые мысли, как в фильме ужасов. И еще она очень устала. Спать теперь совершенно некогда, а если сон и приходит, тревоги в нем множатся, как в бесконечном аду: от стволов отходят ветки, от веток – листья, от листьев – прожилки; бронхиолы, альвеолы, капилляры, клетки...

Там, на темной лужайке, – ее семья. Марину это не успокаивает – ее, напротив, тянет на безрассудство: пробежать через сцену, спрыгнуть и поднять семью на ноги, вытоптать кумскую траву и живущих в ней насекомых, которые заражают их, пока они там сидят, веселятся и ни о чем не подозревают. Осталось два вечера – всего ничего. Не позволяй слабости взять над собой верх. Укрепи свое сердце.

Между тем нельзя не заметить, что родные расположились уж очень привольно. Розы вытянула ноги, Жужи щеголяет древней сумочкой с металлической окантовкой из «Харродза»: они совершенно не думают о Марине. Странная пожилая компания в мехах привлекает всеобщее внимание – будто медведи забрели на пикник.

Вспотев в костюме, как поросенок, и испачкав балетки в траве, Марина вновь переводит взгляд на дальний конец лужайки, где миссис Вайни сидит на скамейке рядом с мистером Стеннингом; и, несмотря на отсутствие мистера Вайни, в голове появляется образ: встреча племен.

«Боже! Я, – думает Марина, – сделаю все, лишь бы этого не случилось».

Но что значит «все»? Как далеко она готова пойти?

«Все. Поранить себя, впасть в буйство, даже...»

Тут она замечает между пушистыми силуэтами бабушек пустое одеяло. Куда подевалась мама?

Только что Лора сидела на траве в окружении кумских семей, самодовольных, как тюлени на лежбище, – и вот она уже на ногах.

– Что ты делаешь? – шипит Жужи.

– Простите, – шепотом отвечает Лора. Пробираясь по траве и лавируя между одеял, она натывается на пожарный выход без опознавательных знаков, откуда ее отгоняет мужчина в шортах, и наконец, отыскав другую дверь, вырывается на суровый холод.

Она одна. Где-то рядом печально бьет колокол. Петер уже получил результаты, и Лора должна их узнать. Слезы хлещут, как кровь из носа. Лора утирает лицо рукавом. «Марина меня простит, – думает она, – если вообще заметит, что я ушла. Однажды я все объясню – разумеется, объясню».

Она бежит по каменной мостовой, ныряет под арку и выходит во Двор основателя. Несколько школьников, почему-то одетых в армейскую форму, расставляют на траве стулья.

«Залупа!» – громко кричит один, на что другой отвечает: «Мечтай!»

Заслышав шаги, они умолкают, но когда покрасневшая Лора проходит мимо, их почтительность подвергается перекалибровке: вновь раздаются громкие голоса и смех, и Лора отчетливо слышит, как кто-то говорит «хер».

Для постороннего все здания вокруг одинаковы. Бродить без надзора как-то неловко. Что, думает Лора, она в худшем случае могла бы узнать?

Наконец у входа в некий рудиментарный паб (кувшины с леденцами за пенни, бумажные папки, пивные краники) удастся разыскать телефон. Дозвониться, чтобы узнать вердикт – смерть или жизнь, – непросто: Лора дважды вешает трубку, прежде чем ее соединяют с нужным номером. Наконец раздается голос Сьюз.

– Я очень занята, – говорит она. – Он придет в пять.

– То есть к вам домой? Туда? – Лору сжигает чистая белая ненависть. –

Пожалуйста, как только он появится, попросите перезвонить. Я... я не могу долго ждать, звоню из таксофона. Вы не знаете, что сказал врач, только честно?

Пока она ждет ответного звонка, два старшеклассника откровенно на нее пялятся. Лора прячется в неудобный темный закуток между досками объявлений и закрывает глаза.

Петер выясняет, есть ли у него будущее. И с чего она взяла, что нужна ему, спрашивает она себя? Раньше была не нужна. Ее и тогда не хватало. А если...

Лора хватается телефон, будто боится, что он убежит.

– Алло?

Это Петер. В ухе гулко бьется пульс.

– Что тебе сказали?

Все сложно, и еще сложнее из-за того, что он не сумел задать врачу нужных вопросов. Если Петер «перекантуется», как он выразился, шесть месяцев без рецидива, это удвоит шансы прожить еще год по сравнению с тремя месяцами, которые у него уже есть.

– Это точно? – спрашивает она. – Ну а сейчас? Что они знают?

Очень мало. Петер по-прежнему заявляет, что это хороший, «правильный» рак. «Потому что почку можно убрать, – говорит он, будто люди – какой-то конструктор. – То ли дело печень, или мозг, или, не знаю, пен...»

– Ладно. Хватит. А что, если вторая...

Оба прислушиваются к незаконченной фразе, шелестящей, как морская волна, как воздух в прижатой к уху жестянке. «Никто на свете не переживает о тебе, как я, – беззвучно говорит ему Лора, – кроме...»

– Пит, что мы будем делать?

Стоит глухая ночь. В Кум-Эбби, Дорсете, а может, и во всей Англии не спит одна Марина.

Она написала стихотворение:

Ни солнца, ни луны,
Навзрыд
Кричит сова – ответь:
Кто я тебе и отчего
Так жажду умереть?

Стихотворение впечатляет и трогает: неподдельное отражение ее боли. С тех пор как Марина отвергла дружбу Саймона Флауэrsa – ибо что это было, как не предложение дружбы? – она осталась совсем одна. Все летит под откос. Как могла мама пропустить ее выход на сцену? Марина мало что видела из-за ярких прожекторов, но отчетливо слышала шепот в той части зала, где сидели Фаркаши. Они наверняка предлагали соседям клетку или говорили что-нибудь бестактное об их обуви. Все поймут, что они заодно с Мариной. Нехорошо так думать, но это правда.

А если зайдет разговор о химии? Может, и к лучшему, что она мало времени проводит с семьей – меньше возможностей проболтаться. Правда, без надзора Фаркаши рискуют наткнуться на Вайни. С чего она вообще взяла, что сможет контролировать ситуацию?

Ночью Лора долго лежит без сна на бордовой нейлоновой простыне у батареи, истекает потом и пытается представить, как соберет все семейство за завтраком и расскажет... что же? Что Петер, возможно, умрет? Ах да, начнем с того, что он жив.

А потом? Они пойдут в ту ужасную бежевую гостиную, найдут Марину и огорошат ее новостью об отце на глазах у десятков одноклассниц? А доктора Три надо ставить в известность?

«Возьми себя в руки, – шепчет Лора. – Ты в постели бок о бок с женщиной – плакать нельзя. Мужчина мог бы и не заметить, но Ильди, если проснется, услышит и, хуже того, захочет понять, почему ты держала это в тайне. О, – небрежным тоном говорит про себя Лора, – я узнала, что

он в Лондоне, только двадцать восьмого, мать его, января. Да, почти два месяца назад. Да, когда стало известно о болезни, я побоялась, что для вас это будет слишком тяжелым ударом, но в основном сама перепугалась».

Петер хочет, чтобы они знали.

«Я могла бы, – думает Лора, осторожно поворачиваясь к Ильди, которая лежит на больной спине и тихонько похрапывает, приоткрыв рот, – я могла бы посвятить для начала ее. Хоть чем-то ему помочь».

– Ильди, – осторожно шепчет она. А если у нее сердце не выдержит?

«Завтра, – думает Лора, – я найду время и поговорю с ней завтра. На самом деле уже сегодня». Пятый час. Невозможно ни спать, ни думать – голова гудит, будто сирену включили. Лора не взяла с собой книги; да и что тут и возьмешь, когда другие читают «Жизнь Пикассо» и параллельный текст «Леопарда» Джузеппе ди Лампедузы? Ее мысли, когда не заняты тревогами, дрейфуют к сексу – к теплым отмелям, где волны тихо плещутся об острые скалы.

Потом ее посещает идея. Медленно, скрипя зубами от каждого звука – теперь, когда Ильди нельзя будить, – Лора откидывает одеяло, по-гусиному перешагивает через хрупкие старушечьи ноги и тянется к полу. Ночная рубашка холодит кожу. Лору сжимают тиски вожделения.

Ее нога достает до ковра. Ильди по-прежнему храпит. Лора вытягивает из-под кровати чемодан, морщится от скрипа небесно-голубого ледерина по нейлону и ощупью ищет коробку.

Зачем Марина попросила привезти письма? Даже если бы в семье не царил уверенность, что ребенка нужно беречь от всего на свете, затея все равно была глупой. Секретные архивы не хранят за книжными полками в старых многоквартирных домах. Или она хочет найти завещание?

По правде сказать, Лора не очень-то и старалась. Поиски были похожи на эксгумацию: печальный запах крошащейся дешевой бумаги, смазанные почтовые марки, скрывающие, быть может, правду о прошлом – настолько ужасную, что трусиха Лора избегала на них смотреть. Такие семьи всегда хранят на задворках памяти какую-нибудь темную историю: о предательствах в заснеженных горных проходах, о доверчивых малышах, отведенных в лес. Здесь Лора согласна с Фаркашами: от этих знаний она бы уберегла Марину, если б могла. Чужое горе не прививка, пользы оно не принесет, а только все усложнит.

Поэтому вместо писем она привезла фотографии, на которые наткнулась случайно, когда искала в комодке вилку для кукурузы. Нет, неправда. Она искала старые снимки Петера. А вместо них нашла красную жестяную коробку с рекламой любимых Жужиных леденцов, которые один

ее воздыхатель из Роттердама за огромные деньги отправил в Лондон. Лора взглянула на этикетку, прислушалась к грохоту иностранных монет внутри и чуть не отложила коробку в сторону. А потом подняла крышку и, среди запаха патоки и осиротевших ключей, нашла это.

Три десятка старых фотокарточек – в основном ее дочь в клетчатых панамках, тесемках и поразительных вязаных кофточках; толстощекое детство, которого Марина всегда будет стыдиться. Лора приоткрывает дверь, впуская из коридора свет, осторожно выглядывает – никого – и снова садится на пол у чемодана.

Вот Золтан в воскресном плаще – седой и до смешного солидный; вот он же, с идеальным пробором, выполняет коронный прыжок в темную воду. У Лоры сдавливает горло, но что за глупость, в конце концов? У всех есть семейные снимки – почему их не должно быть у Фаркашей? И все-таки ей неуютно. «Бедный Золтан, – думает она, – я тебя люблю. Люблю. Я даже думаю, что и ты меня любил. Что с тобой стало?»

Другие снимки – крошечные, черно-белые, с обтертыми углами: усатый человек в котелке гуляет с красивой девочкой и женщиной в мехах, как в последние дни Романовых; еще один безупречный нырок; одиннадцать мужчин и женщин в цельных купальниках, от промежности до ключицы, улыбаются, как олимпийские боги. На обороте кто-то написал пером: «'935»; Розы было тогда – сколько? – двадцать шесть, Золтану – двадцать семь. На снимке их нет. Вот группа смеющихся лыжников в рубашках и галстуках, даже у женщин («Скотарска '937 II.28»). Вот еще больше веселья: счастливая девушка курит, стоя по колено в реке, обрамленной серебряными березами. Четыре фигурки танцуют канкан перед замком. Все улыбаются. Всюду сияет солнце.

Лора вглядывается, шарит рукой за спиной и открывает дверь чуть шире. Это ведь Жужи, да, точно, стоит на камне в матросском костюме, и опять с ней две сияющие от счастья девушки; как будто младшие сестры Каройи – но разве Жужи не была самой младшей? Если только... Боже!

Один из снимков сделан в высокой траве, позади которой колышется широкое пшеничное или кукурузное поле и темнеет гора; блондинка и брюнет в купальных костюмах, скромные и серьезные, сидят, обхватив руками колени. Мужчина – Золтан, но женщина – это не Розы, хотя та не упустила бы шанса поплавать. Возможно, она не попала в кадр или стоит позади камеры – вот только эти двое выглядят так... уединенно. Вот Розы в коротком шерстяном жакете и варежках стоит на лыжах. Что за девушка рядом, чуть похожая, но симпатичнее? У обеих широкие блестящие скулы, сверкающие улыбки, чуть волнистые волосы, приплюснутые на манер

беретов. Их приобнял мужчина, не Золтан: старше, богаче на вид, с белоснежной улыбкой и зачесанными назад волосами, редующими к вискам. На нем плотная рубашка, застегнутая на все пуговицы, и брюки с защипами; лыж у него, как и на другом снимке со снежного склона, нет. Знакомая рука вывела на обороте «34» и еще неразборчиво. Кто-то другой дописал: «Английский для иностранцев, Вечерний институт СЛГ^[21]».

Лора напрягает память: кажется, у Фаркашей был один частый гость, лучший друг Золтана? Да, почти наверняка. Когда Лора только познакомилась с ними, Розы и Золтан постоянно виделись с каким-то мужчиной и его женой. А потом перестали.

Среда, 15 марта

Праздник в честь Дня основателя

10:30 – **ватерполо**, показательный матч, Грир (вход свободный).

12:00 – **музыкальный перерыв**: военный оркестр, шатер во Дворе основателя, 3 фунта.

13:30 – **«Музыка для соловья»**: инструментальное и вокальное посвящение английской деревне на музыку Воана Уильямса и Элгара, а также чуточка барочной классики; миссис Сьюзан Джеймс и хор крипты, крипта Кум-Эбби, 5 фунтов.

15:00–17:00 – **закрытый смотр** изобразительных искусств: коктейль из живописи, графики и скульптуры, студия Мура, 3 фунта.

19:00 – **«Все о джазе»**: представление с хитами Фэтса Уоллера, Коула Портера, Херби Хэнкока и других в исполнении «Кум-рок-комбо» и «Кумских музыкантов», солируют Джемма Оллок (6-й класс, Фицджеральд), Бен Блейк-Чарлз (7-й класс, Дейнфорд), Тони Лемон и миссис Дебора Три, зал богословия, 10 фунтов.

Марина всю ночь не спала. Она нервничает и слегка не в себе; овсянка за завтраком не вдохновляет. Родные отправились в буфетную, где проходят дебаты; от одной мысли о семье хочется плакать. Вчера вечером, прощаясь после спектакля, Марина в кои-то веки рискнула навлечь на себя божью кару и сказала, что любит их. Мама, о чем-то задумавшись, не ответила.

Хотя Лора пыталась отговориться головной болью, к девяти часам все уже встали, позавтракали хлопьями, собрались у Гартских ворот («Какая по-года!») и обсуждают, как провести день. В городе мало возможностей для культурного обогащения. Марина сказала, что будет занята – они не увидятся до начала джазового спектакля, – поэтому Лора, вооружившись прихваченным на вокзале буклетом, планирует дневной досуг. Они посетят дом, где, как считается, родился поэт, о котором Лора ни разу не слышала, понаблюдают за резкой по дереву в местной библиотеке, а после отправятся в школьный Арт-корпус, где экспонируются ужасная скульптура

и несколько трудов, посвященных отражениям в солнцезащитных очках.

«Очень мило», – отважно говорит Роза, когда они едят сэндвичи с ветчиной (с салатом – плюс десять пенсов) в «Старинном медном чайнике». Лора притворяется, что ей нужно в уборную, а сама спускается к таксофону. Сьюз не обрадуется звонку, но у Лоры есть оправдание: она хочет спросить Петера о таинственном бывшем друге – как его звали, Руди? Шандор? кажется, Тибор, – в котором все уверенней подозревает того мужчину с фотоснимка.

Все-таки человеческое либидо – невероятная... что? Слабость? Иллюзия? Даже в самых далеких от эротики обстоятельствах – в телефонной будке, среди швабр и любительских афиш – в голову все равно лезут мысли. Назойливые желания. Лора не знает, как забыть о его руках.

Может, он не захочет с ней говорить. В конце концов, попробует позже, думает она, вслушиваясь в гудки. Это не срочно – по крайней мере, то, что касается Золтана. Чем разговор закончится, ей прекрасно известно.

Потом Сьюз берет трубку.

На уроке истории, продираясь сквозь войну за ухо Дженкинса^[22], Марина принимает новое решение. Она пойдет против матери. Если та не потрудилась даже взглянуть, как ее единственный ребенок (Марина) продает апельсины, то это конец, разве нет? Что-то умерло.

Она смотрит в окно и глотает слезы. Все сложилось бы иначе, останься она дома. Отсюда следует, что это ее вина. А отсюда следует, что никто ее не спасет.

Судя по звукам, у Сьюз вечеринка. Петер, как выясняется, уже рядом.

– Что происходит? – спрашивает Лора.

– Да так, Йенс с парой корешей, – отвечает он. – Зависаем. О чем ты хотела спросить?

– Наверное, это глупо звучит. И тебе, тебе и так хватает забот. Но мне надо узнать о друге Золтана.

– О котором?

– Я... Был ведь один, с которым они постоянно виделись? Тибор, или Шандор?

– А, Тибор Сёллёши, этот?

– Может быть. Скорее всего.

– Ну да. Они крепко дружили. Ты его точно видела. А что?

О фотографиях Лора ему не расскажет – она так решила прошлой ночью.

– Я видела снимки, – слышит она свой голос. – Дома, в Вест...

– В Вестминстер-корте, – произносит он с Розиным венгерским акцентом, и что-то скребет у нее в груди. – Ну да, все так. Они были не разлей вода, а потом, не знаю, что-то случилось. Конец истории. Давай о чем-нибудь другом поговорим.

Этого она и боялась. Петер или ничего не знает, или расскажет ей историю о войне, настолько ужасную, что... Что? Мир, не вынеся правды, рассыплется в пыль и растает?

– Случилось что? – тихо спрашивает она. – Расскажи. Если можешь.

– Я не в курсе...

– Как это?

– Так получилось. Ты же их знаешь, они скорее умрут, чем признаются, что... умирают. Например. Там было что-то, черт, сейчас вспомню, что-то насчет бизнеса вроде бы.

– Что? Это как с картинами, которые украли нацисты и которые всплыли в швейцарских банках?

– Нет, конечно. Они... я тогда еще не родился. Это было в Паласлани. Лучше спроси у Розы.

– Как ты себе это представляешь? Напрягись.

– Ладно, ладно. Да нет, я помню, просто не люблю говорить... Неважно. В общем, Золтан, мой Золтан, должен был получить в наследство дедушкино поместье.

– У него было поместье? Я не знала.

– Было, а как же. Где-то в деревне. Розовый особняк, всюду лошади. Он мне рассказывал, – добавляет Петер, и Лора слышит, как он глотает комок, – рассказывал, как они в начале лета снимали обувь и не надевали ее, пока не возвращались в город. Ну и вот, все это должно было перейти ему по наследству – дом, бизнес. Все, что нужно, чтобы делать седла для австро-венгерской армии. Колодки? Лекала? Не знаю. В любом случае все досталось Тибору.

– Что?!

– Тибор оговорил его, что ли. Он работал на моего деда, отца Золтана. Был управляющим или кем-то там, и...

– Подожди-ка, оговорил? Лучшего друга? А Золтан где был?

– В колледже, наверное? Он же учился на врача. Тибору доверяли, ну, он был из местных. Из бедной семьи. Его братья и сестры надевали в школу одну пару ботинок, по очереди. Дедушка его любил – лучший друг сына, как-никак. Ну, и поверил, когда Тибор сказал, что Золтан – морально... как это называется? Нечестный, короче.

– Ты шутишь.

– Нет.

– Но зачем?

Петер глубоко вздыхает.

– Потому что... потому что еще до Розы, а значит, я так думаю, еще до войны, у Золтана была девушка. И она была – подожди, не перебивай, – она была в разводе.

– Ох...

– Так что ставки были высокие. У нее, кажется, был ребенок; я слышал какую-то историю про переезд через границу в дипломатическом вагоне. Вот так. А потом, без наследства, Золтан приехал в Англию – хотел начать новую жизнь с другими людьми, и среди них была Розы, которая в университете дружила с той женщиной. Об этом-то ты должна знать...

– Нет. Они мне не рассказывали.

– Это было как раз перед войной – тогда и началась вся эта морока с поддельными визами и паспортами, которыми занималась Розы. Ты и этого не знала?

– Нет. Честно. Как ты...

– Слышал, то здесь, то там. Ну и вот, пока они рисковали жизнью на поезде – не помню каком, в Бельгию, или в Амстердам... неважно – в общем, Тибор, лучший друг Золтана, соблазнил ту женщину.

– О нет!

– О да. Думаю, с Золтаном она к тому времени уже разошлась – в такой-то неразберихе, – но факт остается фактом. Тибору досталось все. Он даже женился на ней. Ублюдок.

– Значит, с войной это никак не связано? Падение. Предательство.

– Нет. С чего ты взяла?

– Да так, подумала. Неважно. Бедный Золтан.

– Знаю. И это еще не все, потому что...

– Боже, – говорит Лора, – я совсем забыла. Они ведь ждут меня наверху.

Марина, в унылом и мрачном расположении духа, только что вошла в темный проход между Научным корпусом и Военным мемориалом. Камень зарос вьюнком, предвестником несчастий, но если, думает она, задержать дыхание, то можно хотя бы отчасти себя защитить. Вот так, в кои-то веки, неожиданная встреча случается, когда Марина ее не ждет.

Навстречу шагают Гай и миссис Вайни.

Марина выдыхает. Во рту становится сухо. Все фразы, с которых можно начать разговор, улетучились – остались лишь неистовые молитвы: Господь на небесах, если Ты не покинул меня за неверие, пожалуйста, сделай так, чтобы моя семья была сейчас далеко. Школьная форма ей жмет. Марина скребет шею, как деревенская дурочка, затем отдергивает руку и прячет ее за спиной. Теперь она похожа на принца Чарльза.

– Как мило, – говорит миссис Вайни. Она подставляет щеку для поцелуя, и в Маринином сердце вопреки всему загорается искорка радости.

– Ох, – говорит она, – вот это встреча!

– Привет, – ухмыляется Гай.

Однако нечаянный разговор, на который возлагалось столько надежд, не ладится. Марина все больше робеет; каждое ее движение ей отвратительно. Миссис Вайни, похоже, скучает – или раздражена? Не нашла ли она безделушку, которую Марина разбила в «Стокере»? Может, лучше во всем сознаться? Однако не успевает она это обдумать, как Гай говорит:

– Угадай, кто завтра вручает награды? Папа! Ой, смотри-ка, это не твоя мать?

Да, это она, с довольным видом пересекает двор. На ней старый коричневый плащ. Она целует Марину, рассеянно здоровается с Гаем и явно недружелюбно говорит миссис Вайни: «Рада встрече». Гай объясняет, что человек, который должен был вести церемонию награждения – чемпион Игр Содружества по гребле, учившийся на факультете Бьют хоть и миллион лет назад, но все у того же мистера Кендалла, – отказался в последний момент, и вместо него позвали мистера Вайни.

Марина слушает вполуха. Миссис Вайни, кажется, недовольна, но почему? По ней не поймешь: она очень вежлива. Марина неуверенно придвигается к обеим матерям: одна в красивых коричневых туфлях, другая – нет.

– Солнышко, – говорит ее мама. – Ты видела Розы и компанию?
– Я? – спрашивает Марина, предупреждаяще вращая глазами. – Нет!
– Они пошли за покупками. На Хайстрит есть маленький бутик, и Жужи...

– Мам...

– Не перебивай, милая. Розы, Ильди и Жужи: ты уверена?

– Боже, – говорит миссис Вайни, – какие интересные име...

– Мам, ты ведь помнишь Гая? – спрашивает Марина. – Конечно, помнишь.

– Прости, – отвечает Лора, как-то слишком усердно хмурясь. Мимо проходит группа крепких мужчин в блейзерах и длинных крикетных джемперах Клуба выпускников. – Ах, Гай. Да, я помню. Ты учишься в Маринином классе?

– Не совсем, – говорит Марина, обливаясь холодным потом.

– Ты... выбрал другие предметы?

– Если бы, – улыбается миссис Вайни. – На самом деле Гай еще пятиклассник. Хотя и отвратительно скороспелый. Правда, они быстро растут?

– Ну... – говорит Лора.

– Впрочем, несмотря на огромную разницу в возрасте, мы узнали и полюбили Марину, верно, дорогая?

– В самом деле? – хмурится Лора. – Когда вы успели?

– Ой, – подсказывает Марина, – что я вспомнила! Мистер Стеннинг. То есть Дэвентри, мистер Дэвентри! Он хотел с тобой поговорить.

– Что ж, не будем вас задерживать, – говорит миссис Вайни. – Похоже, вы ужасно заняты.

– О да, – беспечно отвечает Лора, и Марина вдруг ясно осознает, что мама совершенно не умеет разговаривать с такими людьми.

– Вы же придете завтра послушать речь Алекса? Обязательно приходите. Я, к сожалению, не смогу, но вы...

– Лора, – подсказывает Маринина мама.

– Конечно, Лора. В общем, не пропустите.

– До скорого, – говорит Гай. – Кстати, не хочешь развлечься вечером?

– Хочу, – отвечает Марина, косясь на мать, которая стоит столбом и не участвует в разговоре. – Очень даже! Замечательно. – Мама кладет руку ей на плечо, но Марина притворяется, что не заметила. – Беспо... определенно. Ты уверен? То есть я только за. Да, пожалуйста. Во сколько?

– Не знаю. Я за тобой заскочу. «Корона и митра».

– Вот и славно, – говорит миссис Вайни, явно не имея этого в виду.

У Марины подсакивает сердце. «Корона и митра» – запретный паб. Туда позволено ходить только деканам и старостам.

– Мам, мамочка. Мы... давай найдем мистера Дэвентри. Позже решим. Правда. Пойдем.

– В...

– Нет! – говорит Марина. – Знаешь, вообще-то я не очень хорошо себя чувствую. Пожалуйста. Прости, м-м-м, простите, – бормочет она, не смея взглянуть на миссис Вайни. – Я... – Она хватает маму за руку – невежа, горбун, чудовище – и, растеряв все изящество и достоинство, уводит ее прочь.

– А как же «Все о джазе»? – спрашивает Лора, раздраженная и подавленная. Она думает: где бы взять схему, которая прояснила бы всю эту путаницу?

– Я ведь не обязана туда идти, правда?

– Марина! – Лора говорит резче, чем собиралась, и обе удивленно глядят друг на друга. – Конечно, обязана. Мы купили билеты. Нельзя же взять и... забыть.

– Ну а я забыла, – упрямо отвечает Марина. – И теперь поздно. Я приняла приглашение.

Лора хмурится, а заметив это, разглаживает лоб и пытается говорить мягче:

– Солнышко, Роза захочет, чтобы ты с нами пошла. Не глупи... Ох, милая, почему ты плачешь?

– Я так запуталась...

– Почему? Как? Какая ты странная, чучелко.

– Не говори так!

– Я не хотела...

– Нет, все правильно. Я чучело, чучело, и я не могу...

– Ну, перестань, не надо. Ты чудесная.

– Ты даже, – всхлипывает Марина, – не представляешь.

– Ш-ш...

– Я не могу «ш-ш»! Лучше бы... Лучше бы я умерла.

– Ты ведь не всерьез? – отшатывается Лора.

– Всерьез.

– Не говори так!

– Почему? Я правда хочу! То есть не хочу, но иногда...

– Тише, тише, милая. Я знаю, знаю.

На какой-то миг они застывают у Военного мемориала, неловко

обнявшись. «Расскажи ей об отце, – приказывает себе Лора. – Сейчас же. Но разве бедняжка такое выдержит, когда она так...»

Несчастлива. Теперь Лора видит это так ясно, будто с клетки сдернули покрывало, под которым все это время страдала бедная птичка. Будто она, Лора, наконец открыла глаза.

Марина все испортила. Теперь, слишком поздно, она ясно видит, что отказаться от химии, медицины и будущего было чистым безумием, а утаить это от семьи – и того хуже. История не принесет ей счастья. Раньше она хотя бы знала, чего хочет. Теперь место амбиций занял страх.

И при этом, если признаться маме, та решит, что семейство Вайни – корень всех зол, а не источник мудрости и надежды. Пусть рядом с ними Марина чувствует свою никчемность – так иногда бывает, – а все-таки своим примером они показали ей, как не быть низкой. Они много для нее значат. Марина несчастна, а следовательно, меняется к лучшему. Сталь, закаляясь, тоже краснеет.

– Можно выпить где-нибудь чаю, – говорит Марина, но обе не могут придумать где. Лора едва не вздыхает от облегчения, когда слышит знакомое «Дорогуша!», оборачивается и видит, как через двор им навстречу шумно идут три разодетые венгерские старушки.

Неумолимо приближается вечер, а с походом в «Корону и митру», равно как и со всеми вытекающими отсюда последствиями, по-прежнему ничего не ясно. Миссис и мистер Вайни будут ждать Марину, надеясь на приятную компанию. Только в самый последний момент, когда семья уже расселась в зале богословия и Саймон Флауэрс наверняка готов выйти на сцену и исполнить «Моего забавного Валентина» (Марина всегда представляла, как он поет эту песню ей одной), – только тогда она пытается выдумать отговорку.

Рози делит плитку швейцарского марципана. Все остальные в зале шуршат пакетиками шоколадных драже, купленными в фойе; в креслах на возвышении вдоль правой стены, куда на вручении наград сажают второстепенных деканов, сейчас несколько родственных семей поднимают пластиковые кубки с розовым вином.

– М-м-м, – лопочет Марина, – насчет второй половины... Есть маленькая проблема.

Жужжи с интересом подается вперед. На ней шарф, подарок от миссис Добош – бирюзовые зебры весело скачут по горчишно-желтым просторам; «Жейже», – сообщила она доверительным тоном, и Лора, украдкой

взглянув на ярлычок, перевела: «Йегер». Кроме шарфа Жужи надела так называемые «вечерние брюки», бронзовые туфли и длинное ожерелье – золоченое, с зеленым стеклом.

– Какая проблема? – спрашивает она, даже не пытаясь понизить голос. – Менструация?

– Нет, – шипит Марина.

– Какая? Какая?

– Я... Мне нужно пойти... на концерт.

– Мы уже на концерте, дорогуша, – говорит Роза. – Что за глупость.

– Нет, на другой, более... классический. Вы... то есть простите, я знаю, это немного странно. В перерыве, – добавляет она. – Примерно. Меня пригл... то есть попросили помочь за сценой. За кулисами.

Что, если – правда ведь, может такое быть? – что, если Саймон Флауэрс, перебирая струны гитары, будет искать глазами Марину? Откажется ли он от тайного замысла добиться ее любви, когда увидит, что она ушла?

«В кайфовом настроении» и «Мягкое безумие» отзвучали в ужасной тишине. Лора пялится на бархатную ленту в волосах соседки в переднем ряду, пока к ней, улыбаясь, не поворачивается соседкин супруг с широко настроенным секс-радаром. Разговор с Мариной неизбежен. Может, вывести ее наружу?

Лоре не хватает смелости. Десять минут спустя они все еще в западне.

Жужи тянется через нее к Марине:

– Какая программа у твоего маленького концерта?

Марина кусает ногти.

– Я не помню. Может быть... Лист?

Кровь сочится сквозь водопровод. Лора, чтобы не вцепиться в Маринин локоть, садится на свою руку.

– Лучше жди конца здесь, – говорит Жужи. – Потом мы будем идти вместе.

– Но мне еще нужно вернуться в комнату, – шепчет Марина, – переодеться. В рабочую одежду. Там будет пыльно. – Она отчаянно смотрит на маму.

Жужи в ответ только фыркает.

Хорошая мать заставила бы Марину остаться, но у Лоры на уме другое. Она думает об огромных лакунах в рассказе Петера. Может, Ильди все объяснит, если показать ей фотографии?

А когда в перерыве Марина со слезами на глазах вскакивает и говорит

«простите», что остается Лоре? Только убрать ноги с прохода.

– Ужасно, – качает головой Роза.

Лора касается ее руки: жилистой, хрупкой. Она никогда не перечит Фаркашам, но сейчас говорит:

– Может быть, отпустим ее, всего на разок?

Теперь, когда Марина сбежала, нервничать, казалось бы, нелепо – нужно ликовать. Она прячется в кабинке женского туалета и велит себе успокоиться.

Потом дрожащей рукой вынимает из плаща свою первую в жизни губную помаду, «Берли Берри», и начинает краситься, глядя на свое отражение в держателе для туалетной бумаги. Какой темный цвет – неужели так и задумано? Надо бы посмотреть в нормальное зеркало, но из-за двери доносятся голоса учениц и их матерей – не хватало только, чтобы ее увидели. В «Корону и митру» Марина уже опаздывает.

Наклонив голову, она выскакивает из кабинки, боком пробирается мимо очереди и вдруг натывается на Жужи, которая с трудом толкает дверь своей сумкой из «Харродз».

– О боже! – говорит Марина.

Жужи поднимает брови, затем опускает сумку. Ей, поклоннице любовных приключений, подмигнуть бы сейчас Марине да отпустить ее с миром.

Вместо этого Жужи делает каменное лицо, как у фараона.

– Итак, – говорит она, – ты используешь губную помаду?

– Я...

– Куда ты идешь?

Марина опускает взгляд. Школьницы, среди которых ее одноклассницы, смотрят во все глаза, а Жужин голос перекрывает и хлопанье дверей, и урчание сливных бачков.

– Нет, – начинает Марина, – правда...

– Неважно, – говорит Жужи, небрежно взмахнув рукой, будто папа римский, дарующий отсрочку на день. – Ты будешь все рассказывать нам завтра.

Лора, после бесплодных поисков еще одного таксофона, спешит через двор и вбегает в здание со звонком, знаменующим окончание антракта. Впрочем, кажется, кто-то кого-то не понял. Розы, Ильди и Жужи нетерпеливо ждут в фойе и громко шепчутся по-венгерски. Из зала доносится соло на электрогитаре по мотивам мелодии «Молодой, талантливый и черный».

– Я устала, – говорит Розы, мрачная, как туча. – Это ужасно. Мы

уходим. – И не успевает Лора ее успокоить, как они оказываются на лестнице. Только снаружи Роза объявляет настоящую причину ухода. Они идут на поиски. Марина пропала. Она солгала.

Город Кум, днем еще более-менее живописный, вечером превращается в лабиринт темных террас, китайских магазинчиков и заколоченных старых зданий, обклеенных афишами рок-концертов и представлений Мировой федерации рестлинга. Лора идет впереди, напустив на себя решительный вид и мучаясь надоедливymi вопросами. Остальные, рука об руку, шагают позади и что-то бормочут.

– А разве она, – неуверенно произносит Лора, – не там, где сказала? Не помогает за сценой? С подругами, может быть?

– Подругами, – фыркает Роза. – Не будь смешной.

Лору посылают в индийский ресторан на Хай-стрит, полный медных урн и кумских семей, заказывающих поппадумы; потом в винный бар на 42-й улице, хотя Марина не пьет и никак не может там оказаться; потом в итальянскую забегаловку, застрявшую в пятидесятых: спагетти здесь подают к отбивным и бифштексам, как овощи.

– Может, проще вернуться и спросить в общежитии, в Вест-стрит? – говорит Лора, пытаясь думать быстрее, чем Роза.

– *Хихететлен*, – доносится из-за спины. Это не сулит ничего хорошего.

Лора оборачивается. Жужи и Роза спорят по-венгерски. Ильди любезно переводит:

– Дорогуша, Роза думает, что мы будем идти назад в этот, как он называется, со-бор. Может быть, она там.

– Здесь нет никакого собо... А, в смысле, руины?

– Мы прошли половину дороги до Лондона на поисках этого концерта, – говорит Жужи, – и ничего. Она поступает ужасно.

– А что, если... вам вернуться в гостиницу, – предлагает Лора, – а я ее поищу. Она не могла далеко уйти.

– Не будь нелепой, – отвечает Жужи. – У тебя нет моих острых глаз.

– Да, это правда. Вы не проголодались? Можно пойти в город, поесть печеной картошки. – (Роза любит печеную картошку.) – Помните вегетарианское кафе по дороге? Судя по всему, довольно дешевое, – продолжает Лора, глядя через Жужино плечо и пытаясь вспомнить, где же она его видела, этот паб с большим оконным стеклом и вывеской, подрагивающей на холодном кумском ветру: «Корона и Митра». Видела, но забыла.

Марина представляла вечер в «Короне» немного иначе. Миссис Вайни так и не появилась. Никто с ней не говорит. Она очень быстро приканчивает первые полпинты сидра. На стойке перед ней – две обтрепанные подставки под кружки и пара раскрошенных чипсов; остальные она случайно смахнула на пол, к вящему неудовольствию окружающих. Старшекласник Саймон Васс, широкоплечий регбист с факультета Дин, заказал всем пива, а Марине – водки с лимоном. Гай обсуждает футбол и не обращает на нее внимания.

Марине представлялась интеллектуальная беседа за бокалом вина, некоторое послабление сексуальных запретов. Рога изобилия. А если ей, хм, скучно, то не лучше ли потратить время с пользой – например, привлечь свои способности историка к разгадке таинственной связи между Фаркашами и Вайни? Как юная королева Елизавета накануне восхождения на престол, Марина стремится взять на себя священную ношу. Она хочет начать.

Боже, что, если это связано с войной?

Она отчетливо видит, как сидит на муаровом диване в гостиной «Стокера» и листает альбом с фотографиями: вот родители Гая на приеме в саду, вот они же гуляют по Бельгии. Хватит ли ей смелости расспросить обо всем мистера Вайни? Марина тянется к опустевшему стакану, как вдруг мистер Вайни появляется перед ней и садится на соседний стул.

– Итак, юная наследница гуннов, – говорит он, – мы снова встретились. Как мило.

– Да, – отвечает Марина. Вся ее решимость куда-то исчезла. Какие бледные у него глаза, не оторваться – два капкана, два окна в душу. Ей нужно выпить, думает она. Ведь должен быть способ купить выпивку себе одной, и еще какой-то особенный: всем по полрюмочки.

– Чему ты улыбаешься?

– Я не улыбаюсь.

– Улыбаешься.

– Нет. Я... У вас неудобный стул, – говорит она. – Не хотите сесть на скамейку?

– Ты очень любезна.

– Простая вежливость, – объясняет Марина. – Я считаю, всегда нужно быть вежливой со старшими. То есть...

– Я понял.

Мистер Вайни встает и вдруг замирает. Что-то за ее плечом приковывает к себе его взгляд. Марина, надеясь, что там всего лишь грабят

банк, оборачивается. На тротуаре через дорогу стоит горстка людей. Не увидев ничего подозрительного, Марина разворачивается к мистери Вайни, застывает на полпути, потом опять смотрит в окно.

Это ее бабушка с сестрами, а рядом, лицом к Марине, – ее мама, любимая мама, которая сейчас все уничтожит.

Их взгляды встречаются.

Ильди трогает Лору за плечо.

Марина думает: вот он, момент Иуды. Сейчас она расскажет про Гая и предаст меня. Медленно, не дыша, она поворачивается к мистери Вайни, который все еще возвышается над ней и задумчиво смотрит на дорогу. Мгновение спустя он опускает взгляд. Они изучают друг друга, серьезно, по-взрослому, словно оба раздеты. В его бледных холодных радужках видны все незадаанные вопросы. Мистер Вайни первым отводит глаза. Его лицо проясняется.

– Так-так, – задумчиво произносит он. – Я и не...

Откуда-то появляется Гай.

– Что ты делаешь, чучело? Выгнулась, как Лохнесское чудовище.

– Прекрати, – говорит его отец.

Марину бросает в пот.

– У меня... шея затекла.

В любую секунду Гай может сказать: «Эй, Рина, там что, опять твоя мать?» Впрочем, это вряд ли имеет значение, когда группа разъяренных старушек готова ворваться в паб. Розы ударит его, как однажды ударила полицейского. Где же они? Снаружи, в ярде-другом от окна, беззвучно решается ее судьба. Не смотри. Не смотри.

Она смотрит.

На улице пусто.

Они ушли, оставили ее здесь. Марина все еще озадаченно пялится в окно, когда на затылок ей легко ложится большая рука.

– Я знаю, в чем дело, – слышит она голос мистера Вайни. – Тут чертовски холодно, у окна. Наверное, прихватило мышцы. – Он начинает растирать ей затылок. – Те женщины тебя искали?

– Нет, – отвечает она. – То есть...

– Неважно. Все позади, – говорит он, стискивая ее плечи. – Ну, не упрямясь. Я делаю такой же массаж своим детям. Будь послушной.

Что заставило Лору притвориться, будто она не видела дочь? Не чувствительность, не быстрый расчет, а какое-то тупое упрямство, проползшее по спине. Всем иногда нужен глоток свободы, толика

одинокости. Лора облизывает губы и откашливается. Что плохого, если Марина побудет в компании взрослых и их детей – не с чужаком же, не с глазу на глаз! Собравшись с силами, она говорит:

– Концерт Листа... Знаете, где я видела афишу? В Малом... в Малом зале, кажется, так он называется. Это же все объясняет, даже губную помаду – правда, Жужи? Пусть красится, это ведь хорошо?

А потом:

– Смотрите, там не жена министра, которого посадили в тюрьму?

Невероятно, но это работает. К тому же Фаркашам нужно пораньше лечь. Они уезжают утром, из-за «Феминь» – сразу после исторического шествия, но до фуршета с шампанским и вручения наград («Они не дают Марине подарки – зачем мы будем присутствовать?»), – так что сейчас, думает Лора, всего разумней вернуться к стоянке у школы и отправить их в гостиницу на чудесном такси, а самой дожидаться возвращения дочери.

Вот только чем себя занять? Магазины и рестораны в Дорсете уже закрыты; слишком поздно и для чая с пирогом, и для провинциального шопинга, на который она втайне надеялась: ликеры на меду, чехлы на чайник, поддельные очки-«горгульи». Она сама не замечает, как бредет в сторону Маринино общего жилища. Ноги онемели, будто от яда. Стоит свежая холодная ночь: для развязок самое время. Когда Марина закончит в пабе свои дела, Лора отведет ее куда-нибудь, где можно серьезно поговорить. Они посмотрят проблемам в лицо, откровенно обсудят их и найдут решение.

Однако в Вест-стрит по случаю праздника действуют строгие меры безопасности. Без голубого флаера (что бы это ни значило) Лора даже в здание не может попасть, не говоря уж о том, чтобы найти своего ребенка. Ей ничего не остается, как нацарапать короткую записку и отправиться в город, где она делает то, что любой человек сделал бы на ее месте: около часа сидит на холодной стене под мокрым деревом возле Кумской консервативной ассоциации – в компании Петера, Марины, Алистера, а теперь и бедняги Золтана – и тихонько плачет.

Марина ездила на переднем сиденье автомобиля раз или два за всю жизнь и не привыкла к ремню безопасности, а теперь пылает от унижения. Может, она и зря спрятала под мышкой незапертую пряжку, но и мистеру Вайни не стоило отчитывать ее как ребенка. Она совсем не пьяна, только капельку голова кружится. Вообще говоря, ему можно садиться за руль? Очень мило, что он предложил подбросить Марину до общего жилища – откуда ему знать, что субботними вечерами она не раз возвращалась туда и в более

пьяном виде; все так делают. Тут недалеко.

Что бы такое сказать? Она наблюдает за его руками на руле и, несмотря на темноту, видит плоский широкий ноготь, бугорок у основания пальца, волосы на фалангах и тыльной стороне ладоней. Она хочет спать, но все-таки соглашается на предложение мистера Вайни прокатиться туда, откуда видно весь город – римский мост или что-то такое. Может, они и забрались далековато от школы, зато ее спутник с каждой минутой все забавней и умней. Она с ним будто на равных – ну почти.

– Расскажи о себе, – предлагает он с улыбкой в голосе. – Чем ты интересуешься, Марина?

Она рассказывает: и почему-то не столько о полузабытых увлечениях – окаменелостях, картах звездного неба, практически первом издании Уильяма Голдинга, найденном в благотворительном магазине на Фулем-бродвей, – сколько о школе. А он направляет ее к дальнейшим откровениям, будто разбрасывает хлебные крошки, которые ведут Марину по (и, предположительно, из) лесу. Он прекрасно понимает, до чего тяжело в Кум-Эбби таким, как она. Марина, сама не замечая, вдается в подробности, которые не собиралась ему сообщать, словно (представляется ей) женщина, поверяющая тайны другу-мужчине – сильному, искушенному, с серебряной машиной и волосами на руках. Это приятно. Не должно быть, но приятно.

– Наверное, ученики здесь... легко сближаются?

Она искоса на него смотрит. Хотя они едут быстро, мистер Вайни поворачивается к ней и широко улыбается. Довольно возбуждающе – знать, что этот мужчина, ее друг, завтра будет вручать награды перед всей школой. Он искренне интересуется Марининым мнением.

– Э-э, да. Думаю, да. Да.

– И как, ожидания оправдались?

– Я...

– Те, что были до приезда в Кум-Эбби. Я о сексе, разумеется, хотя это вряд ли нуждается в уточнении.

Когда-то Марина была слишком боязлива, слишком девственна для таких разговоров, но те времена прошли.

– Ну, это забавно, – отвечает она. – Просто я была... полна надежд. И не думала, что...

– Что?

– Ну, я училась в школе для девочек. И не знала, ну, знаете, мальчиков. Не думала о...

– О том, чтобы приехать сюда.

– Да. И... встретить кого-то. Я была готова. Если вы понимаете, о чем я. Мне хотелось это... испытать.

– Продолжай.

– Нет, это все.

– И не правда ли, – улыбается он, – что почти у всех девочек есть приятели?

– Ну...

– А кроме парков, кинотеатров и что там у вас еще у мальчиков есть личные спальни?

– У некоторых. Но...

– Потому что, если вдуматься, деканы выглядят немного наивными.

– К-как...

– Они же там резвятся, как кролики.

Марина чувствует, как по всему телу волоски на коже дыбятся от восторга. Весь разговор – сплошной восторг; о таком она всегда и мечтала.

– Извини, но это правда, – говорит мистер Вайни.

– Это не...

– Поверь, так и есть. Мне тоже когда-то было семнадцать...

Она кусает губу, бросает на него быстрый взгляд и прижимает руку к щеке, чтобы сбить румянец.

– ...и позволь тебя заверить, понадобилось бы гораздо больше, чем закрытая дверь и некомпетентный директор...

– Но...

– Не перебивай. Чтобы обуздать мои, скажем так, низменные порывы. Каковых у меня было в избытке. И сейчас не меньше, говоря по правде.

Это уже совсем не уместается в голове. Марина какое-то время сидит в тишине, глядя в окно. Потом они подъезжают к мощеной платформе у большого каменного моста, откуда открывается вид на мерцающие огни и чернильную Блэкмурскую равнину. Автомобиль останавливается. Марина отчаянно хочет исповедаться, попросить о помощи.

– Я не верила, что у меня... появится шанс.

– Почему нет?

– Ну... – Марина, не думавшая заплыть в такие глубокие воды, безуспешно глотает слезы. – Я... такие, как я, им не нужны. Мальчикам.

– О?

– Это так. Я не... не блондинка, не худышка, не красавица. – Она громко глотает комок.

– Брось.

– Нет, так и есть. – А потом, испугавшись, как бы он не обиделся за

сына, она говорит: – То есть Гай милый. Но у нас не особо... В смысле, он моложе, и я люблю книги...

– Марина, Марина, так было испокон веков. Умная девочка встречается спортивного парня – и секунд через десять чувствует разочарование.

– Не разоч...

– Могу я говорить начистоту?

– О! Да, пожалуйста!

– Ты была бы гораздо счастливей со взрослым мужчиной. Тебе нужен опыт, девочка моя, и однажды он у тебя появится. Я легко представляю тебя с человеком постарше. А ты?

Куда подевалась Марина? Это уже нелепо. Лора ведь не может бродить возле школы, пока не закроются пабы, надеясь наткнуться на собственного ребенка. Это будет выглядеть странно. К тому же ей могут опять подвернуться Вайни – наглый сынок или его мамаша, худая, изысканная и какая-то древняя не по годам, словно вдовья герцогиня в двадцатилетнем теле. У Лоры бывают смелые порывы, вот только смелости на их воплощение нет. По крайней мере, сейчас.

Потом ее посещает другая мысль. Она столько недель представляла Марину напряженно внимающей учителям или болтающей с друзьями на лестнице, как делают в рекламных буклетах; до сих пор ей редко приходили на ум гормоны, секс и безграничные подростковые побуждения. Однако это школа для мальчиков, здесь заправляют мужчины, которым девочки просто свалились на голову. В Кум-Эбби трубят о безопасности и ответственности, но знают ли они – и хотят ли знать, – что творится за пределами учебных классов?

Все что угодно.

Как сквозь разорванный слайд, проступает новое изображение: Марина бродит на свободе. Забросила учебу, не сказав ни слова, все переиграла, начала лгать – может быть, воровать из чужих карманов, и все это – под несомненным, хотя и смутным влиянием гадких Вайни. Потому что, даже если их неизвестное преступление случилось десятилетия назад, для венгров все годы – недавние. О прощении не может быть и речи. Лора должна предупредить Марину: не только ради Ильди и остальных, но ради нее самой. Нельзя допустить, чтобы она пошла по кривой дорожке, как когда-то пошла ее мама.

Где же она? Тихий голос шепчет: найди ее.

Однако Лора устала и знает, что на голоса полагаться нельзя: уколы страха, побуждающие ее действовать, обычно все только портят.

Сопровитляйся, говорит она себе. Будь сильной. Дела и так уже плохи.

И потом, если поспешить сейчас в мерзкий «Брэгарольд», можно найти по пути таксофон.

Лора падает духом. Город огромен, а поскольку праздник, а вместе с ним и свобода почти подошли к концу, Марина вряд ли побежит в общежитие, тем более если она веселится с друзьями. Ведь может такое быть? Бродя по Гарт-стрит, Лора разглядывает учеников, неотличимых от местных подростков, розовощеких и громкоголосых. Они смотрят на нее с подозрением; настоящие кумские матери не привлекают к себе внимания. Может быть, и Марина – среди тех девочек, что смеются и откидывают с лица волосы?

Нет смысла, убеждает она себя, надеяться на случайную встречу. У Марины все хорошо, перестань волноваться. Можно спокойно пойти в «Брэгарольд» и дожидаться утра.

Марина не хочет быть грубой. Мистер Вайни – зови меня Александр – добр и внимателен. Разве не об этом она мечтала? К тому же происходящее ее возбуждает, хотя и не должно. Просто она не уверена, что им стоит вот так разговаривать – вдали от школы, на мосту, ночью.

Марине впервые приходит в голову, что никто не видит их и не слышит: вокруг сплошные поля. Ей не то чтобы страшно – мистер Вайни взрослый, да и она не вчера родилась. И потом, разве не приятно было сидеть с ним на виду у людей, для которых он – знаменитость, разве не нравилось говорить со зрелым и понимающим собеседником? Разве не рисовались ей раньше картины куда живописней: некоторые – в этой самой машине? Что-то в голосе мистера Вайни подсказывает, что он ее понимает.

Он со щелчком откидывает ремень безопасности, потягивается и, глядя на огни, говорит:

– Наконец-то свобода. И знаешь, что странно? Чувствую себя ужасно молодым.

– Правда?

– Абсолютно. Словно мы ровесники. Будь мы... Будь мы с тобой одних лет и равными во всем остальном – что, конечно, не так...

– О да, – благоразумно замечает Марина.

– Уж мы бы тогда развернулись.

– Как, как это?

Он поворачивается к ней: голова, затем плечи.

– Ты в этой школьной рубашонке – вылитая крестьянка.

Марину посещает чрезвычайно странная мысль: почему-то кажется,

будто этот их разговор означает, что мистер Вайни сейчас ее поцелует. Не нужно ли его остановить? Эти губы целовали миссис Вайни. Марина думает: «Я не знаю, чего хочу».

Зато Александр Вайни, кажется, знает.

Голос Ильди в ночной тиши:

– Что-то тебя беспокоит?

Лора вздрагивает. Она не первый час ворочается без сна, думает, вздыхает и, должно быть, бормочет как сумасшедшая, полагая, что Ильди спит.

– Извините. Я, я вас разбудила?

– Нет, я не сплю. – Молчание. – Значит, все более плохо, чем мы думали.

– Простите, что? – осторожно спрашивает Лора, хотя, конечно, знает ответ.

– Ты взяла книгу у Марины?

– В смысле...

– Книгу, которую написал тот человек. Ты взяла ее?

– Я пыталась. Простите. Мы, мы поругались. Но это ведь не...

– Да, – говорит Ильди. – Что ж, сейчас я расскажу тебе, и это закончится.

Лора открывает и закрывает рот. В комнате повисает гудящая тишина.

– Об авторе? Об Александре Вайни? Знаете, я, кажется, уже догадалась.

– Не думаю, – твердо отвечает Ильди. – Только я, Роза и Жужи знаем кое-что об этой семье. Сейчас ты тоже будешь знать.

– Почему нет?

Что-то пошло не так. Как и боялась Марина, от разговоров мистера Вайни перешел к поцелуям. Она ничего такого не имела в виду. Или имела? Ее тело считает иначе.

– Простите, я...

– Почему?

– Я стесняюсь, – говорит она, щадя его чувства.

– Стесняешься? После рассказов о том, какие номера вы откалываете в школе? Тут уж не до стеснения.

– Но я никогда... У меня... Нас могут увидеть.

– Кто? Фермер мимо пройдет? Ему-то что за дело? Слышала о животноводстве? Они там и не такое видят.

И вот, представляя лошадей, Марина позволяет одной его руке остаться на коленке, а другой – лечь на блузку. У мистера Вайни холодные

пальцы, а может, у нее жар – это хуже, тогда он поймет, что она возбуждена. Как ни странно, Марина предпочитала поцелую беседу, в которой две ее жизни, настоящая и воображаемая, сливались, как два цветных луча. Теперь же на смену возбуждающему покалыванию – в голове, под кожей и так далее – пришла нервозность. Как нелепо: ведь он мужчина, отец. Супруг. Знаменитость. Ничего плохого случиться не может, что бы это ни значило.

Марина хочет напомнить о миссис Вайни, но та стиснута между ними, как шрам из «Терезы Ракен»: под его пальцами, на его губах.

– Ну, давай. – Он опять нависает над ней. Любопытно (они обсудили бы это, не будь он так занят), с каким восторгом мечтала Марина о том, чтобы стать объектом напористой страсти, и до чего непохожей на ожидания, даже пугающей, оказалась реальность. Марина безучастно отмечает очередной пробел в знаниях. Что, если для мистера Вайни поцелуи – не самоцель, а начало еще неизвестного ей пути, ведущего к сексу?

– Глупенькая, – говорит он. – Иди сюда.

Как его остановить? Кажется, она случайно дала согласие и не может пойти на попятный без того, чтобы его оскорбить. Рука скользит по колготкам, и Марина шумно выдыхает – этому невозможно сопротивляться.

– Так-так, – говорит мистер Вайни, – кому-то уже хорошо.

– Пожалуйста, я... сейчас, – смущенно отвечает Марина. Он ждет, что она приподнимется, чтобы легче было спустить с нее трусики. Она тяжело дышит и старается не смотреть вниз.

– Я не уверена...

– Не строй из себя скромницу. Кого ты обманываешь?

– Но...

– Сама ведь только что рассказала, как навевалась в ванную для девочек в этом своем Нью-стрит...

– Вест-стрит.

– Неважно. Несмываемая грязь. Ты же не будешь отрицать свои намерения?

– Какие намерения?

Они одновременно опускают глаза на его вельветовые брюки: удивительно новая синяя ткань с недвусмысленной выпуклостью. Мистер Вайни прав. Виновата только она. И разве это не лучший комплимент – реакция организма на (предположительно) Маринину красоту, интеллект и чувствительность? Свидетельство ее жизнеспособности.

В знак уважения к оказанной чести Марина осторожно тянет руку, но

не может себя пересилить и, когда его широкая ладонь касается юбки, почти мгновенно отшатывается.

Однако он уже не обращает на это внимания. Пристегнутый ремень безопасности давит ей на лицо и грудь, одна из которых выпирает навстречу мистеру Вайни. Это все равно что смотреть, как тебя убивают: он нависает над ней, прижимается к ее ноге – шорох вельвета, тяжелое дыхание, беспокойные пальцы... Марина кусает губы. Это больно. Она пугается и внезапно очень, очень жалеет, что так обошлась с ним.

– Ну, – приглушенно говорит мистер Вайни. Он шарит рукой возле паха, но Марина притворяется, будто ничего не видит. Она едва заметно сдвигает ноги и смотрит в окно, в темноту.

– Черт, – говорит мистер Вайни, – ты можешь подвинуться?

– Меня немного... зажало, – отвечает она.

Потом что-то тычется ей в ногу, как собачий нос: горячее и немного липкое. Снова этот жаркий запах, как... как... У нее перехватывает дыхание; она зажмуривает глаза. Слезы бегут по ресницам и крыльям носа.

– Простите, – говорит она.

– О господи! Ну что еще?

– Мне очень жаль.

– Что?

– Я не могу.

– Что значит не могу? Какого...

– Не знаю. – Она думает: если он этого хочет, будь что будет, но на лице мистера Вайни написано отвращение. – Я просто...

– Вот только слез не хватало.

Повисает пауза. Марина не смеет открыть глаза. Потом, злобно выдохнув, он с шелестом заправляет это в брюки и откидывается на спинку сиденья. Марина неподвижна и замкнута, как морская ракушка, – ждет, пока его дыхание придет в норму.

– Простите, – повторяет она. – Я, я не представляла...

– Теперь представляешь, – грубо отвечает он и заводит машину.

Четверг, 16 марта

Праздник в честь Дня основателя

10:00 – **парад** Объединенного кадетского корпуса, Мемориальный двор, вход свободный.

11:00 – **фуршет** с шампанским под зажигательные ритмы от барбершоп-квартета мистера Дэвентри, шатер во Дворе основателя, вход свободный.

12:00 – **вручение наград** при участии ККВ и Тима Пирри, обладателя Кубка Содружества по гребле, зал богословия, вход свободный.

Утром в четверг, в самый разгар праздника, Роза, Ильди, Жужи и Лора завтракают в «Брэгарольде» яйцами и повидлом. Сумки собраны, и миссис Казинс унесла постельное белье, обнажив матрасы (вот уж чего делать не стоило). В промежутке между историческим шествием и фуршетом Лора останется с Мариной наедине. Правда выйдет наружу.

А пока остальные, давясь от смеха, по-венгерски перемывают косточки очаровательным хозяевам гостиницы, Лора пытается навести в голове порядок.

Первое: лучший друг Золтана, Тибор Сёллёши, по сути, ограбил его, отнял все: поместье, бывшую девушку, любовь отца. История, которую поведал ей Петер, благодаря Ильди обросла подробностями.

Второе: Золтан его простил. Во всяком случае, встречи с Тибором и той женщиной, сперва разведенной, а после ставшей его женой, возобновились, как только они прибыли в Англию. Но почему? Это не в духе Фаркашей: они вычеркнут человека из жизни за один косой взгляд. Что-то не сходится.

Стоп. Кажется, кто-то – может быть, Петер – говорил, что та женщина знала Роза. Они ведь дружили в университете? Не здесь ли кроется разгадка?

Третье: как бы там ни было, сын Тибора ограбил Золтана в Лондоне в середине семидесятых. По крайней мере, насколько Лора сумела понять со слов Ильди, он попросил в долг огромную сумму, и честный Золтан не

смог отказать сыну своего соотечественника. Однако тот не вернул долг, и это каким-то образом повлекло за собой крах «Фемины».

Четвертое: а также смерть Золтана? Как знать...

Пятое: сын Тибора Сёллэши... стоп.

Что, если сын Тибора Сёллэши – тот самый историк? Отец Марининого приятеля: не это ли они имели в виду? Трудно поверить – тут, должно быть, ошибка.

Или Вайни давно это спланировали?

Марина сказала, что родители Гая живут неподалеку отсюда, под Солсбери, у границы с Уилтширом. Ничего странного, что их чертов сынок поступил в Кум-Эбби – такая школа им под стать. Если чему и удивляться, так тому, что Фаркаши отправили сюда Марину.

Лора оторопело смотрит на водянистый бекон. Почему мы ее сюда отправили?

В памяти всплывает голос миссис Добош – это она посоветовала Кум-Эбби. К ней сходятся все концы; к ней, к миссис Добош, купившей «Фемину»... подожди-ка. Лора осторожно поднимает глаза и встречается взглядом с Розы. Та неодобрительно качает головой.

– Ты совершенно не слушаешь. Я, Ильди и Жужи будем оставлять тебя с Мариной, поэтому просыпайся. Ты будешь главная.

Десять минут девятого, а Марина так и не спустилась к завтраку. Прежде она никогда не нарушала школьные правила. Если ее увидят в ванной на третьем этаже общежития, где она оттирает бедра мочалкой и стонет от отвращения к себе, неприятностей не миновать.

Прошлой ночью она лежала без сна до рассвета, пока то ли чайки, то ли стервятники не подняли брачный гвалт, – лежала и, стараясь не думать о ремне безопасности, машине и выпуклости на вельветовых брюках, убеждала себя, что мистер Вайни оказал ей большую честь. Как ни странно, хотя ее телу плохо, сознание, воспарившее над раздумьями и эмоциями, остается незамутненным. Мысль неповоротлива, как в замедленной съемке, но предельно ясна: я его огорчила. Это ведь не было изнасилованием. Возможно, стоило дать ему то, чего он ждал, – из уважения к возрасту и заслугам. Мистер Вайни был бы с ней нежен. Никто к ней больше не притронется.

Включая его самого. Из-за фригидности Марина так и осталась девственницей. Пока она пялилась в окно, мистер Вайни задним ходом вывел машину с моста и, нахмурившись, поехал к городу.

– Мне... так нравится деревенский пейзаж, – сказала Марина. –

Особенно, знаете, деревья, которые гнутся там, наверху... Ни с чем не сравнимое чувство.

– Как оригинально.

– В каком смысле?

– Неважно. Я довезу тебя обратно, а ты, будь добра, держи язык за зубами. Ради твоего блага, не моего.

– Да. То есть нет. Спа... спасибо.

Он фыркнул. Марина хотела поднять ему настроение, как хорошая хозяйка; помочь забыть об унижении и разочаровании. Хотела думать, что способна распалить взрослого мужчину.

– Простите за... ну, вы знаете. – Ей сдавило горло. – С вами все будет хорошо? То есть без... облегчения.

Он на нее даже не посмотрел.

Закусив губу, Марина думает о пенисах, неизлечимо переполненных кровью, – каких только историй не услышишь в Вест-стрит с наступлением темноты.

– Ваш... интерес. Я очень, то есть это очень мило с вашей стороны. Но вы не будете...

Он смотрит на нее.

– Как-нибудь переживу.

Лора всегда надеялась, что однажды ей придется поколотить кого-нибудь за свою дочь. Само собой, было бы приятней ради ее спасения поднять автобус или пожертвовать конечностью, но простое насилие лучше, чем ничего: оно хоть как-то позволит выразить ее беспомощную ярость, накаленное добела материнское чувство.

Она стоит под морозящим дождем у Военного мемориала. Юные кумские солдаты кричат, маршируют и размахивают штыками – вероятно, из пластика. Лора представляет, как выхватит у кого-то из них оружие и бросится в бой. Как посмел этот человек, как посмела эта семья воспользоваться неведением Марины? Сначала беднягу Золтана обвели вокруг пальца, а потом, потом...

Она замечает дочь как раз в тот момент, когда та, обернувшись, глядит на нее. Девочка покраснелась: возможно, у нее тонзиллит – это объяснило бы вчерашнее странное поведение. Может быть, мой единственный мудрый поступок – скрыть от Петера, что внук Вайни учится в Кум-Эбби. Пусть она вконец завралась, не сказав никому, что Пит жив, но он хотя бы не заявится на эту лужайку, бритоголовый и пьяный, и не устроит скандал.

«Кто это там созывает мальчиков, Маринин декан? Я не могу

расспросить ее о вчерашнем, – думает Лора, – девочка почти весь день молчит. Отругать ее? Пожалуй что нужно – тогда я хотя бы перестану гадать, что за мужчина стоял с ней в «Короне и митре» и смотрел в окно. Это мог быть кто угодно – учитель, чей-то отец, – но все-таки ей не стоило оставаться там без надзора».

Лора говорит себе это, а сама знает правду.

Прошел поэт Елизаветинской эпохи с дрожащим пером, прошли развеселый менестрель и склонивший голову придворный. Вот и конец шествию – по крайней мере, на год. Марина приняла две таблетки «Проплюс» и запила их быстрорастворимым кофе. Напрасно: мозги спутались в узел, сердце бьется как бешеное, а все остальное никак не проснется. Теперь вся школа услышит, с каким акцентом говорит ее родня, все увидят их потертые чемоданы, пока маршируют кадеты. В новом триместре у Марины непременно появится прозвище. Ужасное прозвище.

Она спрашивает себя: «Разве я смогу сюда вернуться?»

И отвечает: «Конечно, сможешь, конечно, вернешься. Ты думала об этом уже миллион раз, но по-прежнему здесь, потому что трусишь».

Все собрались на Лугу основателя, хотя до фуршета еще два часа, а потом – церемония награждения и Особый гость. В зеленом жакете и длинной прямой юбке миссис Вайни невероятно красива. Марина запретила себе смотреть на нее, но не может сдержаться. Всё в ней: волосы, кожа, фигура, улыбка – заставляет Марину плакать. Нужно поймать ее взгляд до того, как миссис Вайни уедет в «Стокер», но та на нее не смотрит.

И вот, поцеловав Розу и остальных, Марина бормочет, что ей нужно поговорить с деканом, – и все, даже мама, этому верят. У нее онемели ноги, и губы дрожат. Она уходит.

Лоре нужно при первой возможности как-нибудь разобраться с этими Вайни – только как? Ей не хватает совета, но где его взять, кроме как у свекрови и ее сестер, которых Лора провожает к стоянке такси у Гартских ворот? Почему так трудно спросить, что случилось? Ее мать больше всего на свете любила недомогания и несчастья, но Фаркаши наотрез отказываются обсуждать болезненные дела. Лора привыкла к этому, как улитка привыкает к ракушке. Расстроить и без того огорченную Ильди, подойти к Розе, которую Лора и так уже ранила, – это настоящее злодейство.

– Дорогуша, – слышит Лора из-за спины и послушно оборачивается. Она уже несет два больших чемодана, а теперь Жужа стоит посреди

тротуара, не замечая прохожих, протягивает ей свою сумку и говорит: – Это нелепо. Я не поднимаю. Я старая леди.

Ильди и Роза рука об руку переходят Гарт-стрит и разговаривают, сдвинув старые головы. Роза пожимает плечами. Жужи этим утром надела солнцезащитные очки, накрасилась и не пожалела духов. На ней короткий жакет из чернобурки, одолженный Шари Перлмуттер, черный «бирючный ком-бинезон, очень модный», босоножки на клиновидных каблуках и огромное золотое ожерелье, свисающее с шеи, как медаль. Вместо того чтобы взять сумку, Лора подходит к Жужи и кладет руку ей на плечо.

– Ответьте мне на один вопрос, – говорит она.

Марина рвет на две части все открытки, которые получила в прошлом триместре. Это кажется самым логичным решением: на них адрес школы, а значит, скверна; взять их в Вестминстер-корт нельзя – но нельзя и выбросить милые сердцу семейные послания. А что делать со школьной формой? Все равно что привезти домой чумное тряпье! Марина уже выбилась из расписания: сборы полагалось закончить еще вчера.

Она наблюдает за Хейди, которая возится с замком своей косметички, и тут стучат в дверь.

– Привет, Хел... Хейди. Хейди. Марина, солнышко, – говорит ее мама. – Что ты делаешь?

– А ты? – спрашивает Марина. – Я же сказала – жди снаружи. Мы вдвоем увезем весь багаж? – Голос у нее недружелюбный, она уже не в силах себя контролировать.

– Рада вас видеть, миссис Фаркаш. – Подлиза Хейди начинает болтать без умолку: «Вы не посмотрите, мой чемоданчик закрылся как следует?», а потом «Не знаю, как отодрать офисный пластилин».

Марина ждет, когда Хейди выйдет – глаза бы ее не видели. Ей не терпится прикоснуться к вещам из родного дома. Она сильно, до дрожи, прижимает руки к бокам, потом притворяется, что расправляет матрас. Постель похожа на больничную койку, в которой кто-то умер.

– Я побежала, – наконец сообщает Хейди. – Папа ждет. Слышали? «Ягуар» подъехал.

Теперь они одни, смотрят друг на друга. Тяжко нависает странная теплая тишина.

Марина бормочет:

– Вообще я не очень хорошо себя чувствую.

Мама садится на краешек смертного одра и говорит:

– Нам нужно кое-что обсудить.

Марина падает на пол.

«Умерла, – думает Лора. – Мне конец».

Потом Марина моргает и поднимает голову.

– Что случилось?

– Слава богу! Не знаю. Что с тобой, милая? Похоже на обморок. Тебе плохо?

– Обморок? – спрашивает Марина. – Правда?
– Голова не кружится?
– Нет. Вообще-то, да. Ну, немного странно.
– Сядь, нет, давай-ка сюда, клади... вот так.
– Как в книге, – приглушенно говорит Марина, но, судя по голосу, улыбается.
– У тебя раньше такое было? Мне бы самой надо знать, но...
– Никогда. Я просто устала. – И она порывисто, как домашний зверек, утыкается лбом в мамино плечо. Лора деревенеет. Ей хочется прижать к себе дочь, но она извлекла из материнства по крайней мере один урок: не отзывайся на любовь, иначе она уйдет.
– Уверена?
– Да. – Марина отнимает голову, с легкой улыбкой поправляет волосы и говорит:
– Мам, мне нужно... Послушай. Тут такое дело...
Вот и все, думает Лора: она узнала о Петере. Ей придется обо всем рассказать, и они уже никогда не будут близки.
Признайся сейчас, подсказывают Лоре остатки совести.
Но с чего начать? Нельзя же сказать так запросто: «Твой отец жив, но, может быть, ненадолго. Он раскаялся и хочет тебя увидеть – и, кстати, меня снова к нему влечет».
– Послушай, мам...
И потом, если во всем сознаться, то в слезах и упреках, которые непременно за этим последуют, потеряется история о дедушке, бабушке и мистере Вайни. Ведь это важнее? Что, если они столкнутся и переругаются у Гартских ворот? Выбирай, говорит себе Лора, но боится. Она знает, что старая история важнее, но не может себя заставить.
– Солнышко, – тихо говорит она, – подожди, дай подумать. – Заломив руки, она со злостью понукает себя: ну, давай же!
– Мам. Мамочка. Мама. Я...
И что, если...
– Мама!
Марина смотрит на нее: любимое бледное личико.
– Подожди, – отважно говорит Лора, – мне нужно кое-что рассказать.
– Нет, – отвечает Марина. – Это мне нужно кое-что рассказать.

За две секунды до этого Марина поклялась держать язык за зубами. Однако мистер Вайни продолжает врывать в ее мысли; она хотела молчать, но заговорила. Ситуация патовая. У мамы встревоженный взгляд.

Марина думает: что, если она во всем признается, а та разойдется от злости? Накричит на мистера Вайни? Миссис Вайни? Боже...

Она откашливается.

– Сосредоточься, пожалуйста. Это очень важно. Я... Я сама не справлюсь. Мне нужна твоя помощь.

– Слушаю, – говорит мама.

– Я совершила безумный поступок.

– То есть как? Господи, Марина, только не сейчас.

– Что?

– Что ты натворила? Нет, нет, не плачь, ты моя... Не утирайся рукавом, милая, подожди, у меня в сумочке... Ну, говори скорее, ты же знаешь, я терпеть не могу...

– Я, я не стану врачом.

– Как? Почему? Конечно, станешь.

Теперь, когда она выбрала не тот путь, как повернуть назад?

– Это правда.

– Почему?

– Я не могу сказать.

– Марина, не глупи! Расскажи мне.

– Я... Я бросила химию. Ради истории.

– Подожди. Я тебя не... ты... прости, что?

– Знаю, – отвечает Марина, прочищая нос. – В этом нет смысла.

– Но как ты... что ты...

– Было так ужасно скрывать от тебя. Не сердись.

– Я не сержусь. Но... Ты меня запутала. Этого не может быть. Зачем?

– Я даже не... Все сложно. – Вдруг Марине приходит в голову мысль: это может помочь. – Хорошо. Ты ведь помнишь ту семью, Вайни?

– Что?

– Гай, ну, Гай, мой приятель, Гай.

– Ну, и что с ними?

– Это его отец. Нет, не надо так... правда. Он эксперт, дал мне дельный совет. Я вообще не хочу в Кембридж. Не смотри на меня так. Ну, пожалуйста, мам. Нет, правда, он... – Марина так часто повторяла про себя эту речь – и неважно, что с прошлого вечера в ней не осталось ни капли смысла. – Ты пойми...

Мама берет ее за плечо и легонько встряхивает.

– Милая, – говорит она. – Послушай, что я тебе расскажу.

Конечно, нужно все выложить. Фаркаши правы: есть вещи, о которых

детям не следует знать, но тут уж деваться некуда. Во всяком случае, она пробует.

И, разумеется, терпит провал. Это мысли о Петере сбивают с толку или все дело в том, что Лора плохая мать? Поначалу Марина думает только о том, чтобы оправдать семейство Вайни: их изысканность, стиль, элегантность. Они никогда не глотают слоги.

– А я разве глотаю? – спрашивает Лора.

– Постоянно, – сердито отвечает Марина. – Я все время пытаюсь... тебе напоминать. Тогда и люди стали бы серьезней к тебе относиться.

Со сверхматеринским усилием Лора берет себя в руки и, вместо того чтобы обрушиться на дочь, говорит:

– Солнышко, ты, кажется, не понимаешь. Речь о твоём дедке. О том, как с ним обошлись.

У Марины озадаченный взгляд. Она действительно ничего не знает. Лора объясняет, как может, истоки семейного бизнеса Вайни...

– Ах, «Астон», – беспечно говорит Марина. – Они мне рассказывали. Ты тоже слышала? Это очень...

– Да, «Астон», – подтверждает Лора. – Выходит, ты знаешь. Даже не верится, что старый добрый «Астон», все эти носочки с ромбиками и кожаные пояса из «Харродз»...

– Ого, так мы владели этой фирмой?

– Нет. Нет. Вряд ли. То есть я не уверена.

Лора вновь пускается в объяснения: украденное наследство, дружба, предательство, случившееся полвека назад среди кукурузных полей и берез, которые никто из них никогда не увидит.

– Кажется, – говорит она, – они продолжали дружить даже после того, как Вайни достался бизнес твоего дедушки, который они превратили в «Астон» и сделали знаменитым. Видимо, в какой-то момент им снова понадобились деньги. Это было в семидесятых.

– Когда я уже родилась?

Марина от волнения полирует очки. Лора думает: «Я могу сейчас же сказать ей, чего нам стоят постоянные потери контактных линз. Нет, разумеется, не могу. Бедная девочка».

– Да, – отвечает она. – Ты была очень маленькой, но уже родилась.

– Это был дедушка Гая?

– Ну, да. И его отец; в этом-то и проблема. Кажется, Золтан... он одолжил ему кучу денег. Ты не подумай, мы не хотим тебя беспокоить такими вопросами, с деньгами у нас все хорошо, правда. Замечательно. Но в те годы «Фемина» процветала, а они были старыми друзьями, и...

– Но почему они дружили после того, как...

– Знаю. Я тоже об этом подумала. Это из-за Розы. Бабушка Вайни, Маг... Магдолна, Пегги, та, что основала «Астон», она была...

– Англичанкой?

– Нет. Она была лучшей подругой Розы. Золтан и Тибор, которые сами крепко дружили – катались вместе на лыжах и прочее, – женились на двух подругах: Розы и миссис... на этой Магдолне. Жужи сказала, что Розы ее любила. Я спросила: «Почему?», а Жужи ответила: «Потому что она была очень красивая».

Марина хмурится.

– Ты уверена?

– Да, знаю. Но это правда. О, вот еще, подожди. Вайни тогда назывались как-то по-другому, Шол, Сол... Ну, неважно. А потом что-то разладилось.

– Что разладилось?

– Сёл... все-таки Сёл... Она не сказала. Может, кто-то из братьев Золтана...

– У него не было братьев.

– Были.

– Нет, не бы... Они же никогда об этом не рассказывали. А-а, ясно... – говорит Марина. – Ну и ну. И когда они... Сколько их было?

– Кажется, трое. Неважно. Не думай сейчас об этом. Главное, что Вайни... похоже, они не вернули деньги. И «Фемина» обанкротилась. Магазин перешел к миссис Добош. Она с самого начала была замешана. Она всех знала.

Нужно рассказать, от чего умер Золтан, о совпадении и странном молчании вокруг его смерти. Нет, не сейчас. У Марины измученный вид.

– Подожди, – тихо говорит она. – Так они все были кузенами?

– Скорее всего, нет. Нет. Жужи сказала бы.

– Попробуй вспомнить. – Марина выпрямляется. – Ой... Это ведь значит, что мы, или я – родственники Вайни. Так ведь?

– Милая, разве это важно?

Марина опускает глаза.

– Ну, да.

– Ох... Понимаю.

Они задумываются, а потом Марина, очнувшись, говорит:

– Невероятно. Они оскорбили мою семью...

– Солнышко, это же... Честь тут совсем ни при чем. Разве нет?

Марина отмахивается. Лишь сейчас Лора замечает мешки у нее под

глазами. Она только что носом не клюет, совсем как младенец. Что случилось прошлым вечером? Где она ночевала?

Взрослая жизнь требует или терпения, или самоотверженности – умения задавать непростые вопросы, смело встречать боль. У Лоры нет ни того, ни другого, поэтому она медлит.

– Я, – говорит Марина, закидывая ноги на матрас, – хочу немного отдохнуть.

– Постой, подожди минуту.

Лора выбегает в коридор. Почти все спальни открыты и пусты, но в какой-то ванной она находит несколько убогих полотенец на ледяном радиаторе.

– Приподнимись, – говорит она и раскладывает полотенца на матрасе. – Вот так. Ты правда не заболела? – Она накрывает Маринины ноги своим плащом. Как странно, не сотрясение ли? – Можно найти врача...

Но Марина уже закрыла глаза.

Поэты – мужчины, – которые писали о спящих детях, понятия не имели, что, наблюдая за ними, чувствуешь не любовь, а боль. Когда Лора смотрит на дочь, ее сердце сжимается при мысли о будущем горе. Она бы вечно любовалась изгибом щеки и длинными ресницами, но не может выбросить из головы ужасы: болезнь, лихорадку, смерть. Чертов Оден.

И вот, украв монетку из Марининового стола, она на цыпочках идет вниз, и хотя ни Петер, ни Сьюз, никто не берет трубку, разговор все-таки происходит – у нее в голове.

«Из-за этой истории с Вайни и Золтаном, из-за тяжелого бремени старой вражды, ожиданий, обид – из-за этого ты ушел?»

«И – я тебя люблю».

«И – Пит, у меня задержка».

Когда чуть позже Марина и Лора покидают Вест-стрит и через площадь и Гартские ворота проходят во Двор основателя, солнце светит вовсю. Руины и старые стены аббатства блестят от влаги; и осыпавшийся цемент, и каждое пятнышко лишайника залиты светом, как на съемочной площадке. Наверняка поют птицы, но их щебет не слышен за весельем кумских родителей. Белки, мыши и крысы из мусорных баков – вся ползучая живность попряталась.

Над лугом высится огромный шатер с вестибюлем и фестонами в средневековом стиле. Все деканы одеты в мантии, по плечам горделиво разложены капюшоны, от белоснежного кроличьего меха у мистера Уилли, латынь («Выдающийся молодой человек, – мурлычет доктор Три, – учился в Королевском колледже Оксфорда, но, к счастью для нас, сменил сферу деятельности, ха-ха!»), до бирюзового атласа у мистера «Флетча» Флетчера, физвоспитание (Лафборо, без отличия).

Барбершоп-квартет мистера Дэвентри уже спел «Поезд на Чаттанугу» и перешел к попури из прошлогодних хитов. Когда Лора с Мариной ступают под горячую травянистую тень шатра, огромные розовощекие мальчики в полосатых блейзерах и соломенных шляпах как раз затягивают «Дэйзи, Дэйзи», обращаясь, по всей видимости, к супруге директора. Та восседает среди стогов на хлипком дамском велосипеде.

– Шампанское? – предлагает полноватый высокий юноша с проколотым ухом. В руке у него бутылка, этикетка заклеена кумским гербом. Марина протягивает бокал.

– Мне семнадцать. Нам можно, – говорит она матери, и Лора бодро кивает. – Один из наших зрителей, – шепчет Марина, когда тот уходит. – Он странный.

Это чувство – когда кажется, что ты ни с кем не знакома, и одна такая, – разве не должно пройти в ее возрасте? Лора никого не узнаёт. Поначалу Марина ведет ее к задней стенке шатра, где группа чопорных старшеклассников беседует с мистером Бэйхемом, преподавателем музыки. Потом останавливается и говорит:

– Они там.

– Кто?

– Ты знаешь. Нет, не оглядывайся!

Поздно – Лора уже обернулась. Они стоят в толпе родителей: матери

не видно, зато есть Гай и высокомерная девочка. Обоих обнимает за плечи сам Александр Вайни.

Всего неделю назад, листая «Таймс», Лора думала, каково это – сесть в кафе где-нибудь в Белграде или Буэнос-Айресе и увидеть напротив себя бывшего военного преступника. Александр Вайни что-то рассказывает и громко смеется, будто он совсем ни при чем и знает о боли только по историческим хроникам о крестьянах и мореплавателях. Лора думает: «Что мне делать?»

– Ты знаешь, как поступила бы Роза, – слышит она Маринин голос. – Подойди и вмажь им. По крайней мере, ему. Она однажды ударила полицейского.

Маринин бокал уже таинственным образом опустел и снова наполнился, но Лора так растерянна, что оставляет это без внимания.

– Да, – устало соглашается она. – Я помню эту историю.

– А нам так нельзя.

– Нет, нельзя.

Тогда, печально и тихо, Марина говорит:

– Я хочу...

Лора опускает на нее взгляд. Марина не спросила, от чего умер бедняга Золтан, но вдруг она и сама догадалась?

– Что? – говорит Лора. – Чего ты хочешь, скажи?

– Нет, ничего.

– Как «ничего»? Я ведь вижу, что-то не так. У тебя лицо... Что с тобой, милая?

– Слишком много откровений. Больше я не выдержу.

– Я тоже, но если что-то случилось, солнышко...

– Нет, – отвечает Марина, – ничего. Правда, ничего. Не переживай.

На этом все могло и закончиться: Марина допила бы последний бокал шампанского, они с мамой продержались бы до конца церемонии, а после поехали бы домой.

– Привет, – дружелюбно говорит Ханна Норт, будто и нет между ними разницы в возрасте. Она хоть и старше на год, а ее роста, думает Марина, не то что все эти великанши. И даже не тощая.

– Я от предков отбилась, – объясняет Ханна. – А твои где?

Маринина мама, изобразив рукой сложный жест, означающий «не буду мешать», направляется к уборной для родителей.

– Где-то тут, – отвечает Марина, озираясь в поисках семьи Саймона Флауэрс.

– Случайно, не те старушки?
– Как? – хмурится Марина. – Ты про них знаешь?
– Ну, это же... не смотри так. Мои вообще ирландцы, по крайней мере, папа. Дэвентри за это называет меня «кабацкой дочкой». Очень весело.
– Кошмар! Это же... расизм. Ничего себе! И ты так легко об этом говоришь?
– Привыкла. Смотри-ка, бутылка идет по кругу. Не пропускай.
Джайлз Йо обнимает Викторию Поррит за талию. Они болтают с его краснолицым отцом, как взрослые на вечеринке.
– Долго нам еще ждать? – спрашивает Марина.
Ханна Норт наклоняется к ней, разливая шампанское.
– Все хорошо? – спрашивает она.
– А что?
– Значит, нехорошо?
– Что?
– У тебя на лице написано. Вид такой... застывший.
– Глупости. – У Марины начинает свербеть в носу. «Замолчи», – командует она себе. – У меня все отлично.
– Скучаешь по дому? По тебе заметно. Меня раньше даже тошнило от этого. Я про тебя сразу поняла, как только ты появилась. Это очевидно. Ты могла бы ко мне обратиться.
– Как? Откуда я знала?
– Ну... – неопределенно отвечает Ханна.
– Можешь не говорить, теперь уже поздно.
– Не драматизируй. И все-таки, что стряслось? На тебе совсем лица нет. С этим надо что-то делать.
А почему бы и нет, внезапно решает Марина. Она опускает подробности, но рассказывает остальное: о том, как сидела на переднем сиденье большого серебряного автомобиля с отцом безымянного друга и... и...
– Ого! – произносит Ханна ровным голосом, будто такое случается каждый день. – И это всё?
Марина прислоняется головой к стойке шатра.
– Нет! Нет, определенно, не все. Но главное я рассказала. А дальше...
– Вот это уже необычно, – помолчав, замечает Ханна.
– Да. Нет. Да. – Марина закрывает глаза и пытается объяснить, почему она одна виновата в том, что случилось. – Мы же не в прошлом веке живем. Я знаю, не стоило... Нет, правда, я сама виновата. Вообще, я тут подумала: может, надо извиниться... боже, поверить не могу, что все это рассказываю!

А тебе, ну, не нужно никуда идти?

– Нужно. Но послушай...

– Тогда иди.

– Бедняжка...

– Не сходи с ума. – Марина запрокидывает голову: только слез сейчас не хватало.

– Это же правда. Конечно, ты бедняжка, глупенькая.

– Дело в том... – торопливо говорит Марина. – Да, это глупо, но я не знаю, что думать, что... чувствовать.

– Злость.

– Злиться нелепо, – отвечает она, и зачатки симпатии к Ханне Норт испаряются.

Потому что Ханна Норт не права. Марина слушает, как квартет мистера Дэвентри поет «Прощая, мой крошка из Конни-Айленда», и притопывает ногой, не попадая в такт. Когда мама возвращается из уборной и предлагает ей апельсиновый сок, Марина трясет головой, берет свой пустой бокал и решительно направляется к Биллу Уоллису в новой жилетке, который прибрал для своей семьи целых две бутылки шампанского. Злиться? Какая чушь! Ханна Норт хоть и старше, а ничего не понимает.

Спустя десять минут под мелодию «Свадебных колоколов» Марина вдруг ясно видит: Ханна Норт абсолютно права.

Ярость ко всем ним придает сил. «Мне отмщение, – думает Марина, отчаянно жестикулируя у себя в голове. – Нам. Должно быть. Как вы смеете? – Она мысленно отталкивает от себя Александра Вайни. – Как вы смеете?»

Она, кажется, немного пьяна, но это не беда: все слегка пьяны, кроме ее матери, разумеется, – это было бы отвратительно.

– Тут нигде не раздают сэндвичи? – спрашивает мама, хотя кто угодно может ее услышать.

– Нет, – отвечает Марина. – Конечно, нет. Мы же не...

– Милая... – Мама пристально на нее смотрит. – Давай быстренько сходим и найдем тебе что-нибудь поесть.

– Нельзя, – отмахивается она. – Не положено.

«Как я зла», – думает она в порядке эксперимента, но злости как не бывало, а на глубине уже шевелится чувство вины. Что она там должна чувствовать? Пусть Ханна Норт повторит.

– И потом, скоро начнется... это... ну, ты знаешь.

– Церемония награждения.

– Да, – шепчет Марина. – Я его ненавижу.

– Знаю. Я тоже.

Где сейчас Александр Вайни? Его жена вернулась в «Стокер», к своему огороду. Гай ловит Маринин взгляд и произносит одними губами что-то нечитаемое. Ей плевать, пусть хоть пропадет навсегда, потому что сейчас, при виде его отца, вручителя наград, бриллианта в короне доктора Три, ее мутит. Как он посмел отвезти ее полупьяной к мосту?! Женатый человек! Почему миссис Вайни его не остановила?! Марина растерянно думает о глиняных ногах, о колоннах, увенчанных статуями, и в основном о его вздувшихся вельветовых брюках: не джентльмен, а лицемер.

– Не хочу я на эту дурацкую церемонию, – говорит она.

– Не глупи, солнышко. Дождемся конца и поедем домой. Тебе нужно отдохнуть.

Марина кусает губу и морщится от боли. Она одета в школьную форму: десять отдельных предметов, считая ботинки, пояс и ленту в волосах, но не считая часов. То, что случилось вчера в этой самой одежде, пропитало ее отравой: поставило семью под угрозу, усугубило предательство. Марина и так уже, как последняя дура, обняла их утром на прощание, а мама, находясь с ней в одном кубоиде воздуха, вдыхает скверну в этот самый момент – и вдохнет еще больше, когда они будут сидеть в тесном зале, внимая и аплодируя его непринужденной, блистательной речи.

От этой мысли Марину мутит еще больше. Так-то она оплатит своей отважной семье за их любовь: принесет в Вестминстер-корт все, что связано с мистером Вайни.

Однако времени на раздумья уже не осталось. Мистер Дэвентри у выхода из шатра созывает зрителей на церемонию, и хотя очень важно попасть туда раньше всех и занять лучшие места, Марина и Лора медлят, оказываются в конце очереди и попадают в зал богословия последними.

Марина, как ее мама уже догадалась, кажется, немного пьяна. Так и Лора: ее адекватности можно лишь посочувствовать. Они, как «Ненаграждаемый ученик + Родитель (1)», должны сидеть в зале, но, попав туда в последних рядах, видят, что свободных мест уже не осталось.

– Может, туда? – говорит Лора, кивая на длинную узкую платформу вдоль правой стены. Стулья на ней, хоть и возвышаются на пару ступенек, спросом не пользуются: вид оттуда частично загораживают бордовые витые колонны, хорошо знакомые по рекламному проспекту. Возможно, по этой причине там еще остались свободные места.

– Нельзя, – отвечает Марина. – Они для сэров.

– А? Ну, сегодня-то можно, смотри, там уже кто-то сидит. Мне кажется, учителя, э-э, сэры, префекты, неважно – все на сцене. Видишь, впереди как раз пара свободных мест.

Колонны сделаны не из ужасного мрамора, как Лора предполагала, а из простого пластика, покрашенного в неприятный оттенок куриной печени с темными менструальными потеками. Вид открывается неплохой – во всяком случае, на зал; ни преподавателей, ни, слава богу, Александра Вайни, должно быть, стоящего на сцене за спиной у директора, отсюда не видно. Лора опирается на поручень, отделяющий их от остальной школы, и сопротивляется желанию положить голову на руку, всего на минуточку. Марина продолжает упрямыться; Лоре, по правде сказать, это уже надоело. У нее мигрень и несколько огромных проблем – как хорошо было бы отдохнуть в тишине и обдумать все прежде, чем они сядут на поезд. Может, Александр Вайни и негодяй, но он, как ни крути, интеллектуал, вручает награды, появляется в телевизоре, а беднягу Золтана уже не вернуть. Они послушают его речь, вежливо похлопают и уйдут.

Марина обводит глазами зал. Сидеть здесь на возвышении, под прямым углом к остальным рядам, против шерсти – все равно что смотреть телевизор. С этими людьми у нее ничего общего. В бок впился пояс, сердцу тесно в груди; она не видит ни Гая, ни Саймона Флауэrsa, ни единой души, до которой ей было бы дело. Даже мистер Вайни не на виду, хотя скоро зазвучит его голос. По расписанию награды начнут раздавать через шесть минут, и доктор Три не хочет затягивать церемонию. Марина чувствует, как к горлу подкатывает тошнота.

Благодаря авантюрным свиданиям с Гаем ей известно, что в конце платформы есть проход за сцену, ведущий к маленькому туалету.

– Я быстро, – говорит она и убегает.

Мысли лениво шевелятся; даже глаза моргают как-то замедленно. Она садится на унитаз, и в голову ей приходит блестящая идея снять колготки, чтобы сбить жар. За колготками следует пояс, но ей по-прежнему душно. В тишине слышен пульс и еще какой-то звук, похожий на рев воды. Быстро, с опытностью человека, привыкшего против воли делить комнату с соседом, она нащупывает лифчик и расцепляет крючки, потом расстегивает блузку, а после вытягивает и то, и другое через горло мешковатого джемпера. Одежда свисает с рук, словно внутренности. Марина, слегка запыхавшись, думает: «Сейчас избавлюсь от них, и никто не заразится». Босые ноги упираются в туфельки без шнурков. Она стягивает трусики, глубоко вдыхает, поднимает крышку с бачка для туалетной бумаги, пихает туда одежду и закрывает его.

Потом осторожно встает. В джемпере и юбке гораздо прохладней; почему люди всегда так не ходят? – отвлеченно размышляет она, будто взирая с высоты на дела смертных. Ее собственные шаги едва слышны на пыльных ступеньках – до того громогласно кумское дружелюбие. Марина улыбается матери и садится с ней рядом.

– Тебя тошнило?

– Нет! – возмущенно отвечает она. – Конечно, нет. На самом деле я не прочь выпить! Тебя это шокирует?

– Ну, нет... – говорит ее мама, хотя очевидно обратное. – Просто нам не стоит бродить тут пьяными. Мы же не хотим сжечь все мосты.

– В каком смысле?

Доктор Три поднимается с места.

– Ш-ш, – говорит мама. – Начинается.

Во время директорской речи Лора неожиданно для себя принимает решение. Она привезет Марину домой и, когда семья соберется в гостиной, расскажет им все, что знает, хорошее и плохое. Любовь неотделима от боли; нет смысла отрицать это и защищать от нее других. «Я сошла с ума, – думает Лора, – заперлась, как подросток, в пузыре несчастья – но теперь наконец стану взрослой. Определенно».

Когда на сцену выходит Александр Вайни, она отважно отказывается аплодировать. До сегодняшнего дня она видела его разве что мельком – рукав рубашки, умный и решительный профиль – и, конечно, взволнована, оказавшись рядом со знаменитостью. «Знаешь ли ты, – молча спрашивает

она, – что из-за тебя – не из-за драматического предательства на войне, а из-за грязного, бесчестного поступка – моя семья пошла ко дну? Порядочный человек расстался с жизнью. Или тебе все равно?»

Если рассказать Петеру, он на него набросится – а перед этим, возможно, напьется. Дело кончится судом, а то и тюрьмой. Кому от этого станет легче?

Марина старается не слушать мистера Вайни. Овечья шерсть неприятно холодит кожу. Телу стыдно – и не только за прошлое; то, что она здесь сидит, доказывает ее никчемность. Будь Марина храброй, как бабушка, разве не сделала бы она что-нибудь ради бедного Золтана?

«Когда он закончит речь, – думает Марина, – я смогу подняться на сцену и ударить его. – Она сжимает кулак и разглядывает мышцы: грубые, но и слабые тоже – пользы от них никакой. – И все-таки я обязана его убить, если только представится случай».

Зрители сидят под интересным углом. Наблюдая за ними, Марина замечает, что Джайлз Йо, крайний в ряду, ей улыбается. Она смотрит в сторону, потом опять на него – а он не сводит с Марины глаз. Джайлз Йо, который столько времени делал вид, будто ее не существует. Рядом с ним – Билл Уоллис; Джайлз хлопает его по плечу и что-то шепчет на ухо. Оба смотрят на Марину с улыбкой. С ухмылкой. В чем дело? Она неуверенно улыбается им в ответ, разглаживает подол, а потом машинально тянется к блузке – проверить, не расстегнута ли она.

И опускает глаза.

В вырезе джемпера, где обычно виден воротник и одна-две пуговички, сейчас только кожа – много кожи. Блестящая идея снять блузку сыграла с Мариной злую шутку: шерсть, которую раньше удерживал хлопок, соскользнула вниз. Вырез огромен, грудь едва не вываливается.

У Марины замирает сердце.

Но тут же запускается снова. Она, к несчастью, жива. Полуголая. Посрамленная. Она выше натягивает джемпер и хватается сзади за воротник, будто кто-то ее укусил. Ложбинка все равно на виду. Марина скрещивает руки, обнимает себя за плечи. У нее перехватывает дыхание. Мама даже ничего не заметила. Думай, тупица, думай! Однако мозг не желает ее выручать. Работают только глаза: к Марине уже повернулись незнакомые люди, и хуже того – Билл Уоллис, Джайлз Йо и их друзья и приятели. Она снимает очки – все равно от них никакого толку, когда плачешь. Теперь она никого не видит, но чувствует, как все веселятся. Александр Вайни говорит без остановки.

Марина встает.

– Что ты делаешь? – шепчет мама. – Не надо...

Марина закрывает уши. Напролом, радостно принимая удары перил и стульев, она бежит вдоль платформы и через зал, держится за шерстяной воротник, словно изваяние со скрещенными руками, но людям это не мешает, они будут смотреть и смеяться. Она слышит шепот, хотя голос мистера Вайни не умолкает.

Кто-то хватает ее за локоть. Марина вырывается, растягивая рукав, и, кажется, легче выскользнуть из него, прижать горячую руку к голому телу, а затем одним быстрым грациозным движением сбросить джемпер.

Каким-то чудом она остается на ногах и бежит: под всеобщий вздох, шум, крики – быть может, насмешки. Теперь ничто ее не удержит, она спотыкается, но добегает до края платформы. Ну, смотрите же все, чтоб вам провалиться: Джайлз Йо, Билл Уоллис, мистер, мать вашу, Вайни. Если вам интересно, смотрите во все глаза.

Она расстегивает юбку и дает ей упасть. Как ласкает воздух ее несчастную, не видевшую света кожу! Вон из вестибюля, вниз по ступенькам, наружу – и на свободу!

– Не стоило мне смеяться, – говорит Лора дочери.

Для женщины, которую так легко смутить, она очень быстро нашлась. Сначала торопливо подобрала Маринин джемпер и плиссированную юбку, а также свой плащ и сумку, а потом, покраснев, бросилась к дверям вслед за дочерью. «Я встречал бурную реакцию на свою работу, но чтобы настолько...» – произнес у нее за спиной Александр Вайни, и публика подобострастно засмеялась. Несколько человек в задних рядах поднялись с явным намерением поймать Марину. Лора не оглянулась, даже когда строгий голос позвал ее: «Миссис Фаркаш!», будто это она все устроила.

А кто же еще? Сжимая в руках одежду дочери, Лора вырвалась на крыльцо и увидела ее, сидящую на нижней ступеньке.

– Марина!

– Спасибо.

Затем торопливое одевание под взглядами зрителей, высыпающих на лестницу. Марина молчала – может быть, из-за шока? После такого никто бы не удивился.

– Миссис Фаркаш, – повторил тот же голос, но теперь совсем рядом: толстый человечек с обилием подбородков. – Я вынужден настаивать...

– Господи, – тихо сказала Марина.

– Вы Маринин декан? – спросила Лора.

– Мы знакомы, – ответил тот. – Я...

– Ответственный за попечение? Кажется, об этом нам рассказывали, когда она сюда поступила?

– Ну, да. И как заместитель доктора Три, я должен просить вас...

Лора – и откуда только силы взялись? – подняла руку, приказывая остановиться, и декан, не меньше ее удивленный, умолк. Она с трудом проглотила комок и неожиданно для себя самой сказала:

– По-моему, любой, у кого есть малейшее представление о попечении, увидел бы, что сейчас не время.

Марина тихонько всхлипнула.

– Я, – объявила Лора, – забираю дочь домой. Мы распорядимся насчет вещей.

А потом, приобняв Марину и не представляя, в чем будут заключаться эти распоряжения, она провела ее через Мемориальную площадь и Гартские ворота к стоянке такси, на вокзал и, наконец, к лондонскому

поезду.

Чтобы заполнить чем-то холодное и тревожное ожидание на вокзале, Лора купила им кофе, соленые чипсы и мандарин. Все это уже съедено. Марина в мамином плаще, застегнутом на все пуговицы, молчит. Они сидят рядом в глубине вагона для курящих, наполненного, кажется, немцами. Лора задумчиво слизывает с пальцев соль и понимает, что, если сама не заговорит, Марина до самого Лондона не скажет ни слова. Кроме того, она ужасно боится рассмеяться.

– Золотце, – говорит она севшим голосом, обнимает Маринины плечи, прижимается щекой к макушке, и от теплой кожи, от знакомого запаха немых волос у нее перехватывает дыхание.

– Ну и ну, – шепчет Марина, – поверить не могу...

Как было бы хорошо, если бы эти всхлипы и дрожь оказались смехом. Разумеется, это не смех.

– Поверить не могу... – повторяет она.

– Все хорошо, – заверяет Лора, утирая лицо свободной рукой и украдкой опуская глаза.

Марина храбро сжимает губы, но ее тело сотрясается в спазмах. Слезы капают на руки.

– Я... Господи...

– Господи...

– Что скажет бабушка?

Лора открывает рот, но в голову не приходит ничего утешительного – только мысль о том, что скажет Розы, например, завтра утром, когда услышит новость поважнее этой. Она пожимает плечами.

– Все устроится. Я... все улажу.

– Не получится, мам.

– Все хорошо. Только, милая... как... если ты захочешь вернуться, в следующем триместре, будет трудно.

– Я туда не вернусь, – просто отвечает Марина.

– Нет?

– Нет.

– Хорошо. Понимаю. Я все равно не вижу, как теперь... Ладно. Хорошо.

За окном проносится вспаханное поле, потом еще одно. Если весна и готовится наступить, ничто этого не предвещает. Марина опять дрожит.

– Ш-ш, – говорит Лора, поглаживая ее волосы, утирая слезы, трогая скулы, ресницы, веки, губы. Наконец ее дочь успокаивается.

– Ты вела себя очень храбро, – говорит Лора и чувствует под пальцами слабую улыбку.

– Думаешь?

Лора смотрит вниз, в ее карие глаза. Она их знает, как глаза любовника.

– Да, милая, – говорит она, – думаю.

Эпилог

Должен быть способ проще, размышляет Лора, ерзая на зеленом диване. Слететь босиком по горному склону, неся в руках скрижали. Поднять баннер над собором Святого Павла. Что угодно, лишь бы избежать разговора с семьей, сейчас, лицом к лицу.

Она уже известила их, что Марина не вернется в Кум-Эбби. Ответ, по меркам Фаркашей, был на удивление сдержанным; отчасти потому, что Марина, по настоянию матери, сама при этом присутствовала. Возможно, они также почували предстоящую бурю.

– Ужасно, – говорят они и добавляют: – Но почему? – а потом: – *Мегмондохотьюк Добош нэнинек?*

Лора представляет, как говорит: «Потому что я так решила, и я ее мать», но какой в этом прок?

– Подождите, – чуть не кричит она. – Мне, мне нужно... – Ильди, слава богу, к ней ближе всех; Лора отчаянно смотрит в ее сторону и получает в ответ то, что с надеждой принимает за ободряющую улыбку. – Есть еще, ну, пара вещей, которые мы... я...

– Пара? – спрашивает Роза.

– *Тельешен хюйе*, – говорит Жужи. – Безумие.

– Мам...

– Нет, позволь, – говорит Лора. Марина хлопает глазами. – Я... к счастью, Марина может вернуться в Илингскую школу.

Оцепенение.

– Я им позвонила.

– Мама! Как ты...

Но к этому времени стоит такой шум, что Лора легко может не обращать на нее внимания. Она думает: главную новость, конечно, можно отложить на потом? Но даже ей, трусихе, известно: все или ничего.

– Нам крупно повезло, – говорит она. – В Илинге хотят, чтобы Марина...

– Повезло! – вскидывается Жужи. – Повезло им. А старые женщины печальны...

– Одну минуту, – говорит Лора. Марина плачет и пытается ее перебить. – Милая, дай я договорю. Это даже хорошо, по-своему. Они хотят, чтобы Марина снова взялась за историю.

И она садится, придавленная весом собственной лжи.

Пока все бушуют, Лора вдруг понимает, что Марина, которую она ни о чем не предупредила, может упасть в обморок. Она объясняет, что история, очевидно, – лучший выбор для Кембриджа, где, как ей говорили (кто говорил? она сама говорила), медицине учат из рук вон плохо, а Марина тем временем убеждает Розы: «Если вы правда хотите, я могу...»

– Милая, – обрывает ее Лора, – все уже решено.

Она обнимает дочь и крепко прижимает к себе, чтобы хотя бы одна из двоих утешилась.

– Ужасно, – говорит Жужи, раскуривая еще одну сигарету.

– Прекрасно, – говорит Ильди и улыбается.

А Лора уже почти ничего не боится, словно скачет по валунам, чтобы вырвать из львиной пасти Марину, или, ради нее же, всеми силами противится забвению, сильнейшему из соблазнов.

– А вечером вы... – говорит Лора. – Есть еще одна новость. Хорошая или плохая. И то, и другое, наверное. Вечером у вас будет гость.

От автора

Как внучка бывших подданных Австро-Венгерской империи, родившихся в Карпатской Рутении, на территории нынешней Украины, учившихся счету на русском, говоривших между собой на венгерском и при этом считавших себя чехами, я росла, почти ничего не зная о маминых родителях и языке, на котором они говорили друг с другом. В наследство мне досталось множество словарей, в том числе «Краткий венгерско-английский словарь Орсага» (издательство «Академия Киадо», Будапешт, 1967) и «Англо-венгерский словарь («Академия Киадо», Будапешт, 1955), оба бережно завернутые в пластиковые обложки и хранящие запах старой квартиры. Из них мне открылось, что те немногие знакомые прежде слова («халат», «центральное отопление») пишутся несколько иначе, чем я предполагала.

Только сев за этот роман, я поняла, насколько мало знаю об истории Венгрии и Карпатских гор. Постепенно выяснилось, что дело даже не в знании: жизнь эмигрантов из Центральной Европы, поселившихся в Англии, их молчание о собственном прошлом – вот что меня привлекало. Поэтому – какое чудесное оправдание! – мои изыскания сосредоточились на одном из главных интересов, который я разделяю с мамиными родителями: на еде. Я особенно рекомендую вот эти книги по теме:

Мария Флориш, «Готовим с любовью» («Патнэм», Лондон, 1959) – мне нравятся ее старомодный уют, англофилия и остроумие; такую книгу могла бы написать миссис Добош.

Карой Гюндель, «Венгерская поваренная книга» («Корвина-пресс», Будапешт, 1974).

Эрзебет Хюньядь, «Айо хази коньха» («Зингер и Вольфнер», Будапешт, начало XX века).

Джордж Ланг, «Венгерская кухня» («Пингвин», Лондон, 1985) – здесь есть рецепты мусса «Ведьмина пена», яиц «Меттерних», задунайских кукурузных лепешек, дикой утки с айвой и «Хортобадьи реселт теста тюдоевель» (тертой лапши с фаршированными телячьими легкими по-хортобадьски), в общем, всего, что только можно пожелать.

Йожеф Венес, «Венгерская кухня» («Корвина-пресс», Будапешт, 1963) – здесь потрясающие фотографии.

Впрочем, для воссоздания атмосферы и различных деталей пригодились не только кулинарные книги. Среди прочих источников я выделяю:

Петер Баки, Колин Форд, Джордж Сиртеш, «Очевидец: венгерская фотография в XX веке» (издательство Королевской академии искусств, Лондон, 2011).

Адам Биро, «Нужно быть венгром» (издательство Чикагского университета, Чикаго, 2006).

Эдита Катона, «Кодовое имя: Марианна» («Фонтана», Лондон, 1977).

Шандор Марай, «Угольки» («Викинг», Лондон, 2002).

Джордж Микеш, «Как быть иностранцем» («Пингвин», Лондон, 1966) – автору превосходно удалось описать характер венгров, которых я знала; книга могла бы называться «Как ладить с венграми».

Д. Палоци-Хорват, «В темной Венгрии» («Голланц», Лондон, 1944).

Ян Пеньковски, «Волшебные сказки» («Паффин», Лондон, 2005).

Дэниэл Сноумэн, «Бегство от Гитлера» («Пимлико», Лондон, 2003).

Брэм Стокер, «Дракула» («Пингвин», Лондон, 1994).

И наконец:

Энн Барр и Питер Йорк: «Официальное руководство для лондонской леди» («Эбери», Лондон, 1982) и «Официальный ежедневник лондонской леди» («Эбери», Лондон, 1983).

Словарь и произношение

Здесь я привожу примерные значения, а также произношение некоторых венгерских слов и выражений (во всяком случае, так произносили их мамы родители). В венгерском языке ударение всегда падает на первый слог.

Иген – да

Кюсюнюм – спасибо

Бульдог сюлетешнап – С днем рождения!

Ходь вадь – Как дела?

Сэрвюс – К вашим услугам

Кезет чоколом – Целую вашу ручку

Кедвеш эгейшейгейдре! – За здоровье! (особенно чьего-либо дома)

Крумплишалата – картофельный салат

Паприкош крумпли – картофель с паприкой

Кёрёзёт – сыр вроде липтовского^[23], посыпанный тмином и паприкой

Эдсершиминд – в то же время

Ушсехашенлихатотлан – несравненный

Хоньсор фогс фелькельни ма эйель? – Сколько раз ты еще встанешь за этот вечер?

Охоньсор кел – Сколько надо

Эйдеш Жужуи, вираг вирагнак – Милая Жужуи, цветок к цветку

Хусоньольц – двадцать восемь

Удвёзэльнук – добро пожаловать

Нэз – смотри

Нем – нет

Нем ту дом – я не знаю; сливы «немтудом» действительно так называются.

Хихетлен – невероятно

Эм эртед – Ты не понимаешь

Висонтлаташра – до свиданья

Мадартей – плавучие острова

Диош торта – торт с грецкими орехами

Макош – мак

Полочинта – блин

Кукорица – кукуруза

Пондьюла – халат
Кавичко – маленький кофе
Сивешен – пожалуйста
Буто – глупый
Чуньо – уродливый
Попши (попо) – зад
Нодьон сеп хос – красивый дом
Кивель бесель? – С кем она говорит?
Йой де эйдеш! – Ой, как мило!
Надьон эйдеш – очень мило
Тельешен хюйе – глупее некуда
Мегмондхотьюк Добош нэнинек? – Что я скажу миссис Добош?

Благодарности

Спасибо:

Марте Бусевиц, Тине Коцьяш, Джейн Крейг, Мэрион Дональдсон, Люсии Гран, Мэри-Энн Харрингтон, Пэт Кавана, Марте Лэйн Фокс, Джин Макдональд, Кэти Мендельсон, Максу Мендельсону, Рэйчел Мендельсон, Джейн Морпет, Элейн О'Дуайер, Тамаре Оппенхаймер, Никола Роше, Кейт Сондерс, Хелен Симпсон, Кэролайн Стофер

...они знают, за что.

Отдельное спасибо:

Клер Болдуин, Линн Дрю, Джудит Катона-Апт, Ханне Робсон, Агнес Сервански, Валери Томас, Йону Вулкотту

...за лингвистическую и прочую помощь.

Благодарю также всех Роджерсов, Кольриджей и Уайтов, особенно Джилл Кольридж;

всех сотрудников издательств «Мэнтл» и «Пикадор», особенно Марию Рехт и Камиллу Элуорти;

и превыше всего – Джоанну Бриско.

notes

Примечания

1

Перевод А. Беломорской.

Плавучие острова (фр.).

Джейн Гудолл – британский зоолог, исследовала социальную жизнь шимпанзе в естественных условиях.

4

Боадицея – предводительница антиримского восстания в I в. н. э. на территории современной Англии; в Вестминстере ей установлена статуя.

Женские институты – британские женские организации, члены которых на регулярных встречах общаются и обучают друг друга полезным навыкам (преимущественно кулинарным).

6

Процветай, Кум (*лат.*).

Ты, кто принял на себя грехи мира, сжался над нами... даруй нам покой (*лат.*).

8

Не так ли (*фр.*).

Антония Фрейзер (р. 1932) – английская писательница, автор исторических книг, биографий и детективных романов; вдова (во время действия романа – жена) Гарольда Пинтера.

Ноэл Кауард (1899–1973) – английский драматург, актер, композитор, режиссер.

Нэнси Митфорд (1904–1973) – английская писательница и общественный деятель, снискавшая славу своим едким юмором.

...и все хорошо. Нет, шучу. К сожалению, я, как всегда, отвратительна (фр.).

13

Красивый жест (*фр.*).

Спаси меня, Господи (*лат.*).

Хелен Келлер (1880–1968) – американская писательница и политическая активистка. В возрасте полутора лет в результате перенесенной болезни потеряла зрение и слух; опыт ее обучения стал прорывом в специальной педагогике.

Музей Орсе (фр.).

Феликс Холт – персонаж романа Джордж Элиот «Феликс Холт, радикал».

Есть слезы сочувствия (*лат.*).

Мужской член (*лат.*)

Линкольнс-Инн – почетное юридическое общество в Лондоне, готовящее молодых юристов к практике.

Совет Лондонского графства, лондонский муниципалитет.

Война за ухо Дженкинса – война между Англией и Испанией в 1739–1742 гг., поводом к которой послужило выступление в английском парламенте купца Роберта Дженкинса, предъявившего в доказательство испанской агрессии на море собственное отрезанное ухо.

Липтовский сыр – традиционное блюдо в Словакии и Австрии.